

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1980

ПАСТБИЩА ПОД

Галимат Кодзокова: «Давно не виделись...»

Выступает агитколлектив — детский ансамбль танца «Исламей».

Отары движутся в горы. А. Жириков (слева) и М. Вороков (справа) беседуют с чабаном В. Хабидовым.

ОБЛАКАМИ

Табунщик Хабиш Кармов.

Отец и сын. Магомет и Омар Хубиевы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля

1923 года

23 АВГУСТА 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Юрий КОЗЛОВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Откуда появится туман — в горах предсказать невозможно. На этот раз он надвигался снизу, и словно в серую пропасть проваливались зеленые склоны, пасущиеся стада, крытые красной черепицей редкие домики, говорливые горные речки, желтые кольца дороги. Впереди же светило солнце, и венчал этот мир двуглавый Эльбрус.

Каждый, кто побывал в Кабардино-Балкарии летом, надолго запомнит красоту гор. Но в памяти остаются не только горы, но и зеленые предгорья. Это пастища. Из общей площади всех сельскохозяйственных угодий, закрепленных за колхозами и совхозами, на долю горных пастищ приходится более двадцати процентов.

Если попробовать одним словом определить главное впечатление от Кабардино-Балкарии в летнюю пору, то этим словом будет «движение». С начала лета и до самой осени дни и ночи пастухи переходят на горных пастищах скот. За этот период они получают примерно 30—35 процентов годового производства молока, около половины говядины и баранины, примерно сорок процентов шерсти. Для районов, расположенных в непосредственной близости к горам, таких, как, например, Зольский, эта доля еще выше.

С какой бы точки дороги ни посмотрел, обязательно увидишь стада, пастухов на лошадях, трактора, тянувшие за собой домики на колесах. То там, то здесь дорогу пересекают отары овец. Навстречу с сезонных молочных ферм едут молоковозы. Впечатление такое, что вся республика снялась с насыженных мест и двинулась в горы. Вся, конечно, не вся, но в этом году, например, на горных пастищах содержатся около ста двадцати тысяч голов крупного рогатого скота, двести пятьдесят тысяч овец и коз, более четыреста тысяч лошадей.

Круг вопросов, стоящий перед животноводами республики в эту пору, достаточно широк. И главные из них: как сделать, чтобы

См. стр. 6—7.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С К. ФОМВИХАНОМ

14 августа в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Предьер-Министром Лаосской Народно-Демократической Республики К. Фомвиханом.

Л. И. Брежnev поделился опы-

том работы КПСС на различных исторических этапах развития СССР, рассказал о подготовке к XXVI съезду КПСС, который призван наметить новые вехи в движении советского общества к коммунизму.

К. Фомвихан информировал об обстановке в Лаосе, о деятельности партии и правительства по развитию экономики, науки, культуры, укреплению обороноспособности республики. Он подчеркнул, что, несмотря на трудности, связанные с экономической отсталостью и сложной внешнеполитической обстановкой, лаосский народ исполнен решимости создать основы социализма, минуя капиталистическую стадию развития. К. Фомвихан от имени НРПЛ, правительства ЛНДР и лаосского народа выразил глубокую благодарность ЦК КПСС, правительству и народу Советского Союза, лично товарищу Л. И. Брежневу за бескорыстную всестороннюю и эффективную помощь Лаосу в различных областях.

Л. И. Брежнев и К. Фомвихан обменялись мнениями по широкому кругу международных вопросов. Особое внимание было уделено положению в Юго-Восточной Азии. Напряженность в этом районе создается прежде всего экспансиистской политикой Пекина, пользующегося поддержкой Соединенных Штатов Америки. Осуждая гегемонистскую политику Китая, Советский Союз и Лаос выступают за нормализацию обстановки в Юго-Восточной Азии и на всем азиатском континенте.

Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз с пониманием и симпатией относится к политике Лаоса, оказывал и будет оказывать дружеское содействие лаосскому народу в его делах.

Встреча Л. И. Брежнева и К. Фомвихана прошла в братской, сердечной атмосфере и характеризовалась полным единством взгля-

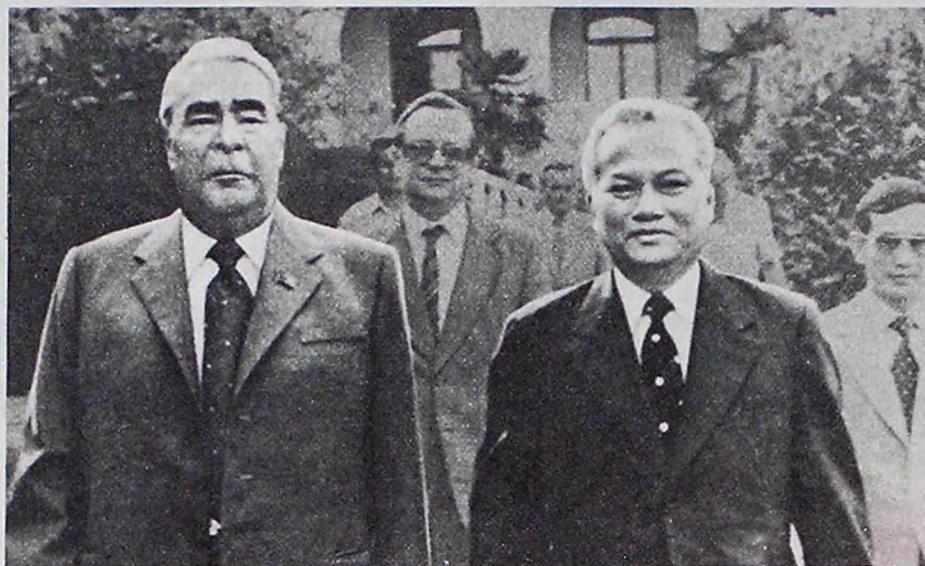

Фото В. Мусазельяна (ТАСС)

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Ю. ЦЕДЕНБАЛОМ

18 августа в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с находящимися на отдыхе в Советском Союзе Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал с удовлетворением отметили, что отношения между советским и монгольским народами постоянно обогащаются новыми формами. КПСС и МНРП активно и плодотворно сотрудничают в политике, идеологии, подготовке кадров и других областях. Растет эффективность связей партийных организаций ряда автономных республик и областей Советского Союза с партийными организациями аймаков Монгольской Народной Республики.

Успешно развиваются экономические отношения между Советским Союзом и Монгoliей.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал обсудили широкий круг международных вопросов, уделив особое внимание азиатским проблемам. Характерной чертой политической жизни Азии является укрепление роли народов к миру и мирному сотрудничеству, социальному прогрессу, к защите национального суверенитета. Вместе с тем налицо опасная активность сил, враждебных делу свободы азиатских народов.

Разрядка напряженности, столь же необходима Азии, как Европе или любому другому району мира. А это требует полного отказа от политики силы или угрозы силой. Прочный мир в Азии может самым эффективным образом послужить оздоровлению мирового политического климата.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Ю. Цеденбала прошла в дружеской, сердечной атмосфере и подстегнула полное единство взглядов по обсуждавшимся вопросам.

Во встрече участвовал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

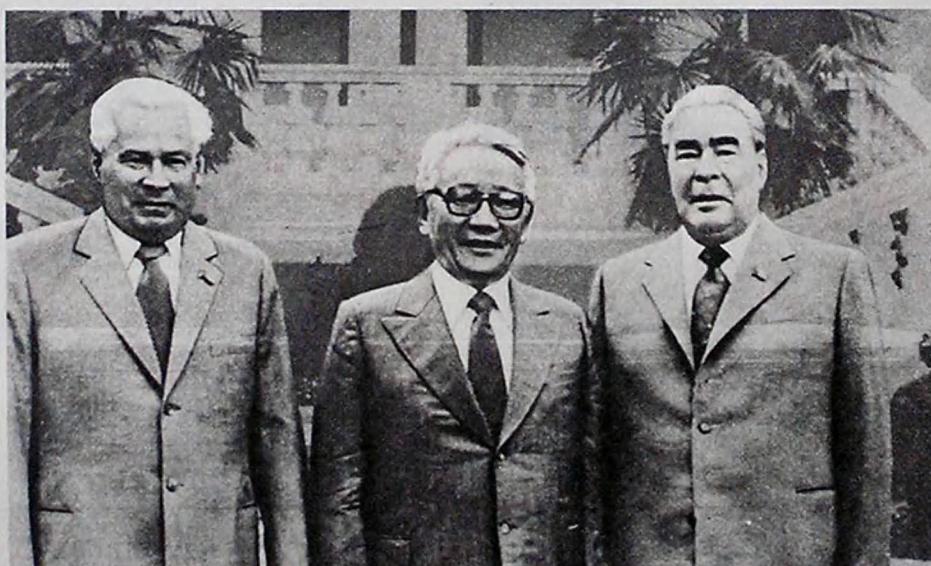

Фото В. Мусазельяна (ТАСС)

«ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ, ВЫДАЮЩИЕСЯ ИГРЫ»

«Игры XXII Олимпиады стали праздником молодости и спорта, способствовали укреплению дружбы, взаимопонимания и мира между народами. Они сплотили международное олимпийское движение, дали новый импульс для дальнейшего развития благородных идеалов олимпизма».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из поздравления «Всем участникам подготовки и проведения Игр XXII Олимпиады».

Вокруг небольшого застекленного бассейна вашингтонского «Марриотт твин-брюджа» толпились шумная группа журналистов, фотопортёров, теле- и кинооператоров. Их взоры и объективы были прикованы к двум молодым парням, которых поочередно, совершая нехитрое сальто, красиво погружались в воду. Затем медленно, как бы с нехотой, они проплывали несколько метров, выходили из кристально прозрачной воды и не спеша направлялись к пластиковому помосту, чтобы вновь повторить то же самое. Судя по выражению их лиц, называя публика не смущала и не радowała парней, а скорее раздражала.

— Кто эти ребята? — спросил я стоявшего впереди меня увещанных камерами фотокорреспондента.

— Грег Доуганс и Кевин Мачемер — члены национальной олимпийской сборной США по прыжкам в воду, — не оборачиваясь, ответил он.

Тем временем молодые люди накинули на плечи халаты и вышли в коридор, который вел в зал для пресс-конференций. «Как вам нравится столица», «Как вы проводите время?», «Где вы уже побывали, что вам запомнилось больше всего?» — посыпались с разных сторон вопросы. Прайда несколько шагов, Кевин Мачемер остановился. Он посмотрел на висевший на стене фоны плакат, который гласил: «Добро пожаловать, участники программы олимпийской славы!» — и ответил: «Мне здесь нравится, однако меня это не радует. Когда яхожу по улицам Вашингтона илиучаствую в показательных выступлениях перед столичной четверкой в спортивном клубе, ко мне приходит одна и та же мысль: «Хей, а ведь это могла бы быть Москва...»

Да, XXII Олимпийские игры в Москве прошли без американских спортсменов, которые стали орудием в политических манифестициях и интригах президента Картера. Ряд личных амбиций главы вашингтонской администрации лишил более 500 юношей и девушки — членов олимпийской команды США возможности участвовать в олимпийских состязаниях, а миллионы американских любителей спорта — следить за увлекательной борьбой.

Чтобы хоть как-то смягчить чувство горечи, возмущения и

крайнего разочарования, которые испытывали американские атлеты в связи с навязанным Вашингтоном бойкотом московской Олимпиады, вашингтонские стратеги попытались провести ряд «утешительных мероприятий», включая так называемую «программу олимпийской славы». Она предусматривала довольно необычный круг развлечений, в том числе экскурсии по городу, посещение зоопарка, а также казарм морской пехоты. Кульминационным моментом этого антиолимпийского фарса американской администрации должна была стать церемония награждения членов олимпийской команды США «памятными медалями» в знак признания их спортивных заслуг и вклада в развитие олимпийского движения в стране — своеобразная компенсация спортсменам за их неучастие в Московских играх и за нанесенный им огромный материальный ущерб.

Однако устроенный на ступеньках конгресса спектакль с награждением бутафорскими «золотыми медалями» обернулся по зором для президента Картера. Более 150 членов несостоявшейся олимпийской команды США вообще отказались участвовать в ханжеской процедуре награждения эразм-медалями. Остальные же устроили выступившему перед ними нынешнему хозяину Белого дома символический бойкот молчания, отказавшись от каких-либо «слов благодарности» в адрес своего «благодетеля».

«Через двадцать лет, глядя на эту медаль, мне вряд ли будет о чем вспомнить, чем гордиться», — с горечью признал член олимпийской команды по борьбе Дэн Чандлер. — То, что нам устроили в Вашингтоне, никоном образом не может заменить радость и впечатления, которые остались бы от Олимпиады — праздника дружбы молодежи всего мира, праздника, который в жизни большинства спортсменов бывает лишь однажды, праздника, который прошел без американских спортсменов».

«Американские спортсмены», — заявляя капитан сборной команды США по современному пятиборью Боб Ниман, — были цинично использованы в угоду нынешних интересов президента Картера. Их обирали, у них отнимали то, что было главным в их жизни, — участие в Олимпиаде. Это слишком горькая пилота, которую нас заставили проглотить».

Одну и крайнее разочарование выражали все американские спортсмены, которым мне удалось поговорить. Они подчеркивали, что никто не может заменить им участия в Олимпийских играх. «В

Москве был действительно крупнейший мировой спортивный фестиваль, участвовать в котором я мечтал с детства», — упорно и тяжело тренировавший — Лесли Клейн, которая входит в олимпийскую сборную гребцов. Но горечь поражения я познала, даже не вступая в борьбу. Я чувствую, что меня и моих товарищей предали правительство и средства массовой информации, которые не только не поддержали нашей борьбы против бойкота Олимпиады, но и вследствие способствовали превращению его в жизнь. Более того, в то время как миллионы людей во всем мире наблюдали за Играми по телевидению, американцам пришло доволеваться линь жалюзи, митингами, фрагментами отдельных соревнований, спортивно-вождевшимися отнюдь не спортивными комментариями. В газетах мы искали прежде всего результаты с московских Олимпийских игр, объективный рассказ о ходе соревнований, но очень часто мы этого в них не находили».

Действительно, американская «свободная печать» делала все, чтобы принизить значение Олимпийских игр в Москве, очернить Советский Союз и другие социалистические страны. На страницах газет и журналов помещались объемистые материалы, подчеркивающие политические интриганы, которые объявили «крестовый поход» против Олимпиады-80. Такой поход вызвал возмущение и негодование со стороны простых американцев. Так, в ответ на злобную антиолимпийскую статью, опубликованную «Чикаго трибюн», читательница этой газеты Филлис Флинн прислала в редакцию возмущенное письмо. «Я никак не могу согласиться с вашей редакционной статьей», — писала она. — Олимпийские игры были созданы для того, чтобы способствовать укреплению мира путем проведения международных спортивных соревнований, а не путем бойкотов этих состязаний. Бойкот Олимпийских игр был безосновательным и нечестивым, потому что он серьезно вредит олимпийскому движению и нашим спортсменам. Только ограниченный, крайне слабый президент мог придумать его».

Все же «Чикаго трибюн» оправила своих читателей утверждением, что москвичи якобы «угрюмый и негостепримный народ», а посему проводить Олимпиаду в Москве не следовало. Но оставим эти бредовые аргументы газеты на ее совести и обратимся к мнению тех, кому удалось, несмотря на все препятствия со стороны властей, побывать на московской Олимпиаде. В интервью телевизионной компании «Эй-бис» житель Нью-Йорка Рене Аламеда заявил по возвращении из Москвы: «Все, что здесь говорят про Советский Союз, — это ерунда, я ни разу не испытывал на себе чувства враждебности со стороны москвичей, наоборот, они общительны, приветливы. Каждый житель города старается

сделать все, чтобы гостю было приятно и удобно. Но что меня поразило больше всего, так это отсутствие антиамериканских настроений в отличие от Соединенных Штатов, где антисоветизм насаждается на каждом шагу. Я очень доволен, что побывал в Москве. Это была прекрасная поездка».

А вот что говорит Дээн Димауро, член организации «Спорт для народов», с которой мне удалось связаться и поговорить: «Я просто восхищен виденным. Летние Олимпийские игры в Москве были организованы блестяще и прошли с грандиозным успехом. Они продемонстрировали, что подавляющее большинство стран и народов на нашей планете хотят жить в дружбе. В Москве я со всей очевидностью убедился в том, насколько убоги попытки администрации Джимми Картера сорвать московские Олимпийские игры. Несостоявшийся бойкот Олимпиады обесценил прежде всего против американского народа, против американских спортсменов, которые были лишены права участвовать в самых крупных международных соревнованиях».

Я была в Москве с 27 июля по 6 августа. За этот довольно короткий срок я посмотрела не только все финальные соревнования, от которых получила истинное удовольствие, но и познакомилась с культурной жизнью вашей столицы. Мы побывали в Большом театре на концерте творчества народов СССР. Я часами бродила по московским улицам, не опасаясь за свою жизнь. Я пришла к выводу, что это самый чистый и зеленый город. Меня поразил городской транспорт, я даже не говорю о всемирно известном Московском метро, которое я считаю просто настоющим произведением искусства. Нас в группе было пятнадцать человек — учителя, рабочие, врачи, адвокаты, в общем самые разные люди, но все они были едини в одном: Москва прекрасна, а люди изумительны».

Восхитительными и выдающимися были московские Олимпийские игры и американский промышленник Эдвард Лэм. «В распоряжении участников XXII Олимпиады непревзойденной по своей организации были самые современные спортивные сооружения и объекты, позволяющие установить олимпийские и мировые рекорды», — отметил он. Поистине неизгладимое впечатление произвели на него радушные и дружелюбие советского народа, неподдельное желание СССР расширять и крепить взаимовыгодные отношения с народами мира, в том числе с Соединенными Штатами. Выразив глубокое разочарование в связи с отказом США принять участие в Играх в Москве, Лэм выразил надежду на торжество идеала олимпийского движения. «Встреча такого масштаба позволяет дружбе и доброй воле преодолевать любые ныне существующие преграды, способствует укреплению духа взаимопонимания и доверия», — подчеркнул он.

Несмотря на всю свою предвзятость, американская пресса все же не смогла замолчать прекрасной организации Олимпийских игр. Особенно впечатляющей, по мнению большинства американских корреспондентов, была торжественная церемония открытия XXII Олимпийских игр. Еженедельник «Таймс» писал: «В течение трех часов на стадионе

имени Ленина 103 тысячи зрителей с изумлением наблюдали за великолепным и пышным зрелищем — парадом открытия Олимпиады, которого не было ни на одной из предыдущих Игр». «Это была одной из наиболее удивительных демонстраций массовой слаженности как на открытии, так и на закрытии московских Олимпийских игр», — указывала в этой связи «Крисен саенс монитор». Эта же газета, знакомая своих читателей с олимпийской Москвой, писала: «безупречно, спортивные сооружения первоклассны. Они не только отвечают, но и превосходят все требования мировых стандартов. Атлетические соревнования были организованы действительно умело и четко, что дает строителям Олимпиады все основания для гордости. Просторная и современная Олимпийская деревня, построенная на огромной территории, представляет собой удивительный комплекс, о котором спортсмены могли лишь мечтать. Жилищные условия журналистов, которые были размещены в современной гостинице «Россия», полностью отличались от тех убогих, которые были предоставлены им в Инсбруке, или Монреале в 1976 году, или в Лейк-Плэйсе зимой нынешнего года».

Успех московской Олимпиады отметил и «Вашингтон пост». Газета подчеркнула, что «36 мировых рекордов, которые были установлены в ходе соревнований, являются отличным результатом для любой Олимпиады».

Подводя итог XXII Олимпийским играм, газета «Балтимор сан» указала, что «производит впечатление количество медалей, завоеванных спортсменами из СССР и ГДР. Русские получили 195 медалей, намного опередив всех остальных. Тем самым они доказали, что СССР продолжает оставаться ведущей спортивной державой и что установленный ею рекорд вряд ли можно побить».

Касаясь спортивной борьбы, которая развернулась на московской Олимпиаде, «Нью-Йорк таймс» писала: «В Монреале ни один член команды пловцов СССР не завоевал золотой медали. Однако после четырех лет упорной работы советские пловцы установили один мировой и четыре олимпийских рекорда. Из них наибольшее поразительное результат был показан Владимиром Сальниковым на дистанции 1500 метров вольным стилем».

«Московская Олимпиада прошла с большим успехом, и это видно из высоких результатов, показанных на ней и о которых я могу судить по обрывистым сообщениям газет», — сказал мне капитан олимпийской легкоатлетической команды США Даг Браун. — На Олимпиаде были продемонстрированы спортивное мужество и большое желание победить, победить бескомпромиссно и убедительно. Мне хотелось бы, чтобы Олимпиада в Лос-Анджелесе в 1984 году была бы такой же честной и открытой, как в Москве. И, помолчав несколько секунд, добавил: — И чтобы трагедия американской олимпийской сборной-80 никогда не повторилась вновь».

Игорь МАКУРИН,
корреспондент ТАСС,
специально для «Огонька»

Вашингтон — Нью-Йорк (по телефону).

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Михаил РОСТАРЧУК

Итак, американцы стали свидетелями одного из последних раундов битвы за президентское кресло. В нью-йоркском зале «Мэдисон-сквер-гарден» состоялся съезд демократической партии, на котором был назван главный соперник республиканца Рональда Рейгана, уже ожидающего его на политическом ринге для последнего финального боя, в котором главный приз — голоса избирателей и, соответственно, Белый дом.

Официальным кандидатом в президенты от демократической партии стал нынешний президент США Дж. Картер, — сторонники сенатора Э. Кеннеди в первый же день съезда потерпели поражение. Они не сумели добиться изменения процедурных правил и проведения «открытого съезда», то есть освобождения делегатов от обязательств голосовать за того или иного кандидата.

Впрочем, в том, что Картер станет официальным кандидатом демократической партии, сомневались немногие, — это вполне в традициях американской политической жизни. За всю историю США только один президент, четырнадцатый, Франклин Пирс, занимавший Белый дом с 1853 по 1857 год и добивавшийся выдвижения на второй срок президентства, был отвергнут своей партией.

Нарушением этой традиции было лишь то, что в рядах демократической партии у Картера был серьезный соперник — сенатор Кеннеди, который активно, что называется, до последнего, вел борьбу против президента. Думается, что Эдвард Кеннеди не выходил из круга не из-за строптивости характера, а по вполне разумным политическим соображениям. Достаточно сказать, что, по последним данным опроса общественного мнения, всего лишь 21 процент американцев одобряет деятельность Дж. Картера на посту президента — это абсолютный рекорд непопулярности, рекорд, который, однако, вряд ли радует американцев, столь охочих до всяческих высших достижений.

Как метко заметила французская «Фигаро», «истина заключается в том, что никто из делегатов съезда демократов не желал голосовать ни за Картера, ни за Кеннеди». Этую мысль можно было бы разить и так: американский избиратель не хотел бы голосовать ни за Картера, ни за Рейгана, тем более что нынешнего президента многие, по словам «Нью-Йорк таймс», рассматривают как «республиканца в одежде демократа», консервативная политика которого неприемлема, особенно в экономической области.

Итак, сложилась достаточно парадоксальная ситуация. Демократическая партия выдвигает претендентом на пост президента человека, который на редкость неудачно испытывал свои высокие обязанности в течение четырех лет. В самом деле, вопреки успокоительным заявлениям Белого дома спад производства не только не прекратился, но значительно усилился.

Дж. Картер не выполнил более двухсот обязательств, данных им четыре года назад, когда он добивался поста президента. Вместо обещанного сокращения военных расходов на пять — семь миллиардов долларов в год на американцев возложили дополнительное бремя военного бюджета, увеличенного на десятки миллиардов долларов. Ратификация советско-американского Договора ОСВ-2, дело, которое Картер объявил в свое время первоочередным, отложена на неопределенное время.

И, наконец, напомним о разразившемся перед самим съездом демократической партии скандале, нареченном по аналогии с Уотергейтом Биллигейтом и связанным с финансовыми махинациями и злоупотреблениями брата президента Билли Картера. Президенту пришлось всего за несколько дней до открытия съезда провести пресс-конференцию, на которой он был вынужден отвечать на пристрастные вопросы журналистов о делах его «брата Билла», усиленного в получении взяток от одной из арабских стран в обмен на лоббистские услуги. Картер пытался, как заметил обозреватель телевизионной компании Эн-би-си, «ограничить масштабы политического ущерба, уже нанесенного ему в результате этого скандала». Однако, по мнению американской прессы, объяснения, представленные президентом, оказались весьма противоречивыми.

И как злой гений нынешней американской администрации за кулисами этого скандала вновь появился помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский. Именно он, используя брата президента в качестве посредника, установил личные секретные контакты с властями этой арабской страны. Именно Бжезинский посодействовал Билли в подборе юристов, которые помогли ему избежать уголовного преследования.

В этой связи «Нью-Йорк таймс» заметила, что наряду с крайне непопулярной экономической политикой администрации и ее весьма неуклюжим курсом в международной политике безрассудства Бжезинского стали «подлинной причиной недовольства Дж. Картером со стороны американцев», которым приходится иметь дело с «недальновидным президентом».

Итак, в ноябре в битве за Белый дом скрестят шпаги Рейган и Картер. Третий претендент на Белый дом — независимый кандидат Джон Андерсон — в этом поединке может исполнить роль арбитра, так как в его силах отбирать голоса избирателей у первых двух претендентов на президентское кресло и тем самым одного из них возвести в Овальный кабинет Белого дома.

23 августа — День освобождения Румынии от фашистского ига. Тридцать шесть лет назад Советская Армия в ходе Ясско-Кишиневской операции окружила и разгромила мощную группировку фашистских войск. Были созданы благоприятные условия для революционных действий патриотических сил. Под руководством коммунистов было осуществлено вооруженное восстание, свергнувшее военно-фашистский режим Антонеску, румынская армия повернула оружие против нацистской Германии.

«Плечом к плечу с Советской Армией, с антифашистами и патриотами других стран лучшие сыны румынского народа приняли участие в завершающих боях против нацистских поработителей», — отмечал товарищ Л. И. Брежнев. — И вполне закономерно, что родившаяся в горниле этих жестоких испытаний новая, народная Румыния с первых дней своего существования установила отношения дружбы с Советским Союзом».

В исторические дни августа сорок четвертого в Бухаресте находился военный корреспондент Зигмунд Хирен.

Несколько дней назад, 20 августа, началась Ясско-Кишиневская операция — одна из крупнейших во второй мировой войне. Ранним утром с каждого километра земли одновременно грянуло по три сотни орудий, в небе стало тесно от наших боевых самолетов. В первый же день наступления войска 2-го Украинского фронта разгромили до пяти вражеских дивизий, а войска 3-го Украинского — около четырех.

...Было жарко, все вокруг раскалилось до последней степени. Невообразимая пыль забивала дыхание, скрипела на зубах, проникала в нос, уши, от нее отяжели веки и стало трудно дышать.

Лонированную оборону противника северо-западнее города Яссы и за три дня наступательных боев продвинулись вперед до шестидесяти километров, расширив прорыв до 120 километров по фронту. Штурмом овладели мощным опорным пунктом обороны противника, городом Яссы. Так это звучало потом в сводках, а тогда наш корреспондентский «клиплес», переваливаясь с бока на бок, вместе с наступающими въехал в предместья Яссы.

По обе стороны дороги небольшие коттеджи, на окнах то скливоются сломанные жалюзи, развеиваются тюлевые занавески. То и дело попадаются наши саперы с миноискателями. Уже приступили к своей работе!

Него по телефону боевые приказы, не подозревая, что это отец. Однажды солдат отдал часть неизвестному лейтенанту, а тот вместо ответа схватил его в охапку, прижал к груди и заплакал, повторяя: «Сынов! Сынов!». Отец, стоял в первые дни войны ушел на фронт, сын был еще. Через некоторое время паренек упросил офицера части, проходившей через их город, взять его с собой на войну, и тот на свой риск взял. Так началась военная биография мальчишки. Попал в огневики, командира батареи в глаза не видел. Такая вот история. Когда обнаружилось, что они рядом воюют, отец, конечно же, забрал сына к себе на наблюдательный пункт. У него был сильный обстрел. Отец упал на руки сына мертвым. Забегая вперед, скажу: пройдет много лет после войны, радиционное задание вновь занесет меня в знакомые румынские края, и именно возле Ясс увижу я вместо пирамидки с красной звездочкой, поставленной в то далекое время, гранитный памятник и возле него румынскую женщину с букетом красных роз. Много на румынской земле таких обелисков, поставленных в память о мужестве советских воинов-освободителей. У меня в записной книжке лишь отдельные случаи. А сколько их было! 286 тысяч советских воинов пролили кровь на румынской земле, из них шестьдесят девять тысяч погибли. Вот какой ценой советские воины добывали будущую свободу Румынии.

...Пока радистки передают мой репортаж в редакцию, настраиваю приемник. Отсыкаю в эфире Москву. Передают приказ об очередном салюте воинам нашего 2-го Украинского фронта. Накануне начальник штаба фронта, тогда генерал, а впоследствии маршал,

восстание, осуществленное патриотическими силами под руководством румынских коммунистов, гитлеровцы продолжают отчаянно сопротивляться. Показал на карте, что некоторые из этих горячих точек попадутся и на нашем пути.

В полете все было, как говорил Захаров. Но долетели.

Помню, как в какой-то, я бы сказал, торжественной дымке неожиданно показались под крыльями крыши многоэтажных домов, улицы, бульвары, заводские трубы... Бухарест!

23 августа произошло окончательное сокрушение обороны противника, и советские войска стали быстро продвигаться в центральные районы Румынии. Создалась благоприятные условия для восстания. В этот день ЦК РКП обратился к народу с воззванием, в котором призывал выступить с оружием в руках против гитлеровцев. К началу восстания Советская Армия отвлекла на себя основные силы гитлеровских войск в Румынию, и наше стремительное наступление способствовало успеху восстания.

Фашистская диктатура Антонеску была свергнута. Румыния вступила в справедливую войну против гитлеровской Германии.

Сразу же после событий 23 августа Советское правительство в специальном заявлении подчеркнуло, что Советский Союз не имеет намерения приобрести какую-либо часть румынской территории. Советское правительство, говорилось в заявлении, считает необходимым восстановить независимость Румынии, оставив ее от фашистского ига.

Я был в Бухаресте, когда туда вошли войска нашего соседа — 3-го Украинского фронта. На центральной улице Каля-Виктория, как и во всем городе, жители приветствовали их с цветами... И вот здесь, на этой улице, по которой триумфально двинулись наши войска, я встретил полковника Чванкина — заместителя начальника политуправления фронта. Ему предстояло выполнить особое поручение, и полковник предложил мне сопровождать его.

Мчимся по той же Каля-Виктории и по другим центральным улицам города. Всюду толпы людей, всюду цветы. Машины наши, достигнув окраины, остановились возле двухэтажного серого, ничем не примечательного особняка, за железной оградой которого виднеются заплещенные, неухоженные деревья. Мы поднимаемся по каменным ступенькам, наверху на маленькой площадке стоят вооруженные люди в штатском — погрансты, румынские коммунисты. У каждого маузер за поясом и маузер в руках. Через кухню прошли в комнату. За большим обеденным столом сидел человек в белоснежной шелковой сорочке. На спинке стула висел мундир с золотыми погонами.

Мне показалось, что я этого военного где-то видел. Но где? Вспомнил. Весной, вскоре после освобождения Одессы, я наблюдал, как неподалеку от знаменитой Потемкинской лестницы наши солдаты скидывали с фронтона здания громадный портрет в толстой позолоченной раме. Это был Антонеску.

И вот для главаря фашистской клики пробил час расплаты.

Так я увидел своим глазами финал Ясско-Кишиневской операции. Румыния вышла из гитлеровской коалиции и повернула оружие против фашистской Германии. Клика Антонеску свергнута. Ее главари находятся в руках румынских патриотических сил, осуществивших в стране вооруженное восстание. Так я оказался свидетелем событий, открывших первую страницу истории новой, социалистической Румынии.

ЗАВТРА НА РАССВЕТЕ...

жать глаза открытыми. Чтоб хоть как-то дальше вести «клиплес», опустился на капот переднее смотровое стекло, захлопнул посередине бела дня фары. Я все торопил и торопил бедного шоферса, уже старого, седого человека, слышавшего среди коллег своих лихачом. Торопил по одной-единственной причине: опасался, что не успею передать в Москву, в газету, свежие новости об успешно развивающемся наступлении 2-го и 3-го Украинских фронтов. При поддержке массированных ударов артиллерии и авиации войска нашего 2-го Украинского фронта прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника, пережитые недавно на подступах к городу. Были очень упорные. Исполнительное мужество проявили наши пехотинцы. Я записал много случаев, когда наши ребята вырывали на себя огни артиллерии, чтобы обеспечить успех наступления. Вот страница из моей почерневшей фронтовой записной книжки. Заголовок: «Отец и сын».

Артиллеристов я застал у свежеустроенной могилы. Сняв каски, стояли простились они со своим командиром батареи. И лишь один паренек в каске горючим плакал, упал на холмик земли. Оказалось, это сын командира батареи. Долго ворвался рядом с отцом, принимал от

начальника Генерального штаба Матвея Васильевича Захарова поручил написать листовку к войскам в связи с предстоящей Ясско-Кишиневской операцией. Листовка начиналась так: «Завтра, 20 августа, на рассвете... В ней говорилось о начале крупного наступления. А накануне Военный совет фронта издал директиву, в которой предложил разъяснить личному составу, что мы воюем теперь на чужой территории, от каждого солдата и офицера требуется высокая бдительность, подтянутость и организованность. К румынскому гражданскому населению относиться с советским достоинством и не допускать самочинных и произвольных действий», — было сказано в этом документе.

В разгар Ясско-Кишиневской операции меня вызывали к генералу Захарову.

— Надо лететь в Бухарест, — сказал Захаров, как только я появился на пороге. Склонившись над картой, он стал объяснять, что Бухарест — это заключительный аккорд операции, осуществляемой двумя фронтами, 2-м и 3-м Украинскими. — В Бухаресте своими глазами увидите результаты. Не только стратегические, но и политические, — напутствовал меня генерал.

В мое распоряжение выделялся «кукурузник». Захаров предупредил, что, несмотря на вооруженное

1944 год. Румыния. Крестьяне встречают советских воинов.

Фото ТАСС

ХОЧУ СКАЗАТЬ О КРАСОТЕ

Алдона КУСКЕНЕ,
доярка совхоза
имени XXV съезда КПСС,
Литовская ССР

Я хочу сказать о красоте. Благодаря ей мы с мужем и оказались здесь, в Юнайяче,— так называлась тогда наша совхоз. То есть, конечно, когда подумали как следует, то получилось, что не только из-за красоты, но и из-за многоного другого. Это первый момент был такой: мой муж нечаянно проехал нужную автобусную остановку, вышел здесь. Ему понравилось и то, что он увидел в Юнайяче, и то, что рассказали о будущем совхоза. У директора Зигмантаса Докши была тогда такая мечта: чтобы все жили в окружении парков, как прежде жили в здешних местах только помещики. А директор наш, депутат Верховного Совета республики, коммунист, он в нашем Шилутском районе, да и, наверное, во всей республике, известен тем, что умеет не только мечтать, но и создавать. По его мечте и получилось: все дома нашего совхозного поселка— а живет в поселке тысяча человек— стоят теперь в парках и садах. Дома красивые, сады красивые. Не знаю, есть ли еще где такой красивый поселок; каждый дом среди зелени будто каменный цветок, а ведь здесь, в низких, сырых местах, вблизи залива Нямунаса, были непроходимые болота, на островках среди болот— убогие деревянные хутора. Я-то это хорошо помню, сама из соседнего района. Теперь местные жители вспоминают, сравнивают: самый лучший урожай на хуторах был 10 центнеров с гектара, урожай— хорошо, если 1000 килограммов в год от коровы. О мелиорации и не слыхали. Сейчас урожай снимаем по 30 центнеров с гектара, уюи на моло, например, ферме— 3 тысячи 800 килограммов в год. В 1977 году последний хутор переехал в совхозный поселок.

С мужем мы познакомились в Калининградской области, куда

оба уезжали на заработки после войны. Муж — тракторист, коммунист. Мы там много работали, жили хорошо. В Литву вернулись потому, что детям надо было учиться, они только по-русски говорили, а мы хотели, чтобы они и литовский не забывали.

Работаю я дояркой уже 30 лет, из них 12 — в нашем совхозе. Учиться мало пришлось, всего четыре класса окончила. Мне по возрасту полагалось пойти в школу на третьем году войны. Но фашисты и не собирались учить литовских детей. Я в школу пошла после освобождения Литвы. Жизнь доучивала меня и работа. 30 лет моей работы — это ведь шесть пятилеток. Как по всей стране, от пятилетки к пятилетке живет наша семья все лучше. Четверо детей, трудолюбивые они и к учению очень тянутся. Дома мы часто говорим, что ныне в Литве люди хорошо живут.

В жизни человека настоящая работа, какая бы она ни была, — это главное. Скажем, у нас в совхозе среди рабочих на первом месте Она Пугавичене. А дело ее на сторонний взгляд скромное— зерновой склад. Вот сейчас со дня на день начнется уборка, пойдет зерно нового урожая к Пугавичене на склад.

Хлеба у нас нынче тучные. Специалисты говорят, что если бы не дожди, так до 36 центнеров с гектара можно было получить, но из-за дождей потери, наверное, будут. Сейчас трудно сказать, сколько центнеров получим, однако никак не меньше 25 или 30. Оне будет нелегко, но она не покинет своего рабочего места до тех пор, пока не уедется — зерно хранится надежно. Руководство совхоза говорит, что она незаменимый человек. И верно, хорошее хранение зерна — это хорошие семена, хорошие корма, хороший доход от продажи зерна государству. Пугавичене сначала работала в колхозе, а 18 лет назад, когда создали совхоз, пришла сюда. Она человек немногословный. Спросиши у нее: «Как работашь?», она ответит: «Как все». (И это тоже правда. У нас весь народ трудолюбивый.) Пугавичене за 30 лет работы с зерном накопила такой опыт, что у нее другим учиться надо. А жизнь у нее незавидно начиналась: родители были батраками у здешних господ. Она уже десятилетней, в 1945 году, пошла школу и окончила только четыре класса. До всего дошла своим трудолюбием.

Зато наши дети ходили в пре-

красный детский сад — его строили и украшали столичные архитекторы, и появился этот детский сад вместе с первым домом поселка, мест в нем было много, молодой народ и стал сюда съезжаться. Потом среднюю школу построили — не хуже, чем в городе. Мой старший сын, Каститис, уже получил среднее образование, сейчас служит в армии. Следующий, Появился, этой весной получил диплом сельскохозяйственного техникума и уезжает работать в соседний район — энергетиком. Пятым учится в техникуме — на механика. Он дома останется работать, сейчас проходит практику, а Сигитас нынче пойдет во второй класс. Молодежи у нас интересно — хороший Дом культуры, часто бывают танцы, вечера отдыха, есть кино и, конечно, у всех телевизоры.

Совхоз был крепким хозяйством уже и в предыдущие пятилетки, недаром ему присвоено имя XXV съезда партии, а эта пятилетка нам запомнится — трудная она была по погоде и тем более удачливая, что мы из трудностей вышли с честью. Зима позапрошлым годом была морозная, мы как могли оберегали скот: двери ферм закопаличивали, трубы, чтобы не поползли, утепляли соломой и обматывали, силос каждый раз приходилось размешивать. Старые покрышки скижали: силосхранилища и скотные дворы обогревали. Работы было вдвое больше против обычного, зато ни в урожае, ни в животноводстве не только ничего не потеряли, но дело идет все лучше. Три раза этой пятилетке нашему совхозу торжественно вручали Всесоюзное переходящее Красное знамя. А нынче с середини июня дожди идут не престанно. Но мы успели заготовить сено, сенаж и травяную муку. По мясу и кормам пятилетний план выполнили весной, к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, по молоку — к 40-летию Советской власти в республике. Так что теперь живем уже в 11-й пятилетке. Домов настроили за эти пять лет много, и все один другого краше. Моя семья получила четырехкомнатную квартиру. Купили новую мебель и всяческое прочее хозяйственное обзаведение. Теперь ждем очереди на автомашину. Как получим, так отправимся путешествовать всей семьей по нашей Литве, по городам и по новым селам. Своими руками мы свою Родину строим и украшаем, это-то и дорого сердцу.

На рейде выставки.
Фото Ю. Щенникова

ГОЛУБАЯ НИВА ПЛАНЕТЫ

Как подступиться к богатствам Мирового океана? Как складываются сегодня наши отношения с голубой нивой планеты, как развиваться им в ближайшем будущем? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, ученые, инженеры, специалисты из 22 стран встретились в Ленинграде на международной специализированной выставке «Средства добывания, обработка рыбы и морепродуктов и воспроизводства водных биоресурсов» — «Индыбром-80».

Десятки тысяч квадратных метров выставочного комплекса на Васильевском острове занимают экспозиции 200 фирм. А рядом, в акватории порта, выстроилась целая флотилия

Начало
см. на 2-й стр.
обложки.

ПАСТЬИЩА ПОД ОБЛАКАМИ

судов всевозможного назначения — от миниатюрной «Бегуны» — используемой для перевозки мороды осетровых пород, до огромного, 150-метровой длины приемно-транспортного рефрижератора «Звездный берег», построенного корабелами ГДР для рыбаков Камчатки. Павильоны, стенды выставки поражают обилием разнообразных технических чудес.

«Инропром-80» стала хорошим стимулом для новых научных идей, направляемых в исследовательской и конструкторской деятельности, помогла ученым, инженерам согласовать свои усилия в освоении океанских богатств.

Не только повышение «урожайности» заботят сегодня рыболовов. «Главная проблема», — отметил на открытии выставки министр рыбного хозяйства СССР В. М. Каменев, — не в том, чтобы взыскать с того, кто в состоянии дать нам океан, а в том, чтобы обеспечить постоянное и опережающее вылов воспроизводство ценных видов рыб и других объектов природы.

В этом плане весьма показательна экспозиция Советского Союза — самая представительная по масштабу и наиболее

полная по тематике. Внимание посетителей выставки привлекло подводная лаборатория «Бентос-300», с помощью которой исследуются ресурсы геологического шельфа и биологические условия в районах создания морских хозяйств; аппаратура для привлечения и удержания рыбы в зонах отлова; автоматизированные про мысловые системы...

Уникален объем работ, ведущихся в СССР в области воспроизводства и сохранения водных биоресурсов. Знакомясь с советскими павильонами, узнаешь про опытное вселение камчатского краба в Баренцево море, про комплексы по восполнению рыбных запасов в дельте Волги и пресноводного Байкала, про сложнейшие защитные устройства и сооружения, обергающие рыбу в зоне действия крупнейших ГЭС на Енисее, Оби и других реках. Советские разделы выставки наглядно подтверждают, как много делается у нас для применения богатств, дарованных человеку природой.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
сборник «Огонька»

Ленинград.

животные хорошо росли и поправлялись на горных пастбищах! Как организовать жизнь людей, чтобы они не испытывали никаких неудобств, не чувствовали себя в горах оторванными от дома?

ОТЕЦ И СЫН КАРМОВЫ

Чем дольше находишься в горах, тем больше удивляешься по-где. Она меняется каждые несколько часов. Диапазон изменений достаточно широк — от пальца солнца до тумана и града. При таких капризах успех дела во многом зависит от мастерства, спортивки, интуиции пастуха, чабана, табунщика. Приобретаются все эти качества только в результате многолетней работы. Передать их другому тоже не так просто. Много сезонов надо для этого провести вместе, делая одно и то же дело.

Поэтому не удивляешься, что так часто встречаешь в горах отца и сына, деда и внука, живущих в одной палатке, вместе пасущих стада, отары, табуни. Молодежь Кабардино-Балкарии охотно идет в животноводство. Здесь сквозится уважение к традиции предков.

Табунщики Хабиш Кармов и его сын Хасанбай — люди для Кабардино-Балкарии типичные. Они стерегут пять косяков лошадей в живописном урочище Мушт. Лошади знаменитой англо-кабардинской породы конного завода № 34. Он поставляет их на аукционы, на скачки, пограничникам, охраняющим границы в горах.

Хабиш Кармов — старейший джигит и табунщик. Сорок пять лет назад он брал призы на Нальчикском ипподроме. Стаж табунщика исчисляется уже тридцатью годами. У Кармова лицо многое повидавшего и пережившего человека, однако же чувствуется, что, несмотря на преклонный возраст, Хабиш еще может проскальзывать на коне так, что молодые позавидуют. Одно из дорогих воспоминаний в его жизни относится к пятидесятым годам. Тогда на завод приезжал маршал С. М. Буденный, и Хабиш Кармов беседовал с ним.

В этом году, в июне, на Нальчикском ипподроме состоялись скачки на приз имени Хабиша Кармова.

Начальник районного штаба отгонного животноводства Мухаммед Вороков и партторг штаба Алик Жириков рассказывают, как в прошлом году в горах вдруг ударил мороз. Резкой перемены климата животные не выносят. Хабиш Кармов кожей, что ли, почувствовал, что погода изменится, и загодя загнал лошадей в балки. Там теплее, там легче переждать мороз. Так все лошади остались цели.

Сын Хабиша Хасанбай перешел в десятый класс. После школы хочет поступить в техникум, учиться на зоотехника. А вообще их пять братьев. Сейчас кто где. Старший работает на Нальчикском ипподроме. Средний служит в армии.

— Все пятеро ездили со мной в горы! — гордо добавляет Хабиши

Кармов и продолжает: — Главное — забота, которую мы здесь в горах постоянно ощущаем. Уверенность: случись что, нам немедленно придет на помощь.

— И такое бывало?

— В прошлом году. Град побил траву, на бульдозерах завозили комбикорм...

ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЖДУТ

Во время поездок по урочищам Зольского района мы убедились в правоте слов Хабиша Кармова. Действительно, заботу о себе труженики отгонного животноводства ощущают постоянно. Помимо республиканского штаба, созданы целая сеть районных штабов, решают все вопросы, связанные с жизнью и работой животноводов летом и осенью. Это неудивительно. В последние годы отгонное животноводство играет все более заметную роль в сельском хозяйстве республики. За это время в горах построено 320 километров дорог с твердым покрытием, 236 километров горных водопроводов, проведено свыше 270 километров линий электропередачи. Серьезное значение придается и улучшению культурно-бытовых условий. Только в двух основных урочищах молочной зоны построено 64 жилых дома, два Дома культуры на семисот мест. Каждую неделю выезжают на горные пастбища агитколлективы.

С одним из них встретились на ферме Галимат Кодзаковой в колхозе «Путь к коммунизму».

— Стоп, машина! — командует Родионов. — Будем ставить здесь будку, уже готов и спуск на воду, проверена вся его премудрая электронная начинка, выведен за борт якорь.

— Пошел!

Вслед за якорем под воду на флаге Гирляндой уходят датчики измерения параметров воды. Монументальный оранжевый буй с огромной антенной медленно опускается за борт и вскоре уже степенно колышется на воде, словно кивая нам, что все正常но.

Этот был последний. Надо возвращаться на Шикотан, тем более что полчаса назад получена радиограмма: «Скорость ветра до 22 метров в секунду».

Так закончилась комплексная научно-исследовательская экспедиция по теме «Изучение цунами и сопутствующих явлений в море Японском вместе с учеными Сахалинского комплексного НИИ — головного» страны по изучению цунами — в нем участвовали специалисты гидрометеослужбы и многих других научных учреждений.

Обсерватория на Шикотане — штаб экспедиции — забралась подальше и повыше от воды. И большой волны. В штабе тишина. Размеренно стрекочет телетайп с очередной сводкой погоды, чуть подрагивают стрелки самописцев сейсмографов. И пусть шторм, здесь все равно считают: в океане спокойствие.

Среди многочисленных проблем Тихого океана изучение цунами — особая. Печально знаменитая волна, накрывающая в 1952 году Северо-Курильский, была высотой в 19 метров...

Причина цунами — сильное подводное землетрясение в океане. И все же не всклю, даже сильное землетрясение рождает цунами. Важно, чтобы оно не вестить населению. За время, которое дает природа в распоряжение людям, они успеют прервать работу, подняться на сопки. Рыбаки смогут укрыться на судах или вывести их на открытую воду, где волна менее опасна.

на, чем у берега. Ложная же тревога тоже недопустима — кроме моральной травмы, это еще и потери тысяч рублей выброшенных денег.

Непрерывно следят за океаном службы сейсмостанций на Курилах, Сахалине, Камчатке. Главное — научиться точно определять, где произошло землетрясение, какова его сила и что за волна последует к берегу.

В разных районах акватории учеными установлены буи — автоматические лаборатории, регистрирующие параметры воды: температуру, давление на разных уровнях, скорости течения, измерители вариаций электрических и магнитных полей. Датчики размещены на фалах, крепящихся к буй. В самом буе находятся программный механизм, система регистрации измеряемых параметров, блоки питания. Все сооружение венчает пелетиметровая антенна, передающая измеряемые параметры в штаб на Шикотан.

Сейчас совместно с гидрометеослужбой на Сахалине создается центр автоматизированного предупреждения цунами — рассказывает начальник комплексной экспедиции А. В. Родионов. — Информация с сейсмостанций и из океана сможет поступать в центр, обрабатываться на ЭВМ. Машины и будут давать оперативное и окончательное заключение о грядущей стихии. А пока мы отрабатываем новые приборы, методы исследований и прогноза.

...Тишина в обсерватории не нарушается, даже когда на аварийном пульте загорается транспарант: «Происходит землетрясение». Здесь, на Южных Курилах, двух-трехбалльное землетрясение вызывает у жителей не больше эмоций, чем у нас, москвичей, нормальный летний дождь. Шикотан спит спокойно.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ
Курильские острова.

— Это ничего, что иногда артист больше, чем зрители, — сказал заведующий автоклубом Мухаммед Гятов, главное, чтобы людям было весело...

Сам Гятов, кроме того, что водит автофургон, умеет «крутить» кино, поет песни на русском и караоке-нон, играет на аккордеоне, танцует, фотографирует,чинит электроприборы.

— Чувствуешь, что нужна людям, — добавляет студент Нальчикского культпросветучилища Лариса Умачева. — Это прекрасно!

В пути мы встретились с поднимавшимися в горы ветеринарными и зоотехническими станциями, автолавками, машинами службы быта.

В ближайшие годы предстоит увеличить продуктивность пастбищ. Для этого необходимо обеспечить колхозы и совхозы специальной техникой, минеральными удобрениями, средствами борьбы с сорняками. Нужны дополнительные средства для строительства горных дорог, водопроводов, электрификации новых, еще не используемых пастбищ. Как будут решаться эти вопросы, покажет время. Время покажет, и с какими результатами закончится нынешний сезон...

Глядя на парящие синем небе вершины Эльбруса, не можешь не думать с огромным уважением о людях, в нелегких условиях делающих важное для страны дело. И от всей души хочешь им пожелать чистого неба над головой, а их стадам — хорошей травы.

КАМИЛЬ ПИССАРРО

Александр БАСМАНОВ

Пошел снег и свел наスマрку все приготовления и праздничные уборы: японские бумажные фонари, раскрашенные в лилово-лимонную шашку фанерные трибуны, бахрому из серебряной фольги и гирлянды цветных флагов, развешенные из окна в окно, — все обмякло и слопилось, превратилось в какую-то прокисшую кашу.

Мокрые теплые хлопья вываливались из небесной хляби почти ненадолго, боты утопали в сплошной городской луже, вода с зонты стекала прямо на панталоны, и они приклеивались к коленкам — было скользко и грубо.

В те дни Писсарро нанимал двухкомнатный номер на втором этаже отеля дю Лувр с видом на площадь Французского театра и Оперный проезд, и известно, что, перед тем как перенести именно в этот номер свой сундук, он обошел с прислугой целый этаж, отворял подряд каждое окно и все наложил окуляр старинного медного перспектора, точно-в-точку такого, каким пользовались мастера для рисования улиц и сто и двести лет назад.

Резьба давно свинтилась, кольцо наводки прокручивалось и долго не давало резкости, но когда она наконец появлялась, Оперный проезд сразу выносил в линзе узкой зыбкой воронкой вперед, вдаль, и его контур сизым туманным пятном таял в мокром небе. Кто-то что-то кричал, трепетали экипажи, из трактира внизу доносились запахи жареной рыбы и трубочного табака, хлопали на сырому ветру отяжелевшие полосатые тенты и оплышили дешевой краской фланелевые флаги.

Писсарро приехал сюда из Эраны, чтобы писать карнавальное шествие с дудками и барабанами, свистульками и воздушными шарами в те короткие часы голубой и звонкой погоды, какая непременно стоит над Парижем в канун великого поста, а потом окончательно приходит на пасху. Он уже захватил однажды этот момент, когда из широкого итальянского окна отеля де Рюси писал весеннее шествие на Монмартре: и еще голые деревья, и робко появившиеся на тротуаре мраморные столики кафе, холодноватую хрустальность неба, и цыплята пятнишки жидкой мимозы, закопченные дома с мансардами и узкими каминными трубами, которые летели среди легких облаков, и дрожание солнечных зайчиков на замшелых стенах, движение людей, карет, фиакров, лошадей и теней, размытых быстротой, текучестью мгновений.

Но этот раз из-за дурной погоды карнавал расстроился, но уезжать было немыслимо и не нужно, поскольку нынешние хмари и сложко давали удивительно красивые сочетания розового, фисташкового и прекрасного серого, слившиеся в перламутровую гармонию.

Два месяца назад умер сын Писсарро, двадцатирехлетний Тити, его надежда и гордость, тоже художник и притом самый талантливый из всех шестерых детей, пятеро из которых были живописцами. Но Писсарро заставлял себя теперь помнить о живых, экономить силы и твердость для работы — те самые силы и ту твердость, которых хватило, чтобы не дать жене помешаться от горя. И, разбирая рисунки Тити, привезенные с собой, он думал только о воздухе, о том, что удалось или не удалось запечатлеть его сыну.

Этот приезд в Париж в 1898 году был, по сути, уже итогом судьбы, подведенiem черты, за которой прошлое являлось отчетливо, как на ладони. Писсарро называли патриархом импрессионизма, хотя в веренице имен, с которыми связано это понятие, его имя редко звучало первым. Первенство никогда не интересовало Писсарро, как и чисто внешние эффекты. Он знал, что главное в творчестве — верность своей идеи, и потому всегда сохранял сосредоточенную суровость классика, для которого важнее найти истину, чем благополучие и славу.

Благополучие, впрочем, и немыслимо было у человека, назвавшегося импрессионистом. Писсарро вместе с большинством своих единомышленников прошел сквозь оскорбительное непонимание, насмешки и нищету, оставаясь тем не менее самим стойким и убежденным в своей вере, не падая духом, когда отчинались остальные.

Внешняя его жизнь была негркой. Он не обронил для будущего беллетриста ни скандального анекдота, ни памяти об экзотических путешествиях, ни нравственной исповеди о душевном борении, ни сюжета трагической любви — оставил лишь след вдохновения: запечатленные дороги, сельские харчевни, мглистое или яркое небо, работу крестьян на огороде, в саду и поле.

Камиль Жакоб Писсарро родился в семье мелкого лавочника (склонные и шорные товары, канцелярские принадлежности) в 1830 году, в июле, в городе Шарлотта-Амалия, на острове Сен-Тома между Пурто-Рико и Барбадосом — в местах, помнивших еще его однофамильца, лихого испанского конкистадора.

По-настоящему рисование пришло лет с тридцати, во время учения во французском колледже, где он провел шесть лет. Но именно по возвращении, дома, художественная работа стала необходима как воздух, и Писсарро иногда явно, а иногда тайно соединял ее с делами в лавке. За рисованием и застал его однажды Фриц Мельби, модный художник из Константина. Выбор был сделан, и в этих стенах напоминаем о Камиле Жакобе осталась положенная на прилавок записка, уведомляющая об отъезде с Мельби в Венесуэлу и о полном разрыве с «буржуазной жизнью», ненависть и отвращение к которой Писсарро сохранил до гробовой доски.

Отец Камиля оказался добр и неглуп: полетели письма, обещания, а затем сына отправили в парижскую Школу изящных искусств, где, правда, по словам Делакруа, «обучали прекрасному, как учат алгебре».

В двадцать пять лет он приехал в Париж, поспев как раз на чудо века — Всемирную выставку, которая во многом и определила его судьбу: бок о бок с павильонами «прогресса» (новейшие сеялки, паровозы, моды и парфюмерия) — павильон «замечательнейшей коллекции живописи и скульптуры, какая когда-либо оказывалась в одном помещении», произведения художников из двадцати восьми стран. Здесь выставлялись «деревенщики», Милле и Курбе, Энгр и Коре. Это была для Писсарро путеводная звезда: он пошел к Коре. Мастер не брал учеников, только давал советы: главное — цвет и валеры. В 1859 году в Салоне появилась картина новенького с подписью «Писсарро (Камиль), ученик Антуана Мельби. Вид Монморансии».

Парижский Салон переживал упадок. Энгр говорил, что это теперь не что иное, как «лавка по продаже, рынок, заваленный огромным количеством предметов, где вместо искусства царит коммерция». Все перевернулось с ног на голову, расплодилось, лицевалось наизнанку. Да и Писсарро сам для себя еще не определился. Работал, следуя за «деревенщиками» и Коре, в окрестностях Парижа, а потом и вовсе перебрался в Понтуаз, добросовестно и неспешно совершая свое ежедневное дело и получая уроки только у природы.

Он изображал небольшие пейзажи, обязательно с дорогой, но не дорога интересовала его, а изменчивые состояния природы, общее свето-воздушное единство, влажная атмосфера пасмурных дождливых дней. Его же привлекали ни эффектные жесты, ни сложные линии, ни трагические изгибы ветвей на грозовом небе — достаточно было склонить холма, силуэт фигуры и блуждающего облака.

Где, в чем сказалось начало его импрессионизма? В многочисленных «нет». Рабскому подражанию, условиям прежнего живописного языка, историческим и повествовательным сюжетам, темным краскам и золотому багету. А еще в том, чтобы запечатлевать миг жизни, всегда, даже в густых сумерках, пронизанный вибрирующим воздухом. Он окесточенно искал этот текучий свет, изменяющийся, омывающий мир, проникающий всюду, во все скрытые уголки: любил дырявые тени от тополей и кленов, послеполуденное освещение у подножия отлогих холмов, где морево струится потоками, и на лугах, где расстилается прозрачный пеленой, отмечал ласкающее прикосновение света к загорелому гибкому телу девочки-крестьянки, к дрожащему листу, травинке и камню.

Воздух, свет становились другими каждую минуту, один и тот же мотив можно было писать бесконечное количество раз, и потому, когда Матисс спросил его однажды: «Что значит — быть импрессионистом? — Писсарро, не задумываясь, ответил: «Импрессионист — это художник, который никогда не пишет одну и ту же картину, а каждый раз новую. Самый же типичный импрессионист — Сислей». Эта последовательность Сислею (может быть, даже более тонкому и поэтичному, чем

Камиль Писсарро. 1830—1903. Бульвар Монмартр в Париже. 1897.

Камиль Писсарро. СТАРЫЙ РЫНОК В РУАНЕ И УЛИЦА ЭПИСЕРИ. 1898.

он сам) да и вообще смысл всего ответа Матиссу стали для Писсарро принципиальными: «Я вспоминаю, что, полный энтузиазма, я никогда не сомневался, даже в возрасте сорока лет, что являлось основой пути, которым мы инстинктивно шли. Это было изображение воздуха».

Сорок его лет — пора твердости, обретения мужества, пора решений: женитьба на Жюли, горничной матери; контракт с Диоран-Рюзлем, торговцем картинами (продажа буквально всех новых работ ему одному); отказ, отыне и навеки, от участия в Салоне. Наконец, отъезд из-за прусской оккупации Парижа в Лондон, где вдруг стало абсолютно ясно, что родиной может быть только Франция. Этот путь к ней от начала жизни он вспоминал каждодневно: скобяную лавку, Каррии, раскаленный изумрудный островок, солнце, озерающее и золотящее все вокруг огненными оттенками, ход белого трансатлантического парохода по ватиканскому океану, сумрачный гаврский порт, и потом туманные, синие, лиловые и зеленые пейзажи Иль-де-Франса и Нормандии.

И еще его сорок лет — это ясные и недвусмыслиенные политические принципы, это трагически не сбывающиеся надежды на победу Коммуны, это осознание роли нового художника: «Кто, не заборясь о наяву, без мыслей о вознаграждении, будет бороться против буржуазных и официальных порядков посредством своего личного вклада».

С сумерками, когда газового света недоставало для работы, они все время от времени появлялись на Гранье де Батиньоль в трактире Гербера, который показывают теперь заезжим туристам как мемориальную гордость Франции. Тут бывали: сам жестокий острог Манз, светлый, розовый, с насмешливым ртом, в безукоризненных перчатках и шляпе, сдвинутой на затылок, Золя и Базиль, Ренуар и будущие отцы синематографа оба брата Люмьеры, Сислей и фотограф Надар. Приходили: хрупкий, аристократический и язвительный Дега, высоколобый, с изломанными бровями; худой, ясноглазый, бородатый Сезанн, демонстративно подтягивавший штаны на глазах у всех; сдержаннейший, полный благодати Писсарро.

Беседы развязывались взрывоопасно, обостряли ум, стимулировали стремления, укрепляли волю. В трактире Гербера происходил обмен опытом, рождалась новая теория мироощущения и нового искусства. Обсуждали, казалось, частности: китайский синий фарфор и веера, японские гравюры и кимоно, вопросы теней, декоративности, пространства и рисунка, натюрморты и старинных мастеров. Частностями, однако, все казалось только на первый взгляд. В действительности разговоры о технике, форме и сюжетах сводились к смыслу художественной правды: это была истинная цель.

В их звездный час — нищие и непризнанные — они стали думать о кооперативе и выставке. В апреле 1874 года экспозиция открылась в фотоателье Надара на бульваре Капуцинок, знаменовав веобщий скандал. Смех буржуза раздавался повсюду. Академик-пейзажист Жозеф Винсент ходил багровый. «Объясняйте мне, что означают эти бесчисленные черные мазки, будто кто-то языкамилизал?» — почти кричал он. Перед «Вспаханным полем» Писсарро у него с носа упало пенсне: «Это вы называете бороздами? Это вы называете именем? Да ведь это скрежетки с палитры, брошенные на грязный холст. Тут ничего не разберешь. Где хвост, где голова, где верх, где низ, где перед, где зад».

Писсарро считал, что все идет хорошо, что это успех, несмотря на выводы критики («Импрессионисты объявили войну красоте») и ужающую нужду. Картины не продавались, Диоран-Рюзль был сам на грани разорения, кондитер и меценат Мюрер если что и брал, то расплачивался бакалеей, другой же торговец, папаша Танги, — красками и холстами.

Он сделался крестьянином, овощи с огорода стали для жены и детей единственной пищей, деревянные башмаки — единственной обувью, на билет до Парижа следовало копить. И были дали, низкое небо и росистая влажность травы, и работа над «Холмом де Бёф» и «Красными крышами» — лучшими его произведениями тех годов: зеленые склоны, движение пятен солнца и заросли кустарника, деревья, сквозь которые мерещатся дома под черепичными островерхими шапками, и яркие оттенки, и зыбкие формы, и радость, радость во всем без конца.

К пятидесятилетию Писсарро подходил мужественно и твердо, мастером, со своей повадкой, выучкой и стилем, неброским, но уверененным, спокойно убежденным, что никакой другой его судьба просто не могла быть. И он писал: «Главное, не надо лавировать... То, что я претерпел, невообразимо, то, что мне приходится терпеть сейчас, — ужасно и переносить это труднее, чем когда я был молод и полон сил и энтузиазма, а теперь я уверен, что у меня нет будущего. Однако, если можно было бы начать сначала, я думаю, я не стал бы колебаться и пошел бы по тому же пути».

Казалось: он потерян для будущего, уже стар, топчется на одном месте своих идеях, сюжетах и в своей технике. Он был убежден, что у него попросту отсутствует талант. «Вам осталось сделать только один шаг, — призывали его. — Ваше имя знакомо художникам, критикам и интересующимися искусством публикой. Но вам надо сделать еще один рывок и приобрести широкую известность».

Писсарро не собирался делать никаких рывков, хотя с ним вправду случилась худшая из возможностей: его заметили, но не оценили. С одной стороны, его творчество отмечали, с другой — это сочувствие никогда не выходило за пределы некой усредненности, что являло ярлык, может, и приятного, но малозначительного мастера.

Но мастер шел своей дорогой, к своему маяку, к той самой цели, что предназначалась судьбой, и главной вехой на этом пути стала поездка в Руан. Его потянуло туда осмотреть чудесный готический собор, тот самый, который бесконечно писал Моне: ясным синим утром, в тумане, при заходящем солнце. Именно там, вблизи океана, можно

было увидеть смену неповторимых цветовых эффектов, какую-то клузирующую атмосферу. Именно там он и стал художником города.

В ветреную погоду Писсарро выходил к тяжелой, маслянистой реке, смотрел на серую рябь воды, на далекие и близкие облака, на птиц. Было зябко, он возвращался сначала по тропинке через камыши, потом через темный и сумрачный парк, сквозь старинные каменные ворота, выводящие на вытянутую к закату узкую, как стрела, улицу с белым шпилем церкви, на острое которой, высоко в небе, сидел же-лезный петух.

В церкви был запах расплавленного воска, низко висели красные, чищены медные шары-многоглавые, громоздился дубовый острогорхий алтарь с сюжетом Вознесения, и Писсарро вставал у деревянной колонны, чтобы можно было незаметно уйти, и смотрел на желтый огонь свечей, гипсовые фигуры, букетики цветов на кружевной скатерти, пока не начинали звучать музыка и голоса на антресолях. Первые звуки органа еще смешивались со стуком медиков о металлический таз, покашливанием, говором, но потом все стихало, и оставалось лишь мощное пение, устремленное вверх, под стремительные белокаменные своды.

В комнатке дешевого отеля, которую Писсарро нанимал, впечатление от собора возвращалось мотивом, настроением от всего города, и он брался за кисть и палитру, начинал писать то, что видел прямо из окна, но так, что включалось не только наблюдение (он отмечал это сам), но и память.

Руан — зреость Писсарро, преддверие его лебединой песни — серии парижских видов, начало осмысливания своего искусства. Не разрушение, не самостоятельность оказывались во главе угла, но традиции: «Мы ведь ближе к художникам готики... Наши учителями были Клуэ, Никола Пуссен, Клод Лоррен, XVIII век с Шарденом и художники 1830-х годов с Коре». Все становилось на свои места — импрессионизм органически входил в духовную историю Франции.

С возрастом художник изменился мало: как и в начале пути, без всякой рисовки и бахвальства, со своей терпимостью и добротой занимал положение старейшего в движении импрессионизма, но девяностые годы были для него нелады. Он разочаровался в поисках новой манеры «научного импрессионизма», а дома нужда достигла той унылой хронической стадии, когда терпение жены переродилось в ее постоянные попреки. И мучила еще не прекращающаяся боль в глазу, окончательно запретившая работу на пленэре.

Теперь он переехал на время в отель дю Лувр, писать прямо из номера карнавальное шествие, но праздничный лопнул и отменился из-за дождя и снега, и тогда Писсарро решил изображать и дождь, и снег, и Париж вообще — ночью, утром и днем, со всей его толпой, щеголями, нищими, сотнями огней и уличных ритмов, грохочущими вокзалами и железнодорожными дворцами метро, новенькой Эйфелевой башней, экипажами и диковинными автомобилями, прыгающими на гуттаперчевых колесах.

Картин, запечатлевших Оперный проезд, получилось одиннадцать, и одну из первых в этой серии, а именно «Оперный проезд. Эффект снега», купил в 1903 году в Париже московский коллекционер Иван Абрамович Морозов. Полотно попало в Россию, как попали туда и «Вспаханная земля», и «Бульвар Монмартр», и «Осеннее утро в Эрансе», и «Площадь Французского театра». Родина же Писсарро не приобрела при его жизни ни одного произведения, и даже дар — стоя оттисков лучших гравюр, посланных художником в Люксембургский музей — осталась попросту без ответа.

Тот «Оперный проезд», который висит теперь в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина прямо против (что весьма символично) «Соборов» Моне, своей идеальной композицией почти классичен: тяжесть домов слева уравновешена чуть сдвинутой вниз и вправо вращающейся фонтанной, а разворот в глубину сознательно усилен и перспективно напряжен, как это делали еще старинные мастера ведут — городские пейзажи. Но классичность и устойчивость не мешает здесь жить мгновению Парижа, и потому фантастически ждешь и надеешься, что вот-вот в этой пелене снега и дождя, в этой вибрирующей и расплывающейся голубой, желтой, розовой атмосфере с далью сплошного туманного пятна, на дрожащем полусвете мокрой мостовой двинутся вдруг мутные тени человеческих фигур, зонтов, фиакров и лошадей, все заплыхают, зашевелятся и вернутся вновь — тот день, тот час, та минута.

1903 год — год смерти Писсарро — стал началом его мировой известности. Потом уже многие оценили влияние, которое он постоянно оказывал как мастер, и отдали ему дань. Сезанн, перешагнувший через шестидесятилетие и объявленный вождем «нового поколения, станет подписываться: «Ученик Писсарро». А Гоген скажет: «Если рассмотреть творчество Писсарро в целом, то, несмотря на его колебания, находишь в нем не только непомерную артистическую силу, которая никогда ему не изменяет, но также глубоко интуитивное искусство высокого аристократизма. Он был одним из моих учителей, и я от него не отрекаюсь».

Сам же Камиль Жакоб никогда не думал о похвалах и каких-либо заслугах. «Я хотел бы, чтобы уже было завтра», — сказал он незадолго до смерти, заканчивая дневную работу. — Утром так красиво, там на рейде...

Так и запомнили его те, кто видел в последний раз, и друзья и просто прохожие, случайно поднявшие голову ко второму этажу над галантерейной лавкой: в очках со специальными стеклами, позволяющими смотреть и вдаль и на полотно, с палитрой и кистью, в гробу фуфайке и нескладном берете, — в окне дома на бульваре Морланд, куда он только что перебрался, чтобы писать широкий вид Сены около моста Аустерлиц, ее берега и движение лодок на реке.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ГРИНА

ТВОРЕЦ

Одного из самых удивительных русских писателей — Александра Грина часто называли странным сказочником, загадочным волшебником. И это было справедливо, ибо никто в отечественной литературе не создавал таких удивительных, рожденных неисчерпаемой фантазией страниц, как этот проживший трудную, неспокойную жизнь писатель. Как всякий большой художник, Грин, который, казалось бы, не писал о современности, оказывается теснейшим образом связанным со своим временем, и в его фантастической «Гринландии» происходят события, перекликающиеся непосредственно с жизнью реальной.

Гете говорил: «Кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в страну поэта». Конечно, не принимая эти слова буквально, мы приглашаем читателей побывать в местах, где бережно хранят память о Грине, в городах, где писатель жил и работал.

В этом номере публикуются также малоизвестный рассказ Александра Грина.

АЛЫЕ ПАРУСА НАД ВЯТКОЙ

«Талантливый эпигон Гофмана», «русский Эдгар По», «Айвазовский прозы», «неистовый мечтатель»... Какие только эпитеты не применялись по отношению к Александру Грину! Еще до революции критики пытались определить его место в литературе, разгадать загадку творческого метода писателя. Ему инкримировалось следование западным авторам, прежде всего английским авантурно-фантастическим беллетристам, на чей счет относились все — и неожиданный, стремительно развивающийся сюжет гриновских новелл, и ирреальность изображаемой им действительности, и неведомость имен действующих лиц... Даже в самом псевдониме писателя усматривалось нечто загадочное, противное русскому слуху и духу.

А разгадку-то, как показало время, следовало искать не где-то вдали, а тут вот, рядом — в традициях народного творчества и отечественной литературы. В сказках и легендах. В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского. В самой почве родной земли, из которой берут начало истоки жизненной и творческой биографии писателя. Да, не за синими морями, а здесь, в сугробах северного края, на берегах быстрой Вятки, были сотканы и скроены паруса гриновских кораблей, покоривших потом весь читающий мир.

Крайне скучны свидетельства начальных лет жизни писателя. Известно лишь, что отец его, Степан Евсеевич Гриневский, поляк, за участие в восстании 1863 года был сослан в Сибирь. Отбыл ссылку, Гриневский переводится «на вечное поселение» в Вятскую губернию. Здесь, в старинном городке кожевенников и меховщиков Слободском, он вступает в брак с девицей из мещан Анной Стефановой Ляпковой. 11 (23) августа 1880 года у них рождается первенец, окрещенный Александром.

...«Я научился читать с помощью отца шесть лет,— сообщает Грин в автобиографии.— Мать

тогда же научила меня писать...» Знаменательно, что первой книжкой, прочитанной ребенком самостоятельно, стало детское издание «Путешествий Гулливера». А за ним последовали Жюль Верн и Майн Рид, Фенимор Купер и Брет Гарт, Стивенсон и Конрад... «Слова «Ориноко», «Миссисипи», «Суматра» звуки для меня как музыка», — скажет писатель много лет спустя.

Особое место, по словам самого Грина, занимал в его жизни Пушкин: «Лет восьми-семи, в гостях, я уединился с книгой Пушкина «Руслан и Людмила...» Под влиянием творчества великого поэта Грин начал сочинять стихи, и продолжал писать их в течение всей дальнейшей жизни. Стихи его рассеяны по различным дореволюционным периодическим изданиям и еще ждут своего собирателя и tolkavtela. Доброе дело делает кировская областная газета «Комсомольское племя», систематически публикующая наряду с материалами, посвященными жизни и творчеству Грина, и его стихи.

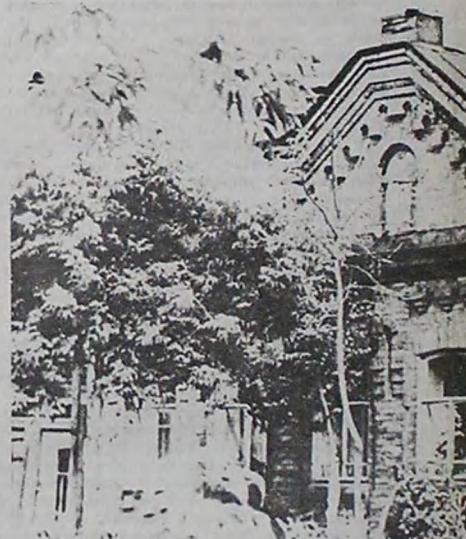
Именно из-за стихов случилась первая (и, увы, не последняя) крупная неприятность в жизни Грина. Начитавшись Пушкина, Александр однажды решил «модернизировать» известное его стихотворение и под видом наследников вывел своих преподавателей. Стихотворение вызвало взрыв восторга однокашников, а автора немедленно исключили из реального училища. Так будущий писатель на практике познал оборотную сторону успеха.

Тогда же, в городском четырехклассном училище, куда его с трудом устроил отец после скандальной истории со стихами, Саня Гриневский пробует свои силы и в прозе. Преподаватель Петров, которого с особой теплотой вспоминает Грин в «Автобиографической повести», поддерживает увлечение подростка, читает вслух его сочинения, хотя они сплошь и рядом были написаны не на заданную тему.

Уже в это время будущего автора «Алых парусов», «бегущей по волнам» и «блестящего мира» тянуло в мир фантазий, противостоящих обыденности. Да и сам он резко выделялся из однокашников. Впечатлительный, неправильновнешний, он, помимо уличной клички «Грин-блин» (откуда и идет его псевдоним), получил еще и прозвище «колдуня»: как злоправская цыганка, предсказывала судьбу по линиям руки, всерьез пыталась открыть «философский камень», занимался таинственными алхимическими опытами... Кроме того, он увлекается рыбной ловлей, охотой и местным театром, на занавеске которого, по воспоминаниям старожилов, были нарисованы пальмы, пирамиды, сфинксы... Отсюда берут начало те многочисленные легенды и анекдоты, которые сопутствовали Грину всю жизнь.

И в то же время этот странный подросток очень много читал, читал запоем, все, что под руку подвернется. И поэтому, хотя по окончании училища в его аттестате стояло сплошь «удовлетворительно», он к своим шестнадцати годам знал практически всю отечественную литературу, «до Решетникова включительно». Требовалось лишь сплавить

Дом в городе Кирове, где жил писатель.

БЛИСТАЮЩЕГО МИРА

полученные знания с жизненным опытом, чтобы в русской литературе возникло новое, своеобразное явление — А. С. Грин.

«Летом 1896 года с 20 рублями в кармане и советами «не пропасть» я отправился в Одессу, мечтая сделаться моряком», — напишет Грин впоследствии. Вятский период его жизни заканчивается, начинаются годы странствий, мучительных поисков места в жизни и литературе. Интересно отметить, что уже первые его произведения привлекли внимание А. М. Горького, который в дальнейшем постоянно следил за творчеством Грина, помогал ему в самые трудные периоды его жизни. «Из самого глубокого отчаяния и ожидания смерти Грин был возвращен к жизни рукою Горького», — вспоминала его жена.

Севастополь и Баку, золотые прииски Урала и сибирская ссылка, тюрьмы и полоса подпольной жизни... Где бы ни странствовал Грин, пути-дороги в конце концов приводили его назад, на берега Вятки, к отчиму порогу. Последний раз он навестил Вятку в 1916 году, чтобы попрощаться с умирающим отцом.

Вятчи с любовью хранят память о своем земляке. Его имя носят улицы в Слободском и набережная в Кирове, детская библиотека. В связи со столетием со дня рождения писателя областной театр юного зрителя подготовил спектакль «Сказочник странный...» по пьесе молодого московского драматурга Юрия Головина. На улице Володарского, в том самом доме, где прошли детские и отроческие годы писателя, открывается литературный музей его имени. Существует и интересный проект памятника. Но, конечно, самый главный памятник писателю — его книги. Тиражи их год от года растут, и все равно книг не хватает.

Так подтверждается правота слов, сказанных А. С. Грином о себе: «Знаю, что мое настоящее будет всегда звучать в сердцах людей».

Иван ИСАЕВ

ЗЕМНОЙ ГРИН

Обычно, когда речь заходит о Грине, воздают должное его тревожной фантазии, мужественной романтике, его грусти и доброте. Но за ними проступает еще одна грань писательского дарования, нередко остающаяся в тени — земное притяжение Грина.

Нигде и никогда не существовавшие города Александра Грина пестрят точными приметами шумных черноморских портов, которые ему довелось повидать. И, пробираясь вслед за автором уличных лабиринтов Зурбагана или Гель-Гью, вдруг попадаешь на знакомую феодосийскую набережную, видишь севастопольскую площадь одесский бульвар.

Этот Грин солнца и моря хорошо памятали нам. Но есть и другой, непривычный — Грин севера. Грин петроградский. И, наверное, ни в одном произведении писателя его редко отмечаемая земная привязанность не выступает столь явно, как в таинственном «Крысолове», будто сотканным из призрачных туманов невских островов. Здесь мы впрямь сталкиваемся с личностной основой гриновского творчества.

«Весной 1920 года... я вышел на рынок... Это был Сенной рынок. Но я не могу указать, на каком углу я стоял... Я не стоял на углу потому, что ходил взад-вперед по мостовой возле разрушенного корпуса рынка. Я пропадал не сколько книг — последнее, что у меня было».

Сам Грин мог продавать на этом горестном перекрестье последние книги, как в конце октября двадцать второго снял с себя на птицерской толкучке единственное пальто, чтобы подарить жене ко дню рождения розы и пионовые. Романтиком он был не только в литературе.

Так рассказ зашифровывает факт биографии, реальные перипетии судьбы. Трагически напряженное действие «Крысолова» с просветленным по-гриновски финалом разворачивается на холодных, зыбких мостовых нового Петербурга Андрея Белого, в настороженных проходных дворах и облезлодевших домах, застывших на ветру революционной эпохи — громадой блокового Петрограда. И затуманенное мучительными видениями лицо рассказчика напоминает нам о том, как в марте 1920 года синийный поезд из-под Острова привез сюда из покойного истощенного и полубледного создателя Александра Гриневского.

На углу Невского и набережной Мойки, в огромном доме бывавших за границу купцов Елисеевых помещалась Дом искусств, куда по ходатайству Горького откомандировал на работу большой литератора. Здесь Грин работал над знаменитой феерией «Альые паруса». Тогда, устремленный в будущее. Прообраз Дома искусств мы находим в «пустующих палатах Центрального Банка», где двести шестьдесят комнат стоят как вода в пруде, тихи и пусты. Как бы сквозь пелену проступает в рассказе гранитный ландшафт великого Города с разведенными в ночной мгле пролетами мостов. Вот автор подходит к онкам «в двойных рамках», и «их вечерние стекла» отражают «то деревья канала, то крыши двора или фасада Невского». Под утро же «свежесть открытого пространства

обложка книги «Альые паруса»
из-за А.Д. ФРЕНКСЛА
1923

ышала глубоким сном», и «за далекой крышей стояла розовая, смутная тень».

Нет, Грин знал и любил не только придуманные им города и лазурные берега, но и эту греческую землю, на которой довелось ему жить.

С той же полновесной конкретностью, с тем же пристальным вниманием к окружающему миру написана и «Автобиографическая поэма», до сих пор заслоненная от нас «Золотой цепью», «Бегущей по волнам», «Дорогой никуда». Повесть эта обозначила новый важный этап творческого пути художника, предстающего здесь вне своих привычных романтических атрибутов, однако по-прежнему нам близким и дорогим — чутким к людским забоям и чаяниям, умеющим разглядеть ростки великолушия и красоты в неприглядных сторонах действительности, тонко ощущающим неброскую прелест русского пейзажа.

Изображая неведомые края, насеянные их гордыми, благородными героями, Грин сам стал целой страной на карте нашей отечественной литературы, один представляя в ней целое наше, что отвечало их устремлениям. Это неудивительно, ибо полноводная река по имени Грин несет в своем русле засыпанные коры, хоть и выглядят на первый взгляд неприметными, заглядывают однородной. Причем если раньше в них улавливались лишь более теплые верхние течения, то ныне мы все глубже проникаем в никинико прохладные слои, задумываемся над философией гриновской мечты, над его боязью и сомнениями, над тем, что он хотел поведать людям.

Ю. ОСИПОВ
Ленинград.

ЖИВАЯ СКАЗКА

На берегу «самого праздничного в мире» Черного моря расположился солнечный город Феодосия. Он похож на диковинную птицу, которая, устав от жары, разбросала по отрогам синий широкие крылья, а шею вытянула к морю, чтобы напиться...

В 1924 году сюда приезжает А. С. Грин. «В этом постуле Грина, — писал К. Паустовский, — жить в тишине, ближе к любимому морю, отразился верный инстинкт писателя — приморская жизнь была той реальной средой, которая давала ему возможность выдумывать свои рассказы». А. Грин смог почувствовать своеобразие этого древнего городка. Его зной-

ные извилистые улочки, замшелые развалины старинных поселений генуэзцев, нагретая солнцем пыль на белых дорогах, «гавань, полна необыкновенного значения», — все здесь дышало морем, подчиняясь его звуковому ритму, все гремело, бризил и грохал до конца дней. Писатель словно вернулся в край, заселенный в грезах, край геройского моря...

Нигдня там легко и вдохновенно не работалось ему. Крымский период — пора творческой зрелости А. С. Грина. В Феодосии были созданы романы «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргана», «Дорога никуда», ряд блестящих новелл: «Море», «Фанданго», «Воз-

вращение», «Бархатная портвьера», «Командант порта», «Пари» и другие.

В доме по улице Галерейной, где Грин жил с 1924 по 1929 год, сейчас литературно-мемориальный музей. Впрочем, слово «музей» не подходит к этому маленькому, в самой комнате дому, уютно примостившемуся на одной из улиц, ведущих к морю. Вход в него оформлен своеобразно: вверх до карниза крыши поднимается фон-мачта парусинулярно к ней прикрепленная рельса. С правой стороны к рее сплетенный из смоленого пенькового каната. От рена вниз спускаются ванты. У основания мачты крепко зацепились старинные якоря.

Открывая тяжелую, обитую медью дверь, мы попадаем в мир, созданный воображением писателя — страну Гринландию. Перед нами, занимая стены и потолок первой комнаты, — географическая карта романтико-фантастической страны Грина. На ней изображены коралловые острова, заливы, тихие лагуны, прозрачные бухты, целое созвездие феерических городов: Лисс, Зурбаган, Гель-Гью, Суан, Ахуан-Сиап — весь этот яркий, красочный фон, на котором развертываются удивительные события произведений творца блестящего мира.

А. Грин — писатель необычный. Это вдохновенный мечтатель, певец моря, дальних странствий, пленительных с детства старинных парусных кораблей. Но гривовские особы моря. Моря, океаны, корабли А. Грина — это еще и символы. Перед директором музея заслуженным деятелем искусства РСФСР и Каирской АССР московским художником С. Г. Бродским стояла сложная задача. Каким должен быть музей удивительного фантаста, как показать необычность творчества Грина, морской романтический дух его произведений? Как в интерьере выразить чувство, поззию, без чего немыслим музей такого тонкого, проникновенного писателя, как А. С. Грин?.. Художнику удалось найти идею, диктующую оформление. Парусный корабль — вот один из символов, выражающий романтический характер произведений А. С. Грина. Музей было решено оформить как парусный корабль, ввести в интерьер морские атрибуты, морскую символику: дерево под мореный дуб, сизальский канат, морские приборы, кафты, лодки, мачтовые фонари, морские бочонки, модели парусников. Комнаты-каюты получили необычные названия: «Гринландия», «Клиперная», «Ростральная», «Кают капитана Геза», «Корабельная библиотека». Такое театрализованное оформление музея оказалось единственно верным, самым удачным для того, чтобы заглянуть, ожили, приобрели большую достоверность рукописные страницы, фотографии, книги и другие экспонаты, рассказывающие о жизни и творчестве писателя.

...Поднимаясь по скрипучим ступеням, мы попадаем в «отек трюма» бригантины или фрегата. Потом из морских досок, на входной двери мгло излучают свет два фонаря «летучая мышь», на убегающих вверх вантах — реальные модели парусных кораблей: бригантины, брига, фрегата. Над дверью — портрет А. С. Грина, выполненный С. Г. Бродским. Загадочно, как бы из небытия, выступает лицо писателя. Взгляд его устремлен навстречу кораблям. Гривовские капитаны ведут эти корабли в Лисс, Зурбаган, Понет, Гель-Гью...

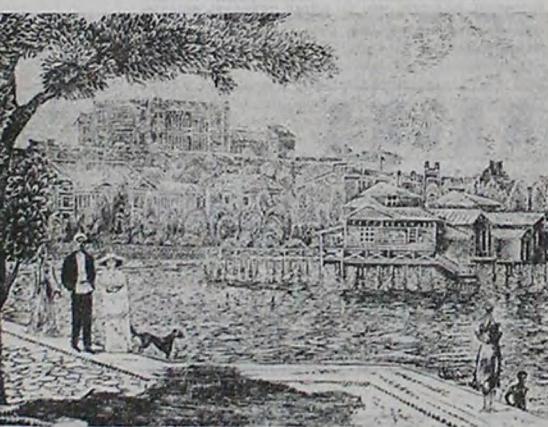
Гордостью музея является мемориальный рабочий набросок писателя — единственная комната в музее, обстановка которой сохранилась такой, какой она была при жизни А. С. Грина.

«Музей романтиков», «Дом-сказка», «Гривовский музей-корабль» — пишут посетители о Феодосийском музее А. С. Грина. «Он вдохновляет, чарует, из него выходишь окрыленным, как после чтения гривовских книг. Да и сам он великолепная книга, редкое произведение искусства, достойное Грина — это одна из многочисленных надписей, оставленных посетителями в книге отзывов.

С. ПАСЕВИЧ

Феодосия.

С. Малышев. ФЕОДОСИЯ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА.

За четверть века писательской работы А. С. Грин создал свыше 400 произведений: рассказов, повестей, стихотворений, романов. Но творческое наследие его не собрано полностью до сих пор. Немало произведений, затерянных на страницах дореволюционных журналов, еженедельников, газет, незаслуженно забыто. А между тем они представляют большой интерес, имеют важное значение для изучения эволюции творчества писателя. Мы печатаем опубликованный в 1908 году в журнале «Огонек» рассказ А. Грина «Капитан», не входивший позже ни в собрания сочинений, ни в отдельные сборники писателя.

Публикация кандидата исторических наук О. Сайкина.

КАПИТАН

I

Отвратительная погода. Проклятый туман!

— Утром его не будет.

— Как так?

— Я не доверяю барометру. Но вчера был зной-вест. За этим ветром туман держится слабо.

— Дай бог.

— Вот в Ла-Манше...

— Что вы сказали, капитан?

— Я говорю: в Ла-Манше, восемь лет назад, был туман гораздо плотнее. Это было 14 марта.

— А!

— У вас дурное расположение духа.

— Да, пожалуй. Скверно дышать этой мозглигиной; у меня к тому же слабая грудь.

— Да? Так вот... был случай. Мы потопили рыбачье судно. Как они кричали. Боже мой! Двоих успели вытащить.

Капитан помолчал и добавил:

— Я тогда же дал клятву остаться холостяком. Неприятно подвергать семейство постоянному риску.

— Кстати, как ваша супруга?

— Мерси. Уже поправилась, начинает ходить.

В резком и хриплом голосе моряка дрогнула веселая нотка. Так приятно иногда не сдержать клятву. Он чиркнул спичкой, закурил потухшую от сырости папиросу, и несколько секунд кругом желтого света обнажал козырек фуражки, суровое немолодое лицо, высокий лоб и равнодушные пристальные глаза.

Спичка потухла. Красный уголок папиросы, изредка разгораясь в темноте, скользя кончиком загорелого носа, усы, твердый рот и маленький подбородок. С минуту оба молчали, тщетно, до боли в голове, напрягая зрение. Глухой мрак давил их, унылый и скучный, как недуг. Волнистая седина тумана, колыхаясь, таяла в черноте, и казалось, что это беззвучные стада таинственных, белых птиц или облака, плывущие над водой.

С кормы летела неустанный воркотня винта. Тяжелый, стальной вал, скрытый в глубине судна, при каждом ударе поршием, плавно бегавшим в огромных цилиндрах, передавал свое сотрясение корпусу парохода, дрожавшему тяжело и напряженно от килья до клотиков. Впереди, за желтыми слепыми кругами мачтовых фонарей, шумела рассекаемая вода, и ее струящийся плеск полз вдоль бортов, однообразный и слабый. Тонко звенел баковый колокол редкими замырающими ударами, предупреждая и спрашивая. Пароход шел тихо, но в мраке казалось, что он быстро летит вперед по огромному пустыне моря, к ее жуткому и таинственному окончанию, в какой-то печальной и страшной бездне.

Внизу на палубе разговаривали тихими гортанными голосами, дребезжащими зурна. То были пассажиры, преимущественно мигрельцы и осетины, худые, как уличные собаки, в ободраных чешеских и серебряных поясах. Вверху, на грот-мачте, жалобно скрипел гафель. В легкие проникал туман, удущливый от пароходного дыма, растворившегося в сырости. Капитан сказал:

— Я хочу немного уснуть. Вам осталось еще, кажется, три часа.

— Да.

— Спокойной вахты!

Старший помощник предпочел бы услышать «спокойной ночи». Он глубже зарылся в воротник пальто и сказал:

— И вам того же.

— На лаге восемьдесят. Придем через час.

— Да. Ну как, вы взяли кормилицу?

— Нет. А что?

— Говорят, это лучше. У наших городских женщин жидкое молоко.

Капитан подумал немного, что бы сказать своему коллеге, страстному семьянину и знатоку детского воспитания, и махнул рукой, говоря:

— Я в этом ничего не понимаю. Можно кормилицу, можно и соску.

Возражения не последовало. Капитан пошел в рубку, ярко освещенной электричеством, и заглянул в компас. Рулевой, не отрываясь, напряженно следил за первыми колебаниями большой синей стрелки.

— Четверть румба направо! — сказал капитан.

— Есть! — крикнул матрос, поворачивая штурвал.

Слабая человеческая рука небольшим усилием мускулов двигала влево и вправо огромную железную машину, набитую десятками тысяч пудов груза. Капитан прошел к трапу, спустился на палубу и сонно вздохнул, направляясь к себе.

II

Кофе слегка остыл, но капитан выпил его с наслаждением, согрелся, зажмурил глаза и замуркал скверный романс, засевший в голову лет пятнадцать назад вместе с глазами десятифранковой наяды из Сингапура. Там были пальмы, ром, невероятной крепости, чугунные кулаки приятелей и независимость краснощекого двадцатилетнего парня, поклявшегося чертами и ангелом, что он будет капитаном. Насчет жены клятв никаких не было, но явилась и она, о чем немало жалела добрая дюжина ехавших глоток, величая несчастного «разбитым краинчиком». Он не сердился, но чувствовал за своей суровой улыбкой другую, рожденную для одной в мире и на всегда.

Электрическая розетка продолжала наб-

людить сквозь голубой дым сигары, закуренной в промежутке между воспоминанием и умилиением. Волосатая рука шмыгнула через стол маленькою портрету, загремев бледечком. Капитан рассматривал фотографию. Фотографы бессильны передать цвет глаз, и это им сильно вредит, хотя помещенные на любви к женщине щедры, как закутившие принцы. Наедине с собой можно быть смешным, никто не расскажет. Поэтому капитан не ограничился долгим и нежным взглядом по адресу портрета, он посыпал его прямо в затрещавшее стекло и долго не мог прогнать улыбку с обветренных губ. Дюжина охрипших глоток, рассеянная по земному шару, никогда не видела ничего подобного даже во сне. Они, впрочем, еще молоды и бешены, время придет.

За кормой глухо ворчал винт, отталкивая вперед судно и каюту с капитаном, понурившим голову при мысли о четырнадцати вечности — четырнадцати днях разлуки. Это не в первый и не в последний; но там, в городе, в большой роскошной квартире пришел еще один, маленький, сердитый и красный, не дающий, вероятно, спать по ночам женщины с голубыми глазами. С тех пор, как она вывихнула пальец в июле прошлого года, большего беспокойства не было.

Цейлонский жемчуг, шанхайские и сингапурские раковины, марокканские венчики из слоновой кости, аденские кораллы и греческие губки, японские шкатулки и суданские бусы, зонтики и зубочистки, пуговицы и чай, платки и ковры, яхты из ореховой скорлупы и медных негритянских красавиц, словом, все, что продаются в бутиках, заливах и проливах, на мысах и перешейках, — все это куплено и привезено. Настоящий магазин редкостей, но жене его не легче от этого. Маленькое, дорогое чудовище, ревущее день и ночь, — это она хотела тебя! Крикливый негодяй, чего доброго, вздумает захоронить. Прежде чем вернуться туда, нужно расшвырять в десятике портах миллионы всякой дряни в мешках и ящиках, ругаться до хрипоты, шлепать в тумане и четырнадцать раз, день в день, нырять в вечности.

Сознавать это было донельзя горько, и стекло у портала хрестуло еще раз, прежде чем успокоилось на столе между бронзовыми собакой и яшмовой чернильницей. Капитан направился в каюту-компанию и, отворив дверь пароходного клуба, машинально улыбнулся бесшабашной физиономии штурмана, возлежавшего за столом с локтями у чайного подноса, с папиросой в зубах. Юноша вместе с младшим помощником лениво смеялся над Новой Судоходной Компанией, пускающей третий пароход с экипажем из дворников и маркеров.

— А ваши койки, господа, еще не соскучились? — спросил капитан. — Я думаю, что клаивать носом на вахте будет скучно и неудобно, а?

Штурман посмотрел на помощника, помощник — на потолок, потом на пол, и оба принялись усиленно хохотать, краснея и ежась. Капитан сел и зевнул.

— Ну-с? — сказал он. — Я ничего не понимаю. Вы делаете друг другу какие-то мансионные знаки... Кто остался в дураках и почему?

— Да вот видите ли... — начал штурман, — тут...

— Тут... — перебил младший помощник. — Поразительная женщина...

— Подозрительная женщина...

— Ага! — сказал капитан. — Так.

— Вот... Так мы и того... капитан. А он говорит мне, что она — того... понимаете?

— Нет.

Штурман крякнул и сказал с равнодушiem опытного развратника:

— Простите. Но позвольте! У меня человеческие глаза, и я вижу...

— Разумеется.

— Что она совсем не то, а даже напротив...

— Горничная! — хихикнул помощник.

Штурман побагровел и выпрямился.

— Если вас, Биркичев, приводят в потерпевшее расположение духа женщина, с которой вы говорили иначе, и... и... которой коробку конфет, то...

— Ну, что же, — сказал капитан, откры-

вал слипающиеся глаза, — что же новая компания?

Штурман перевел дух и обменялся с помощником многообещающим взглядом.

— Они устроили настоящий митинг, — жалобно начал он, недовольный прекращением спора. — Какая-то личность влезла на бочку и кричала условия и сколько вакансий... Ну, понимаете, дело было окончено быстро: взяли двух солеваров, трех наборщиков и одного кока, остальные, может быть, и матросы, только их никто не видел.

— По десять рублей, — вставил помощник. — На днях отправляются в Англию за пароходом и, если их по дороге не съедят вши, вернутся через месяц.

— Но, говорят, хороший пароход и делает восемнадцать узлов, — заметил капитан. — Дорогая моя... то есть, я хочу сказать, что теперь делают хорошие пароходы.

— Вы, кажется, утомились, — почтительно вздохнул штурман. — У вас глаза как будто немножко... Ах, туман, туман! Скоро порт — и спать!

— Через час, — сказал капитан.

Помощник вынул часы и прибавил:

— Сейчас два. Почему это от чаю болит живот? Я замечал, что от кофе, если сладкий, — то же самое.

— Потому что вы льете его в себя, как из шланга, — подхватил штурман. — Вы не-

III

— Ну?

— Ей-богу! Жаловаться побегла. Я, грит, капитану на вас, чертей, пожалуюсь, что проходу не даете...

— Вот леший! — сказал первый матрос. — Я к ей и так — тпру!

— Вот тебе и «тпру»! — ответил второй. — Влетит тебе! И что злости в этом капитане, что жесточества. Боже ты мой! Прямо ест. Чтоб его деду на том свете черт...

— Идет!

— Идет?! Ах, ты...

Капитан медленно спускался в кубрик по ступенькам кругого скользкого трапа. Наконец его нога коснулась пола, страшный поток ругани, сопровождаемый сверкающим глазом и топтаньем ног, грянул воздухе.

— Бир-р-кин! — заревел капитан. — Мерзавец! Оху! Ска-атина.. Шашни на пароходе устраивать?!. Да я тебе голову разобью!. Бездельник, морское чучело, сто тысяч леших тебе в глотку, паршивец!.. Мне жалуются на тебя, негодяй! Так-то ты держишься вахта, чертов бабник?! За юбками бегаешь, скотина?! Мо-о-оряя!.. Бессмыслица харя!.. Кто в море крестился, тот от юбок на край света беги!.. К расчету в Одессе, собачьего сына! У-у! Разрежу на месте!.. В воду спущу!

С. Малышев. ПАРУСНИКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ ПОРТУ.

умеренный человек. Дайте мне книжку, что читали вчера.

— Это Лермонтов. Не дам, вы опять оборвите углы. У меня всего десять книг, и половина их украдена.

— Читайте на здоровье вашего Лермонтова. Удивительно, как вы отстали. Тургенева, например, вы не читали.

— К чему эти ваши выпады? — прищурился помощник. — Идеализатор горничных! А знаете, — обратился он к капитану, — ведь в Китае лучший чай двенадцать коек фунт. Все пошлина.

Задымились три папиросы. Краснощекий штурман и птицеподобный помощник медленно боролись во славу горничной с одлевавшим их сном. Капитан качался на соломенном стуле и вздыхал. Четвертое лицо проснулось в дверь, увлекая за собой тонкое червеобразное тело в матросской форме.

— Ну-с? — сказал капитан, удивленно рассматривая Брылова, пароходного ученика. — Что случилось?

— Господин капитан, — сказал Брылов, — тут вас женщина спрашивает, пассажирка.

Мгновенное любопытство подбодрило штурмана и помощника. Но капитан вышел, плотно притворив за собой дверь.

Матрос, бледный, как бумага, растерянно пятился назад, держа руки перед лицом и жалобно хныкал:

— Господин капитан! Господин капитан!.. Ей-богу!..

Капитан перевел дух, подумал немножко, побагровел, и новый лексикон, привезенный самими свирепыми обещаниями и угрозами, повис в воздухе. Он ругался, отводя душу, и вдохновенная брань его сыпалась, как палочны удары, на голову Брылана. Наконец усталость взяла свое, капитан бросил последний уничтожающий взгляд и вышел на палубу.

Через полчаса, чувствуя потребность разговаривать, он писал жене длинное, подробное письмо, улыбаясь самому себе тихими, рассеянными глазами: «...люди тебе, ненаглядная кошечка, и твои маленькие ручки целую. Когда приеду, привезу тебе ящики ракатумка, а ты дашь мне свои белые ножки, и я каждый пальчик на них поцелую. Ты спи, а я тебя перекрещу. Обнимаю тебя, милая, скоро увидимся. Твой Вовочка».

Окончив письмо, «Вовочка» тяжело вздохнул и раскрыл судовой журнал.

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ,
первый секретарь правления
Союза писателей Казахстана,
депутат Верховного Совета СССР,
лауреат Государственной премии СССР

«Хоть трудновато начинать сначала,
Но просит — согасившись наконец!»
Так откровенно говорил певец
О песне, что пока не прозвучала.

Да, первую строку создать в тревоге —
Как первый след впечатлать в целину.
Тому, кто знал дороги и дороги,
Не позабыть заветную одну...

Строки из моей поэмы «Орлиная степь» вспомнились во время работы над этой статьей о Советском Казахстане, который, как и его коммунистическая партия, отмечает ныне свое 60-летие и во всем олицетворяет величие октябрьского восхождения нашей многонациональной страны, нашей единой матери.

Так с чего же начать? Может быть, с цифр? Ну, скажем, таких представители более ста национальностей и народностей живут в моей республике. Или — в год своего шестидесятилетия она выпускает промышленный продукцию в 252 раза больше, чем производила ее в 1913 году. Разве это не разительный факт? Еще... Нет, слишком много окажется подобных цифр, одна красноречивее другой! Умному читателю достаточно и тех, что я называл. Лучше расскажу просто о себе, о времени, о моих дорогих земляках, ибо наша жизнь неотделима от путей-дорог родной республики. Я даже ее ровесник. Мы родились с ней в один и тот же год: в 1920-м.

Только если мое появление на свет в нашем маленьком роду, затерявшемся в степях Западного Казахстана, было вполне заурядным явлением, то рождение республики стало началом самой светлой эры в истории всего казахского народа.

Мой род носила мрачное, но запоминающееся имя: кул, что по-русским означает «раб». Никто не знает, кто и когда так нарик род. Но это были действительно бедные, обездоленные люди. До Великого Октября в нашем роду не удалось бы найти грамотного человека, а сам аул назывался Жиланды, что звучит тоже совсем не весело, ни в первом, ни во втором значении этого слова: «змениный» и «слезливый». Почему «змениный», понятно сразу — в окрестностях аула водилось много змей. Что же насищается второго смысла, его необходимо объяснить. Представьте себе небольшую речушку, где весной вода текла каплю на каплю, а знаменитым летом исчезала совсем. Испокон веков в засушливых степях знали цену воде: эта цена была для народа ценой жизни, которая целиком зависела от байского произвола.

Отца, Мулдагалия, я не помню. Он умер слишком рано, не успев увидеть первые шаги своего сына в совсем новой жизни, за далеким горизонтом, куда вела новая эпоха. Говорят, что отец был худым, беззубым и белым человеком. Скотинодом, и уступления не шли дальше: работал несколькими оцацами, от которых зависело шаткое благополучие семьи: голодающих ртов в ней было куда больше, чем работникам.

Спустя четыре десятилетия я написал поэму «Судьба вдовы». Ее герон могли родиться жить и умереть и в моем родном Жиланды и в любом другом казахском ауле. А вдова Айша была наделена многими чертами моей матери Зерип: она осталась с четырьмя малолетними детьми на руках и хлебнула более, чем ей было под силу, горя и нужды. Только Великий Октябрь и Советская власть дали ей,

О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ И О МОИХ ЗЕМЛЯКАХ

простой казашке, человеческие права, приобщили к строительству новой жизни. Уже в немолодые годы она вступила в ряды ВКП(б), стала необходимой людям. Ну, а я?

Помни, стиснув листок, как частичку рассвета,
И в пылу нетерпения волнуясь сильней:
«Год рождения — двадцатый», —
Занес я в анкету,
Не считая ни месяцев целых, ни дней.
—
Я ровесник республики!
И не в анкетах,
А в открытых стихах — биографии суть.

Наверное, и поэтический дар мною унаследован с молоком матери. В молодости она знала многие жемчужники казахского эпоса и охотно участвовала в песенных состязаниях — айтисах. И как она гордилась тем, что книги ее сына издавались на казахском, русском и многих других языках народов СССР!

Мой отец, как и многие его соотечественники, умер совершенно неграмотным, так и не повидав того, что кроется за плоским горизонтом Жиланды. Сегодня перед его внуками и правнуками открывается весь мир. И потому Мулдагалия принадлежал всей стране, а не какому-либо отдельному роду, который всю жизнь враждовал с другими соседями из-за воды, пастышек скота... В романе Мухтара Аубаева «Путь Абая», прошедшем в золотой фонд советской многонациональной литературы, великий казахский поэт-просветитель Абай говорит, обращаясь к своим соотечественникам: «...время, которое ждет вас впереди, изменится необычно. У людей будет другая жизнь, новые законы. Народ достигнет большого счастья. И это прекрасное время придет. Если ты сможешь сказать, что чтобы чем-нибудь помог своему народу приблизиться к счастью, можешь считать себя бессмертным».

Время, о котором мечтал Абай, пришло для моего народа вместе с Советской властью. Выстрелы «Авроры» пробудили дремотную степь. Имя Ленина возвысило вчерашнего байского батрака-кедея, преобразив его в человека свободного труда, равного среди равных. Под знаменем ленинской партии он пошел по самой солнечной из дорог от высоты к высоте. И уже не родовые, а классовые отношения определили его сознание. Некогда отсталый, разобщенный народ царской России сегодня с гордостью говорит о себе как о единой социалистической нации: «...на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ».

Так записано в Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик. Так и есть в жизни.

Мы — советский народ! Как это прекрасно и величественно!

Мы — советский народ! Так говорят о себе мои дорогие земляки, живущие одной дружной семьей в Казахской ССР, стоящие рука об руку коммунистического общества. Эта высшая цель Советского государства стала и главной целью жизни каждого из нас.

В связи с этим мне хочется рассказать здесь о трех встречах с людьми различных профессий и национальностей. О встречах в своем роде знаменательных, случившихся в канун 60-летия Советского Казахстана и компании республики. Их было много, очень много, подобных встреч, и пришлося поднять писательские блокноты и подумать, отбирая из кладовой памяти наиболее драгоценные зерна.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ. Ее можно было бы условно назвать «Три сестры». Причем поймите меня правильно: я совершенно исключаю рискованные аналогии с чеховскими героинями, жившими благородными, но иллюзорными порывами к лучшему будущему. Нет, это просто рассказ о встрече с тремя обычными советскими женщинами, каких у нас в Казахстане немало.

Вот уже почти сорок лет они связаны кровными узами: Герой Социалистического Труда Майшай Абенова — казашка, кавалер трех орденов Сания Нурбаева — узбечка, и награжденная двумя орденами Трудового Красного Знамени Лиция Ласковская — русская. Сестры? — недоуменно спросите вы. Да, сестры, а породнились они на всю жизнь в годы Великой Отечественной войны.

Гитлеровцы бешено рвались к Волге, по ночам зарево пожарища над Сталинградом было видно даже в степях Западного Казахстана. Когда в колхозе «Коммунизм», Туркестанского района, Чимкентской области, не осталось ни одного здорового мужчины, три девушки-подростки сели на латаные-перелатанные тракторы... Они плакали, кусая до крови губы, если машины внезапно останавливались в борзоде, а это частенько случалось; и уже под утро,бросив замасленные телогрейки на свежевспаханное поле, забывались беспокойным сном на час-другой...

Трудно сейчас представить, какую непомерную тяжесть вынесли тогда на своих хрупких плечах три подруги — три сестры, не только помогавшие друг другу в поле, но и делившие последний черствый лепешкой из кукурузы или крепкой, как камень, плиткой хлопкового жмыха.

Зато все долгие послевоенные годы сестры расставались только однажды, когда Майшай Абенову, как лучшего механизатора, коммуниста, рабочем партии направили на север Казахстана помочь в уборке целинного урожая. Возвратилась она в родной колхоз с первой правительственный наградой — орденом Ленина...

Большую часть Чимкентской области, самой южной в нашей республике, занимают полупустыни и пустыни. В середине прошлого столетия русский инженер-исследователь А. Ульянов писал об этих безрадостных местах: «Если вам случится увидеть караван, чтобы вы заметите, что он торопится скрыться от вас из-за опасения, чтобы вы не стали просить воды,

которой здесь дорожат больше всего на свете...»

Мы ехали в колхоз «Коммунизм» из областного центра по абсолютно прямому, накатанному до мельчайшего блеска шоссе вдоль нескончаемой ширенги пирамидальных тополей. За ними по обе стороны открывались зеленые поля и луга, где до самого горизонта пылали маки. В светлых водах каналов отражались солнце и легкие облака.

Еще в 1918 году В. И. Ленин подписал декрет об организации оросительных работ в Туркестане, которым предусматривалось обводнить 500 тысяч десятин земли. На эту цель были ассигнованы значительные по тем временам средства. В 1924 году в Голодной степи, примыкающей к сухому Кызылкуму, возникло одно из первых в стране социалистических хозяйств — совхоз «Пахта арал» — «Хлопковый остров».

В то время совхоз был действительно одиноким островом на выжженой беспощадным солнцем земле. Сегодня девяносто процентов всех орошаемых земель республики находятся в Южном Казахстане. На 200 километров протянулся Арыс-Туркестанский канал с Бугунским водоразделом. Все дальше и дальше в Кызылкум уходят воды своеобразной Сырдарьи. Они поглощают поля колхоза «Коммунизм» — передового, многоотраслевого хозяйства области. Хлопок здесь далеко не единственное богатство. Высокие урожаи дают также кукуруза, овощи, садовые и бахчевые культуры. Ну, а виноград в этом колхозе может спорить с иными знаменитыми сортами Крыма.

Главное же богатство хозяйства — работающие люди, люди высокого душевного настроения. Каждый дом в этом небольшом благоустроенном городке, где деревья смыкаются кронами, а аромат цветов стоит на улицах до поздней осени, — полная чаша. Можно, конечно, дотошно подсчитывать, сколько у колхозников легковых автомашин и мотоциклов, сколько телевизоров и т. д. Важнее, однако, другое: в каждой семье здесь, как правило, много детей. Только у Майшай Абеновой шесть внуков, а ее сын уже ходит в бригадир, зарекомендовал себя хорошим руководителем, награжден орденом Ленина.

У Сани Нурбаевой и Лидии Ласковской тоже большие и дружные семьи. Все три подруги, три сестры и сегодня, несмотря на заботы по дому, трудятся в колхозе. Беседуя с ними, я подумал еще об одной женщине счастливой судьбы, типичной для нашего времени: Камшат Доненбаева. Мать четырех детей, студентка-заочница, она одной из первых доказала на целине, что женщины под силу такие машины, как трактор «К-700». По примеру Камшат лишилась в Боровском районе, Кустайской области, 750 женщин стали механизаторами. А сама Камшат Доненбаева, знатная трактористка, уже дважды избиралась депутатом Верховного Совета СССР, она Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. Ее жизнь во многом схожа с жизнью трех сестер из колхоза «Коммунизм».

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ. История ее восходит к концу пятидесятых годов. Осенью 1959 года в Туркестанском районе побывал Мухтар Аззов. Завершив свой многолетний труд — роман-эпопею «Путь Абая», он теперь собирает в Южном Казахстане материал для будущей книги о своих современниках «Племя молодое». Это произведение писатель замышлял как большое художественное полотно о социалистическом периоде истории Казахстана.

Как-то, задумчиво улыбаясь, Мухтар Омарханович заметил:

— Человек, не знающий меня, никогда не скажет, что я жил во времена феодализма, владевшего жизнью степей...

Во время поездки по Южному Казахстану, где писатель встречался и подолгу беседовал с чабанами-аксакалами, рабочими и инженерами Чимкентского свинцовского завода, хлопкоробами и горняками — героями своих будущих книг, Аззов еще раз прикоснулся к прежнему Туркестану, к далекому прошлому родного края. Это было неподалеку от развалин древнего Отара, известного тем, что в

1405 году в нем умер Тимур. Здесь поднимаются лазурные купола мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави — удивительного произведения средневекового зодчества, сооруженного безвестными мастерами. Сегодня именно тут — рядом с древним Туркестаном, с его архитектурными памятниками, реставрированными и как бы рожденными заново, — поднялся один из молодых городов республики, Кентау. Он поразил Аззова своей свежестью и новизной, продуманной планировкой и обилием цветов. Позднее в газете «Известия» был опубликован очерк писателя, где есть такие строки: «...Будущее Кентау, как и будущее других районов, его соседей: Сузака, Чаяна, Туркестана — прекрасно, и мы думаем, что жители этих районов не обидятся, если мы назовем Кентау прекрасным венцом Черных гор. И если мне доведется написать задуманный мною роман о Южном Казахстане, то пусть самые дорогие моему сердцу молодые герои встретятся и побоятся именно в нем».

Неожиданная для всех смерть оборвала творческое свершение нашего Мухтара-ага. Но вот передо мною лежит книга, которая явилась приятным сюрпризом для нас, группы писателей, совершивших нынешним летом поездку по Южному Казахстану. Называется она «Рабочая доблесть Ачисая», и авторы ее не профессиональные литераторы, а директор полиметаллического комбината С. М. Мауленикулов и секретарь партийного комитета комбината, инженер-технолог по специальности Г. С. Полов.

Не скрою, их книга стала для меня откровением, еще одной знаменательной вехой на пути писательских поисков и встреч, которые просятся в строки новых поэм. Послушайте только: «В музее нашего комбината можно увидеть экспонаты, которые говорят сами за себя: лом, кайло, лопаты, первая лебедка, первые примитивные машины. Последний экспонат — модель бульдозера с дистанционным управлением. Шахтеры прозвали его «луноходом». Удивительная это картина! В безлюдном забое, деловито гудя, движется приземистая машина. Человек управляет ею с безопасного места. И пусть пока многое в бульдозере несовершенно, но ведь это пробивающийся на наших глазах могучий росток нового!

Кайло, лопата — и подземный «луноход». День прошлый и день нынешний. А какие социальные перемены произошли за это время!»

Чтоб дополнить эту великолепную страницу, приведу хотя бы небольшую, но характерную деталь: в Кентау, где летом этой достигает 30—35 градусов в тени, а зимой дуют холодные ветры, круглый год — цветы. И не только в магазинах. Их вручает ветеранам труда и педагогам производства, любым учителям и первоклассникам, переступающим порог школы. 8 марта всем женщинам комбината предполагают традиционные весенние букеты. Герой Социалистического Труда, бригадир рудника «Миргалимсай» Нурмахан Камалов говорит: «Действительно, трудно сейчас поверить, что там, где в моем городе широкая центральная площадь, цветники, тенистые аллеи парка горняков, танцует когда-то твердая, словно камень, верблюжья тропа».

Кстати, где-то в стороне от этой тропы стояла одиночная юрта кочевника Мауленикула. Это был отец будущего директора Ачинской полиметаллической комбинаты, человека, прошедшего путь от горного мастера до руководителя одного из крупнейших предприятий Казахстана.

И вот, наконец, **ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ** в моем повествовании. Я начал с того, что мой отец, как и подавляющее большинство казахов, видел мир не дальше родного аула и плоской степи, где он круглый год выпасал байские отары, не ведая о большой жизни там, за горизонтом.

12 апреля 1961 года, когда весь мир, затянув дыхание, слушал сообщение ТАСС о первом космическом полете гражданина Страны Советов Юрия Гагарина, я, конечно же, не думал о том, что через несколько лет побываю на космодроме Байконур, откуда стартовал в неизведанные просторы Вселенной первый человек, чье имя станет легендой, войдет в поэмы и песни. Не знал и о том, что сам по-настоящему заболею «космической» темой, которая приведет меня в звездную гавань, известную теперь в любом уголке нашей планеты.

Понятно о Байконуре у нас, казахов, связывается с преданием о первом музыканте Корнute. На крылатой верблюде Желман он объехал в поисках обетованной земли своего народа весь мир, но везде видел только горе и

могилы. Не желая примиряться с тем, что человек смертен, Корнут выдолбил из ствола дерева нобыз и, натянув струны, заснул первую в степи мелодию. Она вошла в сердце народа и осталась в нем навсегда, как символ бессмертия.

И ныне в назахском народе бытует множество поэтических сказаний о поисках своей Жеруюк — земли обетованной. Я не знаю, какую удивительную мелодию сложил бы сегодня Корнут-ата в степи, где он родился и умер. Явь Байконура величественной и прекрасной самых талантливых и смелых легенд, рожденных поколениями степных певцов, музыкантов и сказителей.

Предание Корнута я услышал в несколько иной интерпретации от почтенного аксакала Ишанкула Даулетова. Всю свою долгую жизнь он прожил в краях, где становился легендарный музыкант и где ныне находится космодром.

— Первой моей ступенью в светлую жизнь, — сказал старый Ишанкул, — был Турксиб. Я пришел туда на строительство темных, неграмотных парней — недавних байским батраком. На строительстве меня обучили не только грамоте, но только дали специальность железнодорожника — Турксиб стал, как я уже говорил, моей первой ступенью в новую жизнь, я почувствовал себя человеком...

Уже в весьма почтенном возрасте аксакал Ишанкул работал на железнодорожном транспорте. По его пути пошел сын, три дочери Ишанкула получили высшее образование. Меня поразило, с какой гордостью убеленный сединами человек говорил о том, что ему посчастливилось стать живым свидетелем космического подвига Юрия Гагарина, и о том, что он знает нынешний Байконур, как знал ранше родную степь.

— Понимаешь, сынок, — неторопливо рассказывал за дастарханом Ишанкул, — Байконур — высшая ступень не только в моей жизни, но и в жизни всего моего народа. От Турксиба до Байконура идут все выше и выше ступени батыра — советского человека...

Вот так у меня родилось название поэмы «Ступени Байконура», а одним из главных героев ее стал старый Исаакул — по сути, Ишанкул Даулетов, чья жизнь, вместившая в себя Турксиб и Байконур, явилась типичной для всего казахского народа, нашедшего счастье в братской семье советских народов.

Как и все мои земляки, я горжусь тем, что подвиг Юрия Гагарина в космосе продолжил уроженец Казахстана Владимир Александрович Шаталов. После группового полета трех космических кораблей, выступая на пресс-конференции перед журналистами, он сказал:

— Рад, что я в Казахстане. Ведь здесь я родился... С земли Казахстана дважды стартовал в космос, дважды опускался на вашу гостеприимную степь. Комсомольцы Казахстана просили нас взять с собой в космический полет эти два маленьких мешочка — с пшеницей и рисом. Они проделали вместе с нами весь долгий космический путь. И вот мы привезли их вам. Желаем новых успехов трудящимся республики, желаем хлебородам и рисоводам Казахстана отличных урожаев.

Слова эти были сказаны от всего сердца, а доброе слово, говорят в народе, душе опора. «Космические» зерна принесли богатые урожаи на поднятой целине и на плантациях молодых последователей знатного рисовода, дважды Героя Социалистического Труда Ибрая Жахаева.

В творческом труде, в устремлении к миру встречающим дорогие земляки 60-летие своей республики и Коммунистической партии Казахстана. С высокого перевала истории видится далеко и ясно. А впереди — новая высота, новый знаменательный рубеж в жизни каждого из нас — XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Радостно биться сердце, когда думаешь о светлом пути, пройденном моим народом за годы, равные столетиям. И мысли при этом облекаются в поэтическую форму, в стихи, которые я хотел бы посвятить моим землякам — трем кровным сестрам из колхоза «Коммунизм», горнякам и строителям молодого города в Черных горах — Кентау, аксакалу Ишанкулу Даулетову и его детям, космонавтам и хлебородам — всем-всем в канун нашего общего юбилея.

С чем можно было бы сравнить Родную степь в потоках света? С чем можно было бы сравнивать И жизнь мою и время это?

**Юрий ЛУШИН,
Геннадий КОПОСОВ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»
Фото авторов**

Страна воскресений не знает. Завзятым литыми зернами спелый колос, пробудил к жизни на бескрайних просторах казахстанской целины комбайны, и пошла горячая пора уборки. Тут уж не зевай, успевай только поворачиваться, потому что хлеб ждать не может. Теперь дух беспокойства о судьбе урожая не оставит равнодушным никого — ни партийного руководителя, ни государственного деятеля, ни землемельца, ни сталевара, ни рабочего, ни космонавта. С дум о хлебе будет начинаться и кончаться каждый день. И это справедливо, ибо хлеб такой вид энергии, без которого ни песню сложить, ни металла сварить, ни в космос слететь...

только на казахстанских полях, но и в Сибири, Зауралье, Поволжье, во многих районах Украины, сеялки покупают страны — участники СЭВ и другие зарубежные государства.

— Значит, выход один — расширять производство?

— Разумеется, и уже принято на этот счет решение. В предстоящей, одиннадцатой пятилетке мы должны опять же более чем вдвое увеличить производство.

— То есть вместо двух заводов будет четыре?

— Не совсем так. К этим двум должны добавиться еще двадцать новых заводов и цехов. Да, да, не удивляйтесь. Хлеб в наше время склонен в соединении с металлом. Загадками говорю? Нет, сейчас поймете. Дело в том, что у нас в Казахстане много мощных тракторов К-700 и К-701, а в недалеком будущем в Павлодаре начнут выпускать специально для целины К-710. Машины могут, настоящие богатыри, только вот беда — нет к ним в достаточном количестве нужного оборудования, чтобы силушку их богатырскую использовать сполна. Значит, мы обязаны ликвидировать этот пробел. Причем не просто в количественном отношении, но главным образом в качественном. Так, для «Кировца» мы должны выпускать ши-

может быть, правильнее, «един в двух лицах» — инженер-агроном? Зачем ему решать проблему солонцов, если никто не просит его об этом? Не выдержав, мы выпалили ему всю эту обойму вопросов. Он улыбнулся и ответил:

— Земля просит, наша родная целинная земля. Представляете, сколько дополнительного зерна может получить страна, если мы сумеем оживить два-три десятка миллионов гектаров солонцов? А и ведь гораздо больше... По правде говоря, жалко, что нет у меня агрономического образования. Мы же для хлебной нивы машины выпускаем, значит, обязаны понимать не только душу металла, но и душу хлеба...

Хлеб и металл. Богата казахская земля и тем и другим. Ее нивы можно окинуть взглядом разве что из космоса, только жаль, что редакция туда командировок пока не выписывает. Ее руды ни на каких весах не взвесить.

Куда только не прятят природа свои сокровища — в леса дремучие, в моря глубокие, в горы высокие. Словно в прятки с человеком играет, но все меньше у нее остается тайн. Мы ехали из Лениногорска по дороге к будущему, как сказали геологи. Дорога нелегка — то бурные речки пересекают, то сквозь

ХЛЕБ И МЕТАЛЛ

Примерно с такого вот монолога начал нас знакомить с Целиноградским объединением по производству противозернистой техники его генеральный директор Михаил Сергеевич Бутенко. Можно было подумать, что с нами говорит агроном с многолетним стажем, а не инженер-машиностроитель. Мы переходили из цеха в цех, нас сопровождал гул разнокалиберных станков, лязг металла, на сборочном конвейере обрастили «плотью» плоскорезы и культиваторы, а мы говорили о хлебе, потому что вокруг Целинограда на все четыре стороны стелились поля и потому, что вся эта техника имела к нам самое непосредственное отношение. На отгрузочной площадке молодая крановщица Кымасай Аймагамбетова с женским изяществом аккуратно ставила на платформы новенькие сеялки. Ее предки кочевали в акмолинских степях, и горсть муки была для них когда-то на вес золота. Бутенко оживился.

— Это веда чудо, а не сеялка, — говорил он. — Ведь не было еще в истории земледелия такого, чтобы за один проход выполнились сразу четыре операции. А она умеет и предпосевную обработку почвы вести, и удобрения вносить, причем на нужную глубину и непосредственно к корням растений, и сеять, и почву прикатывать, оставляя ее ребристой, чтобы предсторечь пашню от ветровой и водной эрозии. Ну, не чудо ли?

— А каково на это чудо спрос?

— Огромнейший. Как только хлеборобы поняли всю пользу и выгоду, которую несет почвозащитная система земледелия, нам не стало отбоя от заказов. Поэтому пять лет назад на базе заводов «Целиноградсельмаш» и «Казахсельмаш», а также специального конструкторского бюро было создано единственное в стране объединение по производству противозернистой техники. Перед нами встало довольно трудная задача — удвоить в течение десятой пятилетки выпуск продукции. Теперь можно сказать, что мы этот план даже перевыполнены. Но и спрос на такую технику за это время вырос. Наши орудиями обрабатывают нивы не

рекордсменское бессцепочное оборудование. Сейчас, например, испытывается сеялка с шириной захвата в четырнадцать метров! Тракторист, не выходя из кабины, может менять все ее параметры — глубину заделки семян, их количество и т. д. Проектируем плоскорезы глубокого рыхления, тяжелые культиваторы, в общем, всего более двадцати разных машин, которые сделают семейство могучих К-700 настоящими универсалами. Все это металлы, в душу которого мы вдохнем жизнь. Поэтому в комплекс заводов, которые будут строиться в следующей пятилетке, входит, например, стапельное и чугунолитейное производство, цех порошковой металургии, инструментальный завод, сборочные цеха и многое другое...

Еще одна проблема не дает нам покоя, — продолжал директор, — освоение солонцов, которых только в республике многие десятки миллионов гектаров. Такие почвы всегда считались бросовыми, на них никогда ничего не росло. И не способно расти — так считают до сих пор многие. Плодородный слой, хотя и тонкий, в них есть, но лежит он на солонце, который сквозь себя ничего не пропускает — ни влагу, ни питательные вещества. Тут и плоскорезы не помогут. Значит, тупик? Попробовали состав почвы и говорят: «Выход есть. Под солонцами лежат карбонаты, которые способны их нейтрализовать». Для этого плодородный слой необходимо приподнять, солонцы и карбонаты разрушить, смешать между собой и опять накрыть слоем почвы. Вот и все. Ничего себе — все... И все же мы создали опытные образцы орудий, способных на такую работу. В прошлом году обработали ими несколько десятков гектаров солонцов и получили урожай от четырех до шести центнеров с гектара. Вы скажете: немногим, но все познается в сравнении. Не будем забывать, что раньше на солонцах вообще ничего не росло...

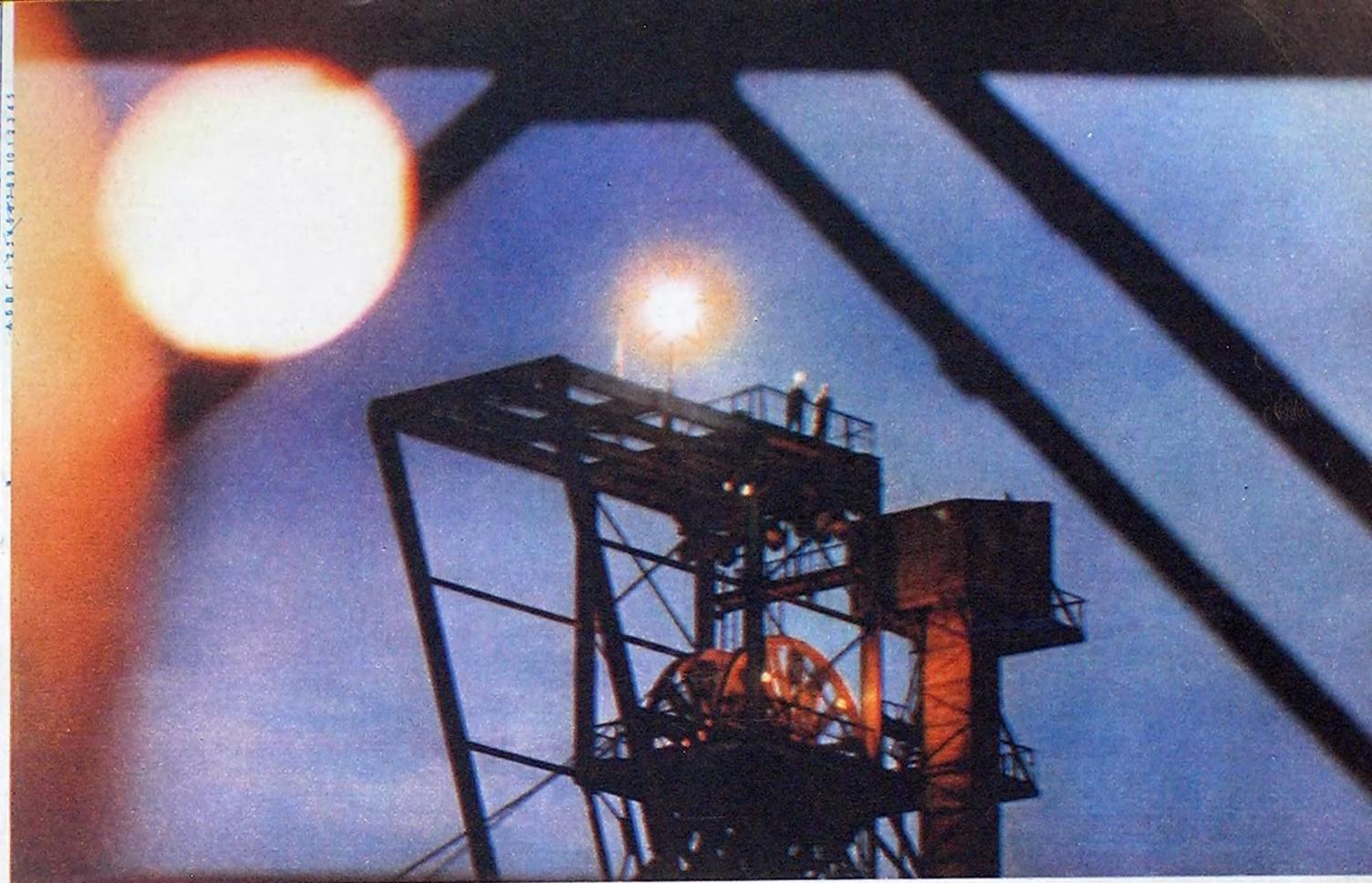
Мы смотрели на директора с некоторым изумлением. Кто же он? Агроном? Инженер?

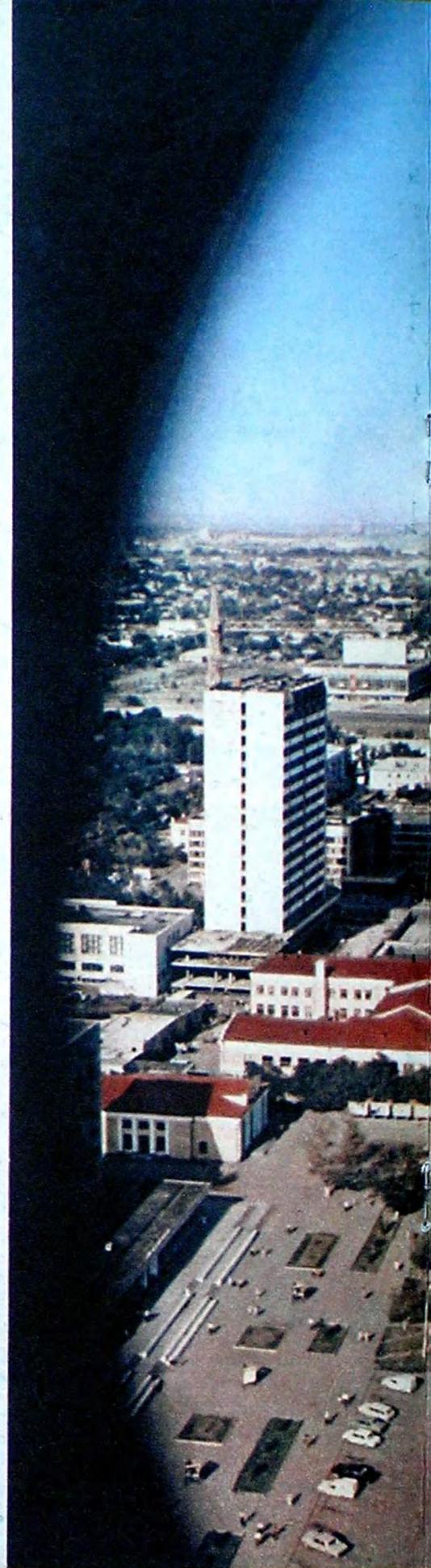
тайгу проламывается, то по краю ущелий прорывается, то на крутизну карабкается (только кусок неба из кабины и виден). Где-то там, в конце пути — гора Чекмары, нафаршированная свинцово-цинковыми рудами, обещающими долгую жизнь Лениногорскому полиметаллическому комбинату. Хвойным лесом поросла она и дикими травами, а вот поди ж ты, не сумела укрыть свои сокровища. Теперь гору прорывают штолнями, бурят со всех сторон геологи, прослушивают, словно внимательные врачи больного. Нужно определить точное количество руды, ее состав, глубину залегания и многое другое, без чего не может начаться промышленная разработка. Не будем называть пока цифры, тем более, что они еще приблизительны. Скажем только, что руды здесь очень много — не на один десяток лет хватит, причем примерно треть ее можно разрабатывать открытым способом. А геологи идут дальше...

Едем к Чекмарю и пытаемся представить, как шагал по здешним, совершенно тогда, в конце XVIII века, диким местам русский горный офицер Филипп Риддер со своим неболь-

Горит звезда над копром Тишинской шахты. * Буровой мастер Иван Пантелеевич Казарин из Лениногорской геологической экспедиции.

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ:
Принимай, Родина, хлеб Казахстана!
Талча Сайлибаева работает в колхозе имени Ленина Алматинской области.
* Целиноград с птичьего полета.
* Асет Тулебаева — учительница из Ерментау.

шим поисковым отрядом. Шли они по следам легенд о рудокопах из племени чуды, шли, отыскивая древние горные выработки, сохранившиеся со времен бронзового века. На быстрой речке Громатухе нашли они наконец блескучие тяжелые камни, изменившие судьбу этого края. И все же вряд ли думал Филипп Риддер, что его открытие наделает столько шума в мире, что век спустя за здешние рудники будут рвать друг друга на части капиталисты разных мастерей, от австрийских золотопромышленников до английского миллиардера Лесли Урквата; что город, который тут возникнет, нарекут его, Риддера, именем, а потом по просьбе рабочих переименуют в Лениногорск. И это было в высшей степени справедливо, потому что именно личное участие Владимира Ильича Ленина предопределило бурное развитие этого края. В годы тяжелейшей войны с фашизмом каждая девятая пушка, выпущенная по врагу, была отлита из тех кладов, которые Риддер некогда искал...

Надо ли говорить, что настоящая жизнь на берегах Громатухи пришла лишь в советское время. Возникли новые рудники, обогатительные фабрики, гидростанции, заводы, шахты. Шахты такие, что внутри них по штолням ездят огромные самосвалы «Татры», всякие хитрые машины, наученные бурить, дробить, ворзить и поднимать наверх руду.

Мы видели это на Тишинском руднике, где были гостями в бригаде Павла Иванова. Причем нехданно-негданно попали на праздник, потому что как раз в этот день Иванов и его товарищи зачинали десятую пятилетку. Настроение было приподнятое, и каждый хотел собственной рукой бросить в рудоспуск последний кусок руды, поставить, так сказать, точку. А через несколько минут они уже грузили руду в счет следующей пятилетки, посыпав свой успех предстоящему ХХVI съезду КПСС... Потом она отправится на цинковый завод, чтобы превратиться там в самый чистый металл, какой только выпускают в Советском Союзе, а оттуда по всему по белу свету, разнося славу о Лениногорске.

Но вот и Чекмарь. Быстрая Уба делает здесь плавный поворот и уходит за горизонт. Под горой поселок геологов, электростанция, целые ряды ящиков с образцами карнина — визитными карточками всего, что хранят природа под землей. Бурение идет по окрестным сопкам и даже совсем рядом с Лениногорском. Геологи не живут нынешним днем, они всегда одной ногой в будущем. Буровой мастер Иван Пантелеевич Казарин в разведке тридцатый год, все сопки, кажется, исходил округе, участвовал в открытии знаменитых Тишинских руд.

Бурили там долго, целое лето, — рассказывал он, — а все никак на руду выйти не могли, хотя точно знали — где-то она тут, под ногами. Ну, то есть все признаки налицо, а ухватить не могли. Уже ноябрь наступил, морозы начались, и решили бурение до весны отложить. Приказ такой вышел, и было это в аккурат шестого ноября, перед самым праздником. Последний буровой станок на площадке оставался и двое бурильщиков. Ну, они и решили: чем без дела ночь сидеть, давай-ка станок запустим. И бурили до утра, а когда керн подняли, то ахнули — почти чистый цинк. Так с этим керном и на демонстрацию пришли... Тут все забурлило, и зима помехой не стала. Строительство развернулось грандиозное, и в подарок ХХIII съезду партии наши легиаты повезли первый лениногорский цинк.

— Чем же встретите ХХVI съезд?

— Вот это месторождение сдадим, немного осталось дозревшее.

Мы еще некоторое время сидели молча на Чекмаре. Было тихо, где-то куковала кукушка, сугла всему окружающему долгую жизнь. По Убе шли плоты с туристами, а мы думали каждый о своем, но, может быть, об одном и том же. Что скоро этой тишины не станет, что Чекмарь сроют до основания, сделав из него не-

Усть-Каменогорск. В детском городке — крепость. * Праздник урожая. * Быстрые реки Рудного Алтая. * Байга.

исчислимое количество разных нужных людям для жизни вещей. И тут Казарин вдруг сказал:

— Я вот все думаю о нашей профессии. С одной стороны — мы что-то рушим в природе, с другой — приносим людям пользу, даем металургии ее хлеб — руду...

И снова, в который раз за поездку, возникла параллель — хлеб и металлы. Хлеб металургии и хлеб насыщенный. Какой парадокс: немного, пожалуй, на земле материй, которые природа наделила столь противоположными свойствами. Хлебный колосок хрупок и нежен. Металл прочен. Колос растет, чтобы погибнуть от железного серпа или жатки комбайна. Но и жить друг без друга они не могут. Орудиями из металла вновь распахивается каждую весну пашня, чтобы дать жизнь новому колосу. А хлеб, что же он такое? Он просто Хлеб, без которого невозможно существование ни металурга, ни самого пахаря...

Как жатва не знает выходов, в Темиртау мы видели, как вел плакуя сталевар Арген Жунусов, награжденный за свой труд орденом Ленина. Неторопливый в словах и движениях, он словно походя подчинял себе машину мартена, в котором клокотало неистовое пламя. Казалось, что для него сварить сталь так же просто, как вскипятить чайник. Лишь особая напряженность взгляда и плотно скоженные губы говорили о том, что эта легкость только кажущаяся. Как ему удавалось в одинаковых условиях опережать других! И какой силой обладал знаменитый комбайнер, Герой Социалистического Труда Кенжибек Алпыспаев, остававшийся многие годы непревзойденным? Что помогает бригаде катодчиков Анатолия Кузнецова на Лениногорском полиметаллическом комбинате быть лучшей из лучших? Ответ и прост и сложен одновременно — сила таланта. И богата же земля казахской талантами...

Кенжибек стоял на краю поля и смотрел в небо. Ничего хорошего оно не обещало. Так же шли с запада тучи, где-то погромыхивало, словно везли железную тачку по железным, разбросанным как попало, листам. Некоторые комбайны уже остановились.

— Нет, останавливаться рано, — сказал сам себе Кенжибек, поднимаясь к штурвалу, — еще есть несколько минут, а хлеб ждать не может...

Комбайн его плавно шел по полю, и было оно знакомо ему до последней кочки. Бывало, что поле удивляло его своими капризами: то вдруг щедрым колосом одарит, а то заставит комбайн почти впустую кружить. Кенжибек понимал, что капризы эти не вдруг случались, а в ответ на какие-то просчеты людей. Может, и его, Кенжибека, была в этом вина. Но он всегда старался быть честным с землей, знал, ее не проведешь. Плохо вспашешь, плохо посеешь — не жди урожая...

Дождь ударил в комбайн косыми струями, дрогнули колосья, словно прося пощады. Ни к чему он сейчас, но природе не прикажешь. Кенжибек остановил комбайн, спустился на землю и, не обращая внимания на потоки воды, полез с масленкой в мотор.

— Чем помочь, Кенжибек? — услышал он за спиной голос Саша Короткова.

— Все в порядке, сынок. А ты что же до мой не едешь?

— Так ведь дождь не вечен, а я не сахарный, не растиа. Он скоро кончится, а хлеб ждать не может...

Словно мысли мои подслушал, восхитился про себя Кенжибек. И подумал: славный из него хлебороб получится! Он давно звал Короткова сыном, с тех, пожалуй, пор, когда их семьи переселились в Воздвиженку в одном доме. Семья Алпыспаевых по казахской традиции была большой, но из тридцати детей в живых осталось только четверо. Этих четырех принесла русская акушерка Дарья Бубникова, и лишь по этой причине, Кенжибек был убежден в этом, они остались жить. Поэтому Кенжибек почитал Дарью за родственную и приглашал на все семейные праздники...

Радовали дети сердце старого Кенжибека, радовали и названный сын Саша Коротков. Если все, кто приехал осваивать целинные земли, похожи на Короткова, считал Кенжибек, значит, быть новой ниве щедрой. Так оно и случилось. Научились целинники укрощать эрозию, и земля ответила щедрыми урожаями.

...По проселочной дороге ехали мы гости к Кенжибеку Алпыспаеву в Шалкар — выйдя на пенсию, он переселился тут вместе с младшим сыном. По сторонам тянулись пшеничные поля, и, хотя до уборки было еще далеко, Александр Савельевич Коротков напряженно всматривался в них, оценивая будущий урожай взглядом знатока. Лицо его то хмурилось, то прояснялось, и обычно немногословный, он все же не выдержал молчания, сказал:

— Дождичка просит хлебушко, ох как просит...

— Но хлеба вроде бы неплохие?

— Средние хлеба, в прошлом году были лучше. Мы на отдельных участках по тридцать центнеров намолачивали с гектара.

— А что сказали бы вы о таких хлебах лет пятнадцать назад?

— Отличные — сказал бы, но то время ушло, теперь мерки другие...

Мерки, теперь, конечно, иные. Это верно. Кенжибек Алпыспаев рассказывал, как они еще до войны пытались распахивать сначала с помощью волов, а потом слабосильными тракторами здешние степи. Бывало, что получали по пять центнеров с гектара и радовались этому.

— Один год сильная засуха была, — вспоминал он, — почти все на корню горело. У нас уже комбайны в Семеновской МТС были. Целый день, помню, гоняешь по полям комбайн, а зерна чуть на днонышке бункера наберется. Вот свалишь в вечеру это зерно на току, а к утру от него ничего не остается — козы съели. И смех и грех...

Да, такие вот мерки. А теперь сын Алпыспаева Хайрулла, начинавший когда-то помощником комбайнера у Александра Короткова и ставший затем, после окончания института, главным агрономом хозяйства, как о совершенно реальном говорил, что на этих же землях будут получать в среднем по двадцать центнеров. Задача, достойная нашего времени. Хлеба требуется стране с каждым годом все больше, а земля ведь в размерах не увеличивается. Искусство землепашца поэтому будет с течением времени приобретать все большее значение, ибо от него в конечном счете зависит жизнь планеты...

С такими мыслями мы возвращались в Целиноград: на центральной площади шумели фонтаны, в трактире выплескивались волны цветомузыки. Город праздновал свое 150-летие. Мы бродили по его улицам и ничего не узнавали, хотя не были здесь всего лишь полтора десятка лет. Все изменилось. Возникли новые простили, площади, высотные дома, набережная Ишима, оделась в бетон. Теперь разве только как курьез воспринимается свидетельство историка о том, что в конце XIX века Акмолинск, нынешний Целиноград, был официально объявлен царским правительством местом ссылки. Но не будем забывать и о таких курьезах, потому что они лишь раз за подчеркивают достижения настоящего.

Сразу от Дворца целинников начинался проспект Мира, с которого, собственно, и пошел новый Целиноград. Горожане называют его про себя еще проспектом Братства, потому что каждый большой город, пославший своих представителей на освоение целины, построил здесь по дому. Тут есть алма-атинские, ленинградские, московские, киевские дома... Так же, как есть на целине совхозы «Ленинградский», «Ижевский», «Минский», «Севастопольский», «Симферопольский»... О многом говорящие, символические названия. Вся страна поднимала целину, вся страна помогает ей и теперь, посыпая сюда технику, удобрения, лучших своих людей.

Опять пришла на ее поля жатва. Она венчает не только хлеборобский год, она подводит итог пятилетке, посвящая 60-летию республики. Поэтому каждый, от кого зависит судьба урожая, испытывает сегодня чувство особой ответственности за дела на хлебной ниве целины. Каждый. И рабочий, выпускавший сеялки или трактора, и сталевар, и комбайнер, и шофер, отвозящий зерно на зерното, потому что все они соратники, союзники по хлебу.

Хлеб и металлы... Они тоже союзники. Крепость этого союза — залог силы и процветания республики.

Сергей САРТАКОВ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Всю ночь шел теплый дождь. Он начался как-то очень тихо, без ветра, без грозы, без тяжелого наползающих черных туч, когда людей невольно охватывает томительное предчувствие длительного ненастия. Просто небо слегка потускнело, а после захода солнца звездочки не зажглись. Потянуло сыростью, запахом еловой смолы, и по ветвям деревьев вплоть застучали крупные редкие капли, так, как всегда начинается ничем не приметный, обыкновенный дождь.

Однако тихий, убаюкивающий стук падающих на землю капель, мягкий шелест высокой травы, окружавшей маленькую однокомнатную палатку, на этот раз Андрею Арсентьевичу казались недобрыми. Он встревоженно приподнялся и до звука в ушах вслушивался вочные шорохи. Не ее ли это шаги?

Выходил из палатки, не замечая, как враз на плечах легкая брезентовая куртка тут же стягивается от сырости, как звучно пощелкивают у него под ногами набухшие еловые щишки, и наугад удалялся в черную глухомань. Медленно возвращался. Отмахивал со лба мокрые волосы. И, тяжело переводя дыхание, опускался на подстилку из душных пихтовых лапок. Болело сердце.

Где же Даша? Что с ней? Ночь непроглядная. А Даша так боится в тайге темноты...

1

Всю ночь шел теплый дождь. Андрей не раз просыпался. Ему казалось, это тихонечко постукивает в сенечном оконце старший брат Мирон. Он подбегал к двери, сбрасывая крючок. В узкую щель вырывалась мелкая водяная пыль. Андрей окликнул:

— Это ты?

Ответа не было. Только монотонно барабанили дождевые капли по железной крыше, по стеклу оконца, по доскам недавно выкрашенного крыльца. Андрей, позевывая, ложился, взбивал подушку свою, и подушку, на которой рядом с ним должен был спать Мирон, и мгновенно погружался в сладкое забытье, хотя долгое отсутствие брата, да еще в такую непогожую ночь, его очень тревожило. Тем более, что отец с матерью и не знали об этом — тайну двух братьев не следовало им открывать прецедервенно.

Собственно, коснись это только его, Андрей давно бы уже проболтался. Как можно в таком деле не посоветоваться с родителями? Но у Мирона характер особенный, он любит во всем твердым определенностью. А вдруг отец недовольно и недоверчиво смотрится? Мать начнет дотошно расспрашивать, никак не высказывая своего отношения. Это же тяжелое все-го. Для родителей оба они еще мальчики. А ведь Мирону уже двадцать, и Андрею исполнилось восемнадцать. Оба работают. На окраине их маленького подтаежного города Чусинска, стоящего в стороне от железной дороги, строится лесной техникум с клубом, столовой, спортивным залом и общежитиями. Крупная для городастройка. Мирон на ней плотником, Андрей — маляром. Вся семья живет, по существу, только не их зарплаток. Мать хозяйствует по дому, копается в огороде, сажает картошку-морковку, а отец постоянно болеет, но штатную должность — прежде служил он в сапожной мастерской кладовщиком — его уже не берут. Пенсии не выслужил. Вот и получается, когда денежки за-

ду, стеганки, которые здесь остались еще с зимних холодов, скрутят чучело и засунут под одеяло. Улегся рядышком. Мельнула ленивая мысль: сегодня воскресенье, на работу не надо идти. И вторая мысль, неопределенная: Мирону в открытом поле в лесочке возле озера укрыться от дождя негде, а отсиживаться где-нибудь под крышей в городе какой же смысли?

Немного сердясь на брата, так непонятно запаздывающего, он ткнул кулаком в чучело, потом примирительно проворчал: «Ладно я уж», — и сразу крепко заснул.

— Андрей! Андрей!

Он открыл глаза. Было совершенно светло. И тихо. Дождь, видимо, только что перестал, капли уже не барабанили по крыше. Из чуть приоткрытой внутренней двери пробивалась какой-то вкусный запах. Это на кухне мать готовила праздничный завтрак.

Мирон торопливо сдергивал через голову мокрую рашпашку.

— Андрей, меня не хватили, что дома нет?

— Н-не знаю... Кажется, нет... — Андрей, еще оглушенный крепким сном, выткаливал из-под одеяла чучело. — Тут я вместо тебя... Давай ложись. Ты чего так задержался? Дождице всю ночь лил как из ведра.

— «Чего, чего» — поглядывая на приоткрытую дверь, Мирон сбрасывал с себя брюки, стягивал прилипшую к телу майку, говорил свистящим шепотом. — Утонул было я. На смерть. Вот чего!

— Где? Как это? — У Андрея от страха даже щелкнули зубы. И стало как-то некорошо, что о такой вполне возможной беде ночью ему и не подумалось. Ну, просто тревожился, беспокоился, а брат в это время захлебывался, тонул. Надо было пойти на озеро вместо с ним. Я повторил: — Как это? Ты ведь хорошо плаваешь.

Мирон в одних трусах на крыльце выжимал, выкручивал сброшенную одежду. Раскинул ее на веревке, всегда натянутой поперек двора. Влез под одеяло.

— Только ты молчок. Никому. Мама спросит, с чего это сущится, ответим: баловались, друг друга из колодца обливали. Годится?

— Годится, — сказал Андрей. — Хочешь, я и свое что-нибудь намочу, развеши?

— Да ладно... Мирон блаженно потягивался. — Мама поверит. Ух, а есть до чего хочется! И спать — еще больше. Ташился обратно — глаза слипались.

СВИНЦОВЫЙ МОНОУМ

Нет, и этот стук оказался обманным, должно быть, просто над крышей погуще прошла дождевая коса. Андрей распахнул дверь настежь. Сквозь низко нависшие тучи слабо пробивался рассвет, двор отблескивал широкими лужицами, в которых ворчливо журчали падающие с неба тугие струны теплой воды. Андрей с удовольствием провел ступней босой ноги по скользким доскам крыльца.

«Тепло-то тепло», — подумалось ему, — да ночь кончается, а Мирона все нет. По всем расчетам давно бы он должен вернуться. Вот-вот поднимутся отец с матерью, пойдут через землю во двор, сразу заметят. Спросят. А что я скажу?

Он притворил дверь, теперь не закрывая на крючок, снял с гвоздя, вбитого в стену, висевшую там свою и Миронову рабочую одежду.

— Так ты расскажи все же.

— А чего рассказывать? Дождь-то еще на поздороге туда меня захватил. Тemeнь, вытяну руку — пальцев не видно! Озеро, веришь — где оно? — по звуку лишь угадал, дождь по воде иначе, чем по земле, хлещет, забрел выше колена, осокине мне ноги щекочет, а куда плыть, не знаю. Помню, надо не на самую середину озера, а к бочку одному. Так это если бы днем, при свете. А тут вправо или влево этот бочок, никак сообразить не могу. Понимаешь, даже в каком именно месте я на берег озера вышел, не разберу в темноте.

— Ну и вернулся бы сразу! Обязательно тебе эти кувшинки!

Мирон оскорблённо умолк. Андрей понял, что нечаянно попал в самое большое место. Знал ведь, что кувшинки — белые пилин водя-

ные — Мирону нужны обязательно. И надо было помочь ему. Да ведь кто же думал, что ночью так неожиданно наползет тяжелая тихая туча с большим дождем?

— Прости, но глупости с языка сорвалось, — сказал Андрей виновато.

— То-то же... — Мирон смягчился. — Я поплыл. Думаю, озеро не так уж большое, все равно как-нибудь да найду. Вода теплая. В самом озере. И сверху такая же теплая льет. Только, понимаешь, махаю, махаю саженками, уставать уже начал, а все плыву по открытой воде. Чувствую, большая глубина подо мною, а кувшинки — они же все-таки вроде бы островок на озере образуют.

— Недалеко от берега тоже их дополнна, — вставил Андрей. И опять некстати. Но Мирон на этот раз не очень обиделся.

— Да какие же у берега цветы! — бросил он снисходительно. — Ты посмотри мои, вон в ведре полотенцем прикрыты. — И продолжил: — Плыту, плыву и вдруг ну прямо в жуткую ледяную струю попадаю, со дна, что ли, бьет родничок; и ноги мгновенно мне судорогой стягивает. Так больно становится, что и руками уже махать не могу. Дыхание захижмает. Скорее к берегу. А где он, берег? Вот тут и штука. Где берег — мне неизвестно. Уже пытаться пускать начиняю...

— Ух ты! — только и выговорил Андрей.

— Выбрался я из холода, а судорога все-таки продолжается. Что было дальше, не очень помню, знаю, и с головой под воду уходил, и какие-то ослизные корни или ветки меня обивали, тоже тянули на дно, риски противной, козырь разных досыпа наглатывались, да выплыл, понимаешь, совсем наугад, выплыл на берег...

— И как же... — запиняясь, спросил Андрей, — как же... Где ты кувшинок тогда таких крупных набрал?

— На озере, — неохотно разъяснил Мирон. И зябко передернул плечами, должно быть, припоминая, как он рвал эти кувшинки. — На том самом островке и набрал, который сперва найти я не мог. Отлежался под теплым дождиком. Ноги помаленечку отошли. Давай гимнастику делать. Потом опять поплыл. Долго кружил по воде, а наткнулся на островок все же. Понимаешь, стебли, словно веревки, переплелись, не прорвешься. Листья, как блины, на воде лежат. Не нашу под ними цветы искал. Темно же. И на ночь вообще они в кулачок свернулись. Потянувшись за стебель — как

ухватился за стропильную обрешетку под крышей, несколько раз лихо подтянулся. — Нет! Спать я не буду! Не могу.

— А знаешь, Мирон, — любуясь бугристыми мускулами брата, сказал Андрей, — знаешь, если со стороны это, пожалуй, все-таки глупо.

— Глупо? — сердито переспросил Мирон. — Ну, с твоей стороны смотреть, может быть, и глупо.

— Во всяком случае, через меру. — Андрей не сдавался.

— У каждого своя мера. Да ты понимаешь, один-то раз в жизни — никакой мерой мерить не надо. Сколько выйдет. Сколько душа твоя позволяет. И сколько обязывает. На народе я и вообще за цветами в воду бы не полез. Перед кем рисоваться мне? Это я сам себя проверял.

— Но кувшинки принести она попросила!

— Не попросила. Просто я угадал ее желание. Понимаешь, желание, мысли ее угадал. Вот ты улыбаешься, а мы не раз проверяли. И оба точно угадываем. Вот зажмурю глаза, один в тишине постою, и все мне откроется, что в эту минуту Олечка делает, о чём думает.

Он говорил очень серьезно, торжественно, весь как бы приподнявшись над землей. Андрей улыбался, но уже не с оттенком лукавства, а искренне, с легкой завистью. Старшему брату он всегда немного завидовал. Его решительности, смелости, его сильным рукам и смоляно-черным густым волосом, как-то небрежно, но удивительно красиво спадающим на левое ухо.

— Да я чего, я ничего, — сказал Андрей. А сам подумал: вот она, выходит, какая бывает любовь. И ему захотелось тут же оказаться на месте Мирона.

Распахнулась дверь. Мать весело прокричала:

— Мальчишки, ну где вы там? Пирожки тепленькие. Зову, зову. Или не слышите?

2

Пирожки с зеленым луком со своего огорода на этот раз особенно удалась. И мука оказалась хорошая, и дрожжи подъемные, и рубленые, вкрутую сваренных яиц положено в самую меру. Мать сияла от удовольствия. Вкусно и сытно, да тому же и дешево. Накормить семью — радость великая. А отцу радостно было видеть счастливое лицо матери, жили они в полном согласии, хотя порой и ворчали друг на друга либо играли в молчанку. Но все это серьезного значения не имело и даже, по жизни, представлялось им совершенно необходимым — иногда, «когда-то» душеньку».

Мирон уплетал пирожки с такой поспешностью, словно боялся, что неведомо почему они вдруг исчезнут со стола. Подбородок у него густо замаслился. Он этого не замечал. Андрея душил смех. Он-то ведь знал, почему старший брат так торопится. Ему надо успеть и в баню сходить и подстричься. И не опоздать...

А отец между тем начал длинный рассказ о том, как в ранней молодости хаживал по тайге с геологической партией. Мирон искоса поглядывал на ходики с гирькой, висевшие в простенке. Круглый желтый маятник деловито отстукивал свои доли минут, в усатый кот, изображенный на жестяной облицовке часов над циферблатом, сквозь прорези в же-лезе следил лукавыми глазами за маятником, точно повторяя его движения.

— ...так вот, — рассказывал отец, — и наткнулись мы в тот раз на выходы синевиной руды совсем небывалые. Как называется минерал, в котором вкраплены руды, теперь я и забыл. Попадись мне он снова, может, мимо прошел, пнул бы ногой — камени и камень. А начальник наш обмер, за сердце схватился. «Это, — говорит, — такого содержания руды в породе не только за жизнь мою, за всю историю горного дела на всей земле не встречалось. Вообще, по теории, такого даже быть не может, все равно, как не может, скажем, корова не молоком, а чистым сливочным маслом доиться. Надо бить шурфы глубокие. Ежели это самое рудное тело далеко простирается, ну...» И не сказал он, что значит «ну». Сами, мол, вы догадайтесь. А зима котит, как на тройке, по ночам вода — в котелке забу-

дешь — насквозь промерзает, снег валит, пурга метет, и, главное, кушать, а лучше сказать — жрать, вовсе нечего. Кругом густой бурелом, обрывы скалистые, кустарник цепкий — не продержишься. Одно слово: дебри дикие, глухомань. Какие тут шурфы? Потом и одежонка у всех... Начальник воспаление легких схватил.

Он замолчал, потер небритую щеку рукой, словно бы прислушиваясь к чему-то далекому, доносящемуся до него тихим звоном.

Андрей кашлянул.

— Папа, — сказал, поглядывая на Мирона, уже устало жующего очередной пирожок, — мы вот с ним...

— Чего «с ним»? — сурово спросил отец. — Ты сперва дослушай, что я говорю. — Покрхтал недовольно: — Сбил ты меня. Так вот. Время: в тот год как раз ты родился. А в общем, совсем недавно с Колчаком покончили. Разруха. Поволжье голодает. Республика во всем нуждается. И в свинце тоже. А тут на тебе — этакий клад. На костре из камня чистый металлический выплавили. Много. Два пуда. Завяляем — чего с ним делать? Пули лить? В кого стрелять? И тащить на гору ни к чему. Сам камень, руду — это надо. Для доказательства. Ну, штуки ради выдолбили бурломной колодине углубление по форме человечка, вышли туда свинец. Остыл, вынули — истуканчик на камень его посадили. Охраняй, дескать, подземное хозяйство свое. Начальник торопит, говорит, пометы сделаем и выходим будем. В бреду уже говорил. Сделали мы затеси на деревьях. И понесли начальника. На руках, на волокушах, как прятается. До табора, до шалаша из еловой коры, где у нас кони были оставлены. Ну и не гробы. Похоронили. В мерзлую землю. Без гроба.

— А потом? — Андрей уже не мог оторваться, зачарованно глядел на отца, хотя этот рассказ он слышал и не впервые.

— Потом... Тогда время было другое, не как сейчас. Вот мать подтвердит. Ни телеграфа там, в тайге, ни радио. На помощь никого не позвонишь. Всяк сам о себе да о товарище своем думай. Пока выбирались до настоящего жилья, кони пали. Последних верст шесть по снегу с обмороженными ногами на четвереньках ползли. В голове дума только одна: не заснуть, не сунуться носом в наметы снеговые. Тогда уже все. Но доползли. Мать поминут, каким я домой заявился.

— Слава тебе, господи! — перекрестилась мать. — Ему-то слава, — рассеянно проговорил отец и опять присялся тереть небритую щеку ладонью, — а нам далеко не слава. Камни-то, образцы, мы ведь тогда не донесли. Потеряли дорогой, а лучше сказать, с отчаяния, с малодушия ли, побросали. Не верилось, что выберемся к жилью. Так чего, дескать, себя лишним грузом на плечах до последней минуты мучить. Притом не геологи же мы заправские, по первому разу в тайгу ходили. Рабочими просто. Опять же повторю, никак то давнее время с нашим нельзя сравнять, теперь поисковые партии разве так снаряжаются.

Он замолчал, не закончив рассказа, не хватало обязательного вывода с должностными привилегиями. Это было его системой — воспитывать своих детей этакими неторопливыми раздумьями за воскресным обеденным столом, историями необыкновенными, однако построенным на действительных событиях из собственной жизни. Он не любил, когда его повествования перебивали, да еще совсем наивными вопросами, но здесь ему почему-то очень был нужен толчок. Без такого толчка трудным казалось поставить последнюю точку.

— А чего жалеть эту руду, камни потерянные? — спросил Андрей простодушино. — По весне было пойти туда и набрать новых.

— Эх, сынок, и как это легко ты умничком раскладывалась! — вскрикнул отец, обрадовавшись, что точно, в «самую жилу», попал со своим вопросом Андрей. К тому и подводил он конец рассказа, чтобы поняли все, что не каждая задача в жизни решается, как «дважды два» в школьной тетради. — Первое. Арестовали нас, ну не так, чтобы в тюрьму посадить, а под следствие, под расспросы сочувственные: куда и как человек, наш начальник, девался. Могилу хотя бы его показать. А тайгу

ЫЙ ЕНТ

струны лопаются. А улиток, ракушечек всяких сколько на меня налепилось! Домой уже шел, из волос все вытаскивал. Ну, ничего... Зато сам о себе думаю теперь: не трус ведь я оказался. А как, по-твоему, Андрей, не трус твой старший брат? Сказал — сделай! А ты бы сделал так?

— Сделал бы, — ответил Андрей.

Но Мирон отнесся к его словам с недоверием. Лёжа на постели, этак легко ответить. Широкой ладонью слегка хлопнул Андрея по спине.

— Врешь ты. Не сделал бы. Вот этой ночью, сегодня. Этой ночью только я один мог такое сделать, никто больше. Не по глупости. И не из гордости. А почему — мне не объяснить. Сегодня, ну, сегодня... Эх, Андрей, сегодня я необыкновенный! — Он вскочил с постели,

по брюху снегом уже занесло, и где ходили мы — троп никаких. Подозрение на всех троих до весны. Второе. Увлечь разговором одним о рудах богатых, когда подтверждения самой рудой этой нет, кого же увлечешь. Весна наступила, пошли с нами люди в тайгу, так не столько руду искать, сколько могилу. Потому что точно — человек потерялся, а руда была или нет — это еще неизвестно. И третье. Ничего не нашли мы. Ни могилы, ни руды, ни даже отдельных камешков тех, что дорогой побросали. Пути того не нашли, по которому добирались из дебрей проклятых до табора, где лошадей оставляли. Все как закодовано! Целый месяц кружили без толку по тайге. Конечно, таежники мы были совсем никакие. Все городские ребята. В приметах лесных не разбираемся. И тогда уже следствие строже. Про руду и разговору нет, дескать, басни все это одни, разговоры идут только о человеке. Так вот, а человека не стало. Ну, хотя бы весть какую, пусть какой-нибудь его семье в память о нем из тайги мы вынесли бы! По глупости и этого не сумели. Не сообразили. В землю зарыли, постояли над могилкой, если мерзлую яму могилкой можно назвать, и потянулись к табору. Так почему же мы тогда к табору выбрали, а после, весной, с этого самого места, от табора, ни человека в земле, ни рудного выхода из земли найти не могли? — Он подождал ответа, но все молчали, потому что ответить на свой вопрос он должен был только сам. — Судите нас не стали, прокурор дело закрыл. Те ребята, что были со мной, по разным местам разъехались, куда не знаю, а я весь при себе, от советы своей мне уехать некуда. Прокурор вины не нашел. От семьи погибшего начальника нашего было письмо: благодарили, что до последнего все же несли мы его на руках и потом земле тело предали, не допустили костям белеть на ветру. А custody до сих пор не согласна. И чем дальше на свете живу, тем она не согласнее.

— В чем? — Мирон смотрел на отца испытуяще, точно бы примеряя к себе его слова.

— В том и дело, Мирон, и ты, Андрей, что у каждого совесть своя, — медленно проговорил отец. — То же самое нести одному — как пушинку, другому — как листвинничное бревно. А иной раз наоборот. Так надо, чтобы всегда, если она хоть бы только чуточку самую задела, бревном бы на плечи давила. Тогда будешь ты человеком. А в чем она меня давит, если не поняли, то мне уж обстоятельнее и не разстолкововать. — Встрепенулся, двинул по столу к самовару чашку свою. — Ну, а чего, гляжу я, носы-то повесили! Мать, налей мне горяченького!

— Папа, а где она, эта тайга? — спросил Андрей.

— А черт ее знает! И думать о ней не хочу. Далеко она где-то. Единственное, что запомнил, вроде бы Ермантинской она называлась. А конца и края ей нет, это точно. — Он безнадежно махнул рукой.

И разговор пошел уже самый обычный, житейский, как это и бывает во всех дружных семьях за утренним столом. Отец еще, помимаясь, успел рассказать, что в согласии с матерью дали они имена сыновьям, какие в дни их рождения значились по церковному календарю, хотя в церкви ребят и не крестили. Сделали так, чтобы не спорить, не мучиться с выбором. А мать призналась, что очень боялась она, заранее давая свое согласие, вдруг придется на такой день какой-нибудь Павлик или Пафнутий или Иуда. Мирон хохотал и говорил, что когда женится он и родится у него сын, никаким календарем доверяться не станет, а назовет только Сергеем, чтобы звучало так, как у Кирова — Сергей Мироныч. В память о нем. Мать сощурившись, руками всплескивала: «Да ты женени сперва! Невесты себе еще не выбрал, а сыну имечко определи!». Андрей хитро подмигивал брату, он-то знал кое-что побольше, чем знала мать.

— Невесту, мама! — вдруг с какой-то отчаянностью сказал Мирон. — Хочешь, я сегодня вечером приведу?

Мать посерезнела, поправила косынку на голове.

— Сказала бы я тебе, Роня: приведи! Да слова твои чай-то очень не нравятся. Ува-

женя в них нет. И любви нету. А невеста, — это же любовь! О ком ты это? Не замечала я возле тебя таких девушек.

Мирон густо покраснел, отмахнулся со лба волосы.

— Ну, считайте — сболтнул.

— А ты прямо на вопрос отвечай, — вступил в разговор отец. — Этакое ни с того ни с сего не сбываются. О ком?

— Ну отвечу я, — тихо, но как-то вызывающе сказал Мирон. — Потому не отвечу, что и люблю и уважаю.

— Н-да, — неопределенно проговорил отец. — В общем, чего же, в наше время родители детей своих о таком и не спрашивают. Единственно кто — это совесть твоя имеет право спросить.

— О совести моей не тревожьтесь, — теперь уже с открытым вызовом сказал Мирон. — А в банию и подстричься сходить мне можно?

— Вот так, Роня, тоже не стала бы я говорить, — ответила мать. — Тут и к матери с отцом нет уважения и к самому себе.

У Мирона дрогнули губы, но он сдержался, встал, аккуратно отодвинул стул, поправил ложечку, лежавшую на чайном блонде, и вышел из-за стола.

— Мама, я пойду в банию и подстригусь, — сказал он от двери. И голос у него был очень ровен. — А потом надену новый костюм. До ужина погуляю.

В сенях Мирон нагнал Андрей. Спросил заботливо:

— Успеешь?

— Должен успеть. А ты мне вот в чем помоги. Как вернусь я из бани, пообедаем — выйди раньше меня на улицу, вынеси эти кувшинчики. Чтобы дома никто не заметил.

— Помнишься, передавай из рук в руки, — сказал Андрей с сожалением. — Они же такие нежные.

— Ну... я не хочу... не могу, чтобы видели.

— Ладно. Сделаю.

— И еще, — замялся Мирон, — дай мне какую-нибудь из своих картинок. Стрекозу или бабочку. Понимаешь, я обещаю.

— А бери хоть все, — великолушно отозвался Андрей, — мне не жалко, я сколько хочешь есть нарисуй.

— Все не надо, дай штуки две. Самые лучшие.

Мирон ушел. Андрей принесся перебирать свои рисунки. У него тонким пером, тушью на ватмане, удивительно хорошо получались цветы, птицы, зверушки разные, насекомые. Он пересортировывал их из книг, одинаково удачно рисовал и с натуры. Откуда и как пришло к нему это увлечение, он и сам не знал. Сколько помнил себя, столько помнил с карандашом в руке, рисующим на чем попало. На чистом листе бумаги, на старой газете, на скатерти, на только что побеленной стене. Мать рассказывала: никаких других игрушек в самом раннем детстве ему не покупали, дарили только карандаши. Плакал, когда карандаши весь исписывался, а в запасе нового не было.

И в школе, на уроках рисования он недожинским своим умением ставил учителя в неудовольствие. Получалось: ученик подсказывает преподавателю, как нужно держать карандаш, как правильно создавать перспективу, глубину, как распределять свет и тени.

Дома стали поговаривать, не отдать ли Андрея в художественное училище. Но в их маленьком городке такого училища не было, а в областной город Светлогорск вести как-то пугало. Вдруг провалится на экзаменах, только издергии одни на поездку, а денег и так в образ. Вдруг примут, значит, от дому он тогда совсем оторвется. Как там один он, мальчишка, устроится, и как они, родители, останутся без него. Приблизится старость... Да и верное ли это дело? Спрос на учителей рисования небольшой, и зарплаты они получают маленькие. А картины писать и продаивать, как это делают настоящие художники... Неизвестно еще, выйдет ли из Андрея настоящий художник, а если и выйдет, так ходят слухи — голодают они. Напишут картину, а она потом никому не нужна. Все чердаки, кладовки у себя завалят измазанными полотнами, в квартире от запаха краски не проходишь, и главное, все думай и думай, что тебе завтра нарисовать, чтобы купили твою работу.

Так и завершился домашний совет на этом. Решили: закончит Андрей неполную среднюю школу, как и Мирон, надо и ему поступать на работу. Надежную. Парни оба они здоровые, сильные, в городе всегда что-нибудь строятся. Мирону как-то сразу ловко топор в руки лег. Андрей путь пойдет в малярь, там не только стены белить или окна, двери и крыши красить; приходится и разные бордюрчики цветами расписывать — это будет ему как раз в удовольствие. Андрей вступать в спор с родителями не стал, тоже страшило его — оторваться от дома. Сдал экзамены и нанялся на стройку. Малярная работа нравилась, давала заработок хороший, и рисовать «для души» временно оставалось вволю.

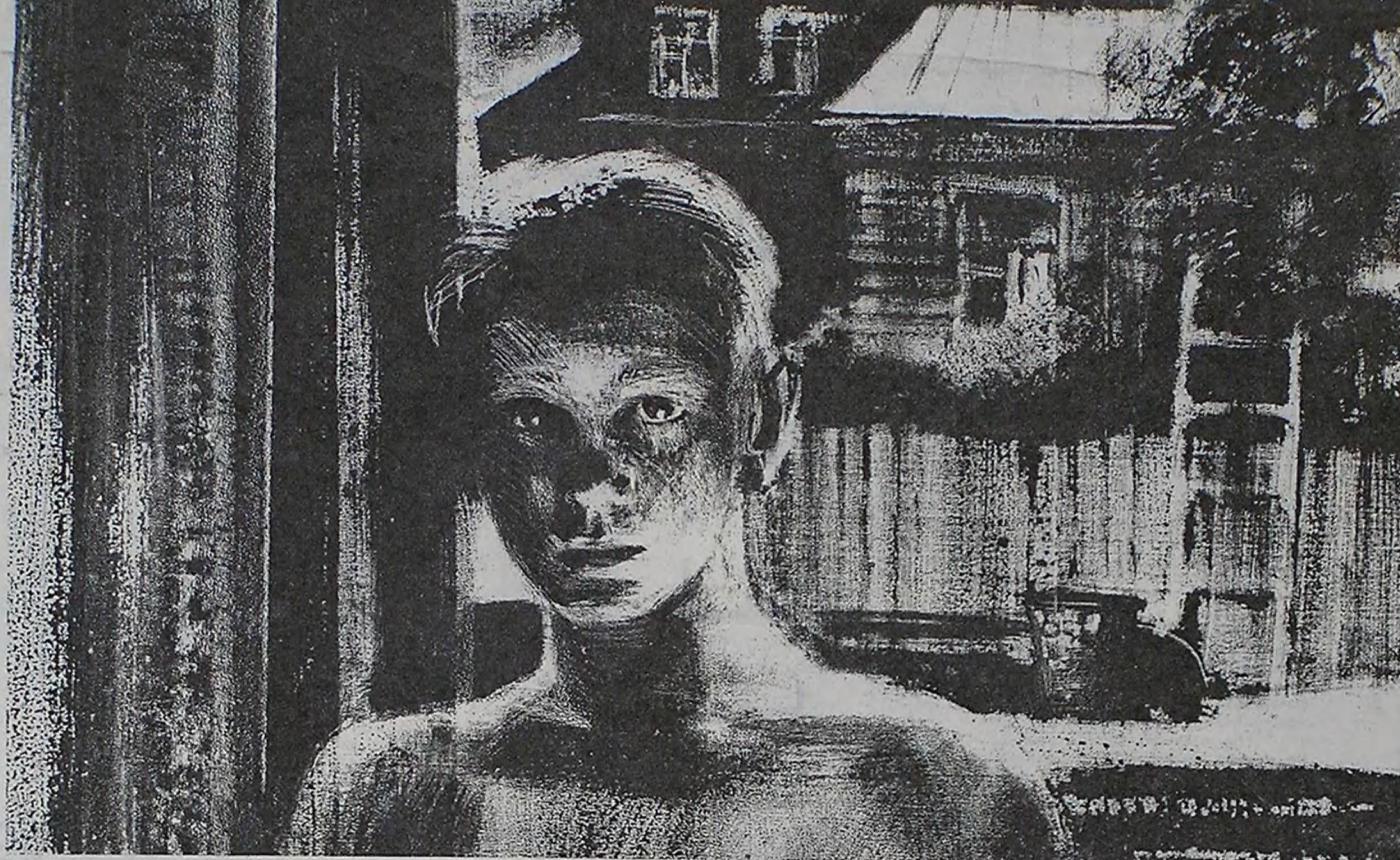
Он достал с полки, приложенной под крышей, добрый десяток толстых связок своих лучших рисунков и теперь критически отбирал «самые-самые». В цвете, акварелью, гуашью у него получалось очень красиво, но как-то нежизненно. Сразу видят: нарисовано. А тушью на ватмане — так вот и кажется, что слепит, сбежит сейчас с листа бумаги птичка там, букашка или зверушка. Это было тайной для него самого, словно бы его рукой водила какая-то волшебная сила. И он постепенно пристрастился только к рисунку пером, а краски забросил.

Порой, любясь собственной работой, вспоминал рассказ школьного учителя рисования о том, как в молодости, кажется, Суриков, будущий мелкий чиновником, именно тушью нарисовал мууху, подбросил на стол губернатору и тот мууху, принял за живую, прихлопнул ладонью. А Сурикова послал учиться в Академию художеств. Таких «муух» у Андрея было множество, но не было губернатора, напугав же однажды чуть не до смерти мать прыгающим мышонком, нарисованным на внутренней стороне крышки картонной коробки из-под шоколадного набора, в которой хранились принадлежности для шитья, он зарекся показывать в доме свое искусство такого рода кому-либо еще, кроме старшего брата.

Конечно, стрекоза и бабочка-махонь отлично нарисованы, но брат наверняка захочет отдать их Ольге, а не намек ли это будет — «попрыгунья-стрекоза»? Девушки очень в таких символах разбираются. Да и Мирон знает, что, например, желтых цветов дарить нельзя, потому и отправился ночью на лесное озеро за белыми кувшинками. Вместе с бабочкой надо Ольге подарить пчелу, собирающую нектар на шапочке белого клевера. Вот это будет правильно.

И он заулыбался, повторяя в памяти недавний разговор Мирона с отцом и матерью за столом. Как этот разговор ни начался и чем он ни кончился, а все же действительно приведет сегодня вечером свою невесту Мирон. Ну, как же иначе? Не ему ведь уходить в чужой дом! И потом Ольга такая невеста, что кому понравится. Сразу мать от радости заплачет и бросится обнимать, целовать. И разве плохо, что до этого она Мирона с девушками не видела? Сама же ведь боялась, чтобы сын не завел какого попало знакомства. А вот почему Мирон так долго стоял, не показывал Ольгу, не говорил о ней — дело другое. Но его тоже можно понять, он, Андрей, хорошо понимает.

С Ольгой Мирон почти ровесник, всего на один год она моложе его. Школу окончили вместе, а потом Ольга сразу уехала куда-то на юг. Неизвестно еще, где-то учиться или просто погуствовать у деда, доктора, даже профессора. А этой весной вернулась обратно в свой город. И поступила в библиотекарши. В читальном зале книги, журналы выдаются. Читателей, ребят молодых, сразу в троекратном количестве. Вечером места свободного не найдешь. Идут, за столы садятся, не журналы читают, а издали на Ольгу смотрят — такая она красивая, интересная. Мирон тоже сперва просто ходил, глядел на нее из угла, а заговорить стеснялся. Все-таки почти пять лет прошло, и притом он сейчас плотник, руки обветренные, а Ольга с книгами дело имеет. Спросят у нее совета, чего бы почитать, она тут же вкратце содержание любой книги расскажет. И куда лучше объясняет, чем, бывало, учительница русского языка. Говорит — заслушаешься. Про школу она сама Мирон напомнила. И начались у них с тех пор прогулки в город-

ском саду. Тихие, шепотком разговоры. Совсем без слов стали друг друга понимать, Мирон говорит, даже и на расстоянии. Конечно, когда так, зачем же раньше времени объявлять о своем решении родителям? Вчера Ольга без слов сказала Мирону: согласна. Сегодня он с ней придет, как с невестой, и все успокоятся. И станет Ольга жить в их доме — Миронова жена. Ему, Андрею, очень нравится, когда у старших братьев — в семьях других — бывают умные, красивые, приветливые жены. Они непременно и младших братьев потом знакомят с хорошими своими подругами.

Правда, квартира для пятерых окажется тесновата, особенно зимой, когда сенях спать уже нельзя, так ведь Мирон — хороший же плотник, он, Андрей, маляр, отец окна застеклить сумеет и печь сложить, матерь останутся красоту в новой пристройке наведет. Страшно глазам, а руки все сделают. Дед ведь этот домик своими руками поставил. Наследственный дом! Только вот где теперь и на какие деньги строительных материалов достать?

Андрей было ненадолго задумался, но потом беспечно махнул рукой. Ему вспомнилась шутливая поговорка отца: «Хочешь разогреть — покупай пустые чайодыны. Они обязательно чем-нибудь наполнятся». Женился Мирон, женился он, и место, где им всем вместе жить, найдется.

3

Мирон вернулся из бани какой-то особенно красивый, аккуратно подстриженный. Кинул угол сверток с грязным бельем, присел на крыльцо, заметил, что мати возле сарая собирает щепки, наверно, для того, чтобы растопить плиту, готовить обед.

— Мам, а дровишек наколоть не надо?

— Обойдусь пока, — отозвалась она.

— А я все-таки наколю. В запас. Пригодятся.

Выволок из сарая несколько чурбанов, брезовых, самых толстых и суковатых, и с наслаждением, приыхая, начал кружить их топором, раздирать со скрипом, когда отвалившись поленьям не давали сучки. Расправив-

шись с дровами, он принял копать дернину, не тронутый еще лопатой угол огорода, где мать предполагала осенью посадить малину. Андрей прикинулся на брате:

— После этого снова в баню пойдешь!

Мирон всадил лопату в землю, помахал руками, как летящая птица крыльями, рассмеялся:

— Да мне же хочется разогреть себя. Сколько пару на каменке не поддавал, все казалось, по озеру над ледяным родничком плыву.

— Может, простудился ты?

— Ничего ты, Андрей, не понимаешь, — сказал Мирон и пошел к дому, поглядывая на солнце. — А картинки свои, что я просил, приготовил?

Андрею захотелось ответить подковырок, высокомерный упрек брата в том, что он ничего не понимает, задел его самолюбие. Это Мирон не понимает, что с ним происходит, а со стороны всегда виднее. Да ладно уж, он как-нибудь потом изобразит в лицах «день Мирона накануне признания в любви». Пусть Ольга тогда посмеется. Ей-то ведь сам Мирон не расскажет, как ночью под проливным дождем рвал на озере белые кувшинки и чуть не утонул. Не расскажет, как раздирал руками суковатые поленья и быстрым перекопал столько прошоршой корнями, твердой земли, сколько в другой раз ему и за три часа бы не одолеть.

Теперь они, сидя вместе на крыльце, очень дружно разглядывали рисунки, которые Мирон почему-то упорно называл картинками. Пичка на клевере Мирону тоже понравилась, но когда Андрей стал ему объяснять символику, он присвистнул:

— Тогда и пчела не годится. Олечка — и пчела. Она же вся... Ну, я не знаю, почему утром сказал стрекоза. Может, потому, что она всегда словно бы в вышине, в небе, и крыльшки у нее тонкие и прозрачные. Сквозь них солнечко светится. И я картинки эти, пойми ты, не в подарок хотел принести; ей подарю — кувшинки, а картинки твои, чтобы знала она, глазами своими увидела, какой умелый брат у меня. Про тебя, про всю нашу семью чтобы полнее знала она. Жить-то ей в нашем доме.

— А почему ты раньше ни разу с ней не пришел? Знакомилась бы со всеми она помаленьку. И мы с ней тоже.

— Да, понимаешь... — И Мирон запнулся, не зная, как ему ответить на вопрос Андрея. Ну, в общем, какая разница — раньше или теперь. Придем сегодня.

— Ты говорил: насовсем.

— И сейчас говорю. Не то что сразу ей насовсем и остаться сегодня, а придем, чтобы родителям объявить... Вот ты не можешь понять, — вдруг обрадовался Мирон, что нашел нужные слова, — а она и я, оба мы понимаем. Хотя между собой и не говорили об этом. Друг у друга мысли вполне мы угадываем. Скажем, приходит ей, себя показывать. Что она — товар! Или на работу идет наниматься! Понравится она кому или не понравится — все равно она моя жена. Будет женой, — добавил он, заметив, как дернулся Андрей. — Сегодня придет, об этом дома объявишь, а завтра подадим заявление в загс. Ты не думай, я руку Олечкину, когда с ней прощаюсь, и то крепко пожмете. Из всех девчат, каких знаю, Оля особенная. — Он закрыл глаза, постоял молча. — Может, все придумал я... Нет, не придумал! Вот она гладит сейчас свое синее платье с белым горошком...

Мирон и еще что-то говорил такое же, что видится ему сейчас, говорил радостно, вдохновенно, обращаясь, пожалуй, больше в пустое пространство, нежели к Андрею. А тот сидел, захваченный его волнением, и силился все это перевести на себя. Вот ведь как с человеком бывает, когда приходит любовь и когда он вот так, всей душой открывается! Он, Андрей, сейчас и видит и слышит брата, а сам такого почтеннее не может. Неужели это когда-нибудь случится и с ним? Не было это у отца с матерью? И у каждого? Послушаешь разговоры мужиков на стройке: так любовь — это... Ну, природа только человеческая. И вообще одна природа. Душа тут совсем ни при чем. Тем более, что и сама душа — половские выдумки. А вот Мирон покоя не может найти. Ночью в озере едва не утонул. Не любовь его туда повела — природа? Но зачем тогда, если природа только,

ему и ей эти кувшинки? И зачем картинки показывать?

Он уже совсем не слушал Мирона. Припоминал всех девчонок, с которыми вместе учился в школе, тех девушек, с которыми теперь работает на стройке и с которыми рядом сидел на комсомольских собраниях или занимался в политкружке. Никогда ему, будучи с ними, ни о любви, ни о «природе» не думалось. Просто с одной приятно, интересно поговорить, а другая, глядишь, заноза, зазнайка, не то круглая дура. Все люди — люди, парни или девушки, мужчины или женщины. И жизнь, как жизнь. Семья, конечно, должна образоваться, чтобы заботы в доме складывались общие. Для этого, конечно, надо заранее получше узнать друг друга.

Вот он, Андрей, тоже ходит в библиотеку, в читальный зал. Но ему, между прочим, никаких прозрачных крыльышек, сквозь которые светит солнце, у Ольги не видится. Очень красивая, голос мягкий, негромкий, всегда улыбается, одета чистенько. Чем не жена для Мирона! И ему, младшему брату, перед кем хочешь похвастать будет не грех. Но таких слов, как у Мирона, ему не подобрать. Откуда у него они берутся? Прямо будто бы вслух Шекспира читает. Может, и начнется? Ольга — библиотекарша. Подбирает ему о любви самые лучшие книги.

— Знаешь, а я, пожалуй, возьму штук десять своих картинок. Самых разных, — сказал Мирон. — А то и вправду можно дело так повернуть, что в них какие-то намеки. В пчеле, стрекозе или бабочке. Главное, показать, как ты умеешь рисовать пером. Не малар щечкой.

— Тебе что — за маларястыдно? — Андрей не понял, всерьез или в шутку сказал Мирон. — А как тогда с топором плотник?

— Не то, не то, Андрейка. Не обижайся, я сейчас совсем с другом думал. О тонкости дела, которую каждому нужно достичь. Олечка как раз не с плотником, а с человеком гулять ходит. Кем я работаю, она с первого дня знает. И заторопился: — Пойду, попрошу маму, чтобы рубашку погладила. Эх, обед бы поскорее! Солнце будто гвоздем к небу прибито, совсем не движется.

Но солнце все же подвинулось. Наступило обеденное время. И в конце его усатый кот над циферблатом часов, лукаво постремливая из стороны в сторону желтыми глазами, определил для Мирона тот момент, когда непременно следовало подняться из-за стола. Даже не допив стакан киселя.

— Роня, куда же ты? — воскликнула мать. Она не любила, когда вот так, не дожидаясь старших, кто-нибудь из сыновей вскакивал, и еще с набитым ртом. — Андрей! А ты?

— Мама, я опаздываю, — сказал Мирон, — я скоро вернусь.

— И я тоже, — сказал Андрей, памятую, что он должен потихоньку вынести цветы.

— Спасибо даже забыли сказать! — вдогонку им сердито крикнула мать.

— Спасибо! — из сени отозвался Андрей.

Мирон быстро переодевался. Руки у него вздрогивали, застегивая воротник, он не мог попасть пуговицами в петли, косо заправил рубашку в брюки, и Андрей помог ему исправить изъян. Спросил в недоумении:

— Да что с тобой?

— Ничего, брат Андрей, ничего... Нельзя же, чтобы Олечка раньше меня пришла.

— Когда вас ждат?

— Не знаю... Не знаю... Ну, что ты спрашивашь? К ужину! Иди! Иди скорей за ворота.

Андрей понял: Мирон боится, что выйдет в сени отец или мать, увидят кувшинки, поразятся их необыкновенной красоте и начнутся расспросы, а всякое лишнее слово Мирону сейчас тяжело выговаривать — волнение горло сдавливает.

«И чего он так? — подумал Андрей, послушно выбегая за ворота с букетом и пытаясь проникнуться настроением брата. — Гулял он в саду и вчера со своей Ольгой, и завтра опять же встретятся, и потом будут вместе вообще каждый день. А тут прямо побелел весь. Неужели так страшно ему сказать Ольге эти слова? Обыкновенные все же слова. Один ведь раз только их выговорить».

Продолжение следует.

ХИМЗИН В ТЕАТРЕ

С. В. Гиацинто娃.

Вл. ПИМЕНОВ

Это уже история. Начало 30-х годов. Театральная площадь — Большой театр, Малый театр, МХТ второй... Пожалуй, сегодня не каждый знает, что был еще МХТ-2. А такой был! И пользовался большой популярностью у зрителей не только Москвы, но и далекой периферии. Во всяком случае, я, часто наездная в Москву из Воронежа, стремился обязательно попасть на спектакли МХТа-2.

Постановки Камерного театра, Театра сатиры, Театра Революции, Вахтанговского театра и, конечно, МХТ-2, пожалуй, по оперативности выпуска своих премьер опережали академические театры. В этих труппах работали очень интересные актеры, что и привлекало зрителей. Штраух и Астангов, Щукин и Мансурова, Коенен и Жаров, Хенкин и Поль — именно «на них» шли зрители.

Во МХТе-2 было особенно много любимцев публики, прекрасный ансамбль, букет талантов: Дикий, Берсенев, Гиацинто娃, Готовцев, Болдуман, Чебан, Сушкин, Бирман, Дурасова... В свое время работал здесь и гениальный актер М. А. Чехов. Театром руководил некоторое время удивительно интересный человек — Сулержицкий. Кто же не стремился побывать во МХТе-2 на спектакле «Блохи» и восхититься образом Платова, созданным Алексеем Диким!.. Зрители хотели увидеть Берсенева в образе Масбура в спектакле «Мольба о жизни» или его же Годунова в «Смерти Иоанна Грозного»...

Одной из замечательных актрис

театра — с самого первого дня его возникновения — была София Владимировна Гиацинто娃. Ее мы все сразу заметили: она обладала каким-то особенным обаянием молодости, изяществом... С. В. Гиацинто娃 стала центральной фигурой коллектива; в амплуа молодой героини она являлась подлинным украшением сцены в спектакле любого жанра — в драме, комедии и даже трагедии.

Впервые она появилась во МХТе в 1910 году, в Первый студии. Она училась у Станиславского; ей посчастливилось быть ученицей также Вахтангова и Сулержицкого. До 1924 года Гиацинто娃 уже сыграла много ролей как в студии, так и на основной сцене МХТа.

В «Нахлебниках» она играла Машу, а в «Синей птице» — Митиль. Одним из особенно запомнившихся в истории МХТа-2 был спектакль «Сверчок на печи» Диккенса. В нем Гиацинто娃 исполняла роль Феи.

Работа во МХТе-2 принесла молодой актрисе известность. «Двенадцатая ночь» Шекспира получила всеобщее признание как одна из выдающихся постановок своего времени. Блестящее исполнение Дурасовой двух ролей, великолепный Мальвolio — Азарин и яркий образ Марии, созданный Гиацинтовой, — это был спектакль-концерт!.. «Униженные и оскорбленные» Достоевского. Здесь Гиацинто娃 создает драматический образ Нелли. В спектакле «Чудак» Афиногенова она играет Симу. И одним из самых ярких я считаю образ Женевьевы в «Мольбе о жизни» Довала.

После закрытия МХТа-2 актеры были направлены в другие московские театры, многие стали работать на основной сцене театра. Актеры Гиацинто娃, Берсенев, Бирман вошли в труппу театра МОСПС. Конечно, для этих акте-

ров наступили годы непростые, сложные: в театре МОСПС были люди разных школ и поколений, но и здесь Гиацинтовая нашла для себя много хорошего. В это время Горький дал театру новую редакцию «Вассы Железновой», где одним из центральных стал образ Рашили. Роль эта была сыграна при жизни Горького, который, как известно, сделал вторую редакцию пьесы прежде всего для того, чтобы ввести Рашиль. И, кстати, мне кажется напрасной недавняя попытка Театра имени Станиславского возвратить на сцене первую редакцию «Вассы». Это значит снизить социально-политический смысл пьесы — ведь основную тему будущей революции, политическую направленность нес образ Рашили, революционерки-подпольщицы.

Точно и верно, душевно наполненно играла тогда Рашиль Гиацинтовая, а роль Вассы исполняла С. Бирман.

Когда Берсеневу предложили возглавить Театр имени Ленинского комсомола, он ушел туда вместе со своими товарищами. И это было начало нового творческого подъема Гиацинтовой. Здесь она играла много. Ее дарование становилось все более разносторонним и интересным. Театр ставит «Нору» Ибсена. Нора — Гиацинтовая. Это был один из самых популярных спектаклей в Москве. Гиацинтовая создавала глубокий, чрезвычайно драматический характер, раскрывая самые тонкие душевые переживания женщины, показывая трагическую судьбу человека в условиях жестокой буржуазной морали.

С именем Гиацинтовой связано и возрождение драматургии Тургенева на советской сцене. Постановка пьесы «Месяц в деревне» на сцене Театра Ленинского комсомола явилась будто бы неожиданной, так не верилось в то, что в молодежном театре зазвучит Тургенев. Но он зазвучал! Роль Наталии Петровны Филиппано, психологически убедительно сыграла Софья Гиацинтовая. А затем уже пришла ей пора сыграть и Раневскую, хотя и трудно было играть эту роль после спектакля МХАТа.

Актрисе надо было найти новое, свое решение. И она нашла его. Это была не просто помещица, когда-то богатая, а сейчас обедневшая, но современная интеллигентка, неспособная и не умевшая быть помещицей, уступившая свое место новому хозяину — кулаку Лопахину. Она была горожанка. Деревня для нее уже прошлом, в мечтах.

В 1952 году С. В. Гиацинтовая становится главным режиссером театра вместо безвременно скончавшегося И. Н. Берсенева. В свое время актриса уже участвовала как режиссер в постановке спектакля «Двенадцатая ночь» вместе с В. Готовцевым, «Нору» с И. Н. Берсеневым она готовила как основной режиссер. Самостоятельно ставила «Бышневый сад» и «Семью». Как режиссер она отличается умением с удивительной тщательностью разрабатывать роль, строить очень интересные мизансцены, и главное — помогать актеру глубже постигать мир души человеческой.

Творческая жизнь Гиацинтовой многие годы была связана с И. Н. Берсеневым. Она была его другом, женой, помощницей во всех делах. Это был удивительно

совпадающий и по характерам и по направлению в искусстве дуэт. Они понимали друг друга, вместе искали новое...

Мое знакомство с Берсеневым привело к многолетним дружеским отношениям и с Гиацинтовой. Начиная с первых послевоенных лет мы часто встречались, особенно в доме гостеприимного Льва Романовича Шейнина. Чаще всего у него на даче, в Серебряном бору. Берсенев и Гиацинтова всегда дружили с писателями. Именно в Театре Ленинского комсомола начинали свою драматургическую судьбу Борис Горбатов, Аркадий Первениц и Константин Симонов, Шейнин и братья Тур... Душою наших бесед во время лесных прогулок в Серебряном бору стала чета Берсеневых. У них был большой запас всевозможных историй из жизни актеров, рассказов о встречах со Станиславским, Немировичем-Данченко, Горьким.

Мы узнали от Берсеневых о замечательном человеке И. Ф. Попове, авторе пьесы «Семья». Он знал Ленина и Крупскую, жил у них за границей, работал под руководством Ленина в Международном социалистическом бюро. Автор очень интересного романа «Озаренные», он написал и пьесу «Семья», посвященную близким В. И. Ленина. Мы познакомились с пьесой, и Берсенев заинтересовался ею. Начались репетиции. Режиссером-постановщиком была С. В. Гиацинтовая. Главную роль в спектакле, роль М. А. Ульяновой, исполняла она же. И это была подлинная победа актрисы и победа театра.

Гиацинтовая создала великолепный образ матери Ленина, человека несгибаемой воли, исключительной целеустремленности, и вместе с тем глубоко любящего и нежного.

Творческая деятельность С. В. Гиацинтовой продолжается и поныне. Но главным для нее сейчас стала общественная театральная деятельность. Она уже несколько лет председатель Государственной экзаменационной комиссии в ГИТИСе. По-прежнему принимает она участие в мероприятиях ЦДРИ; пишет статьи в журналы и газеты. И всегда приятно встретиться с ней, такой деятельной и озабоченной. У меня сохранилась фотография, сделанная на даче у Шейнина. Под развесистым дубом на траве сидят Шейнин, Берсенев, Гиацинтовая, Беляева и я... Сняв рубашку, подставив солнцу могучую грудь, Берсенев читал роль Сирено де Бержера, где были слова: «И с солнцем в крови». Так оно и было: солнечно, молодо, радостно...

Это было давно. Но для меня это не история, а длившейся сегодняшний день, чудесный оттого, что есть такие прекрасные, благородные люди на свете, как Софья Владимировна Гиацинтовая. И горько мне было читать ее недавнее интервью, в котором с грустью актриса сказала, что она в театре как бы не в театре и что сегодняшний Театр Ленинского комсомола оказался ей чужим!. А мы скажем, что само только присутствие Гиацинтовой в труппе его украшает, ведь Гиацинтовая — это еще и живое напоминание о высоком искусстве театра в период работы Берсенева.

Не рационализм, не расчет на легкий успех, а святая безгранична любовь и преданность Театру — вот что такое Гиацинтовая.

«Семья».

«Беспокойная старость».

«В Доме господина Драгомиреску»

«КУПЛЮ КАРТИНУ...»

Максим ИВАНОВ

В рекламном приложении к газете «Вечерняя Москва», которое разбирается в книжках «Союзпечати» невероятно быстро, можно найти множество любопытных объявлений. «Куплю старинную картину» — привлекла внимание на странице жирным шрифтом строчка. В нескольких номерах — двадцать одиноточных объявлений, сделанных разными людьми.

«Почему одни? И именно старинную? — удивился я. — Не какого-то времени или определенного мастера — русского, советского, зарубежного. Кто же эти люди, жаждущие сделать такую покупку?»

— Слушаю вас, — раздался в трубке мужской немолодой голос. — По объявлению? Что вы можете мне предложить? Поленов, Серов? Нет у вас ничего? Маковский... Хороший пейзаж?

Радищие, доброжелательность звучали в голосе. Я не удивился, когда узнал, что человек и сам «когда-то в молодости баловался кистью, но в течении...». Он называл имена выдающихся советских художников, с которыми, по-видимому, дружил, которые, как оказалось, дарили ему свои произведения. Живо вставало перед глазами: его комната — старинные, с высокими спинками стулья, потемневшие от времени шкафы, книги. Но самое главное — множество развесленных по стенам картин. Стало ясно — свою жизнь он посвятил благородному делу собирательства.

В тот же день, не откладывая дела в долгий ящик, позвонил и по другим телефонным номерам.

— Какую именно старую картину вы хотели бы приобрести? — спросил я.

— А мне безразлично, — ответил резкий женский голос. — Люблю вот в роскошных рамках. Мне интересная вещь нужна.

— Нисский есть, — робко вставил я, — два пейзажа.

— Не знаю такого. А размер какой? — недовольно скрипело в трубке. — Мне полтора на два, метр на полтора в крайнем случае нужно. Всё? Ну и нечего тогда напрасно звонить!

— Слушаю вас. — Голос мужской, густой, сильный. «Молодой парень, лет около двадцати пяти», — решил я про себя.

— Вы хотели бы купить старую живопись? Коли да.

— Ну, знаете, живопись меня интересует в принципе на любом материале. За исключением бумаги. На холсте, на фарфоре, на доске. М-м, еще на чем она может быть... — Он так и сказал «на дос-

ке», с ударением на первом слоге. Иконки взял бы, картины, если в неплохом состоянии.

Первый тем как-то никто по объявлению, принял разработать свою «легенду». Это теперь пригреблось. Выглядела она примерно так: переезжая в другой город (скажем, в Ленинград). Требуется презренный металл. Продаю принадлежавшую мне коллекцию — дедовское наследство.

— Так, хорошо. Тогда давайте я вам задам пару вопросов, — оживился он. — Вот некоторых коллекционеров интересует, понимаете, что какой-то знаменитый художник был. Меня это не интересует. Какой там автор стоит, мне глубоко безразлично. Я покупаю вещь только за интерес.

— А сколько? — вставил я.

Мне предложили портреты велиможных людей прошлых столетий, то есть графов, князей, полководцев и так далее. Если же у вас этого нет, то меня могут заинтересовать композиции. Но предпочтительней портреты велиможных людей. Пускай даже они будут не сильно велиможные, но такие... Дворяне, одним словом.

А досочки у вас какие? — продолжал собеседник, решив уже выяснить все до конца. Пренебрежительное «досочки» относилось к иконам. — Есть интересные? Меня вот что в иконах интересует — я вам сразу скажу. — первую очевидь серебряную, окладную, голубую. Затем белые оклады. Старинные, допустим, шестнадцатый, семнадцатый век, практически не интересует. Потому что живопись недостаточно точная и обычно в плохом состоянии. Нужен девятнадцатый, восемнадцатый век, сюжетные вещи. Пускай даже не особо сильные. Мамочки, Спас, Никола там, Георгий, в общем, разные... «Мамочкой» он называл богочестие с младенцем. — Да, а бронзы у вас нет никакой? А фарфоровых лягушек? — Парень попался настырный и не хотел отпускать «выгодного» клиента. К тому же оставалось выяснить один вопрос. Весьма, впрочем, существенный.

— Хотелось бы знать, сколько вещей будут стоить.

Я знал скромную сумму.

— Цена достаточно скромная, — возразил он. — Но в принципе, я думаю, можно потолковать. И уже уверенное: — Можно. Надо посмотреть. Звоните мне, желательно в одиннадцать часов дня, потому что в этот момент я только просыпаюсь и вы меня всегда застаете дома.

Добраться до места встречи было долго и неудобно — через весь город, до одной из многочисленных парковых улиц. Борис — мой телефонный собеседник — ждал теперь моего звонка из телефона-автомата. Точно адреса он не назвал, и себе не пригласил. Хотя ориентиры определил точно. Так что я не плутал.

— Ждите у киоска «Союзпечати». Через десять минут буду, — раздался в трубке знакомый голос.

Минут через семь между домами, полукружием возвышавшимися над киосками, поиздевался одетый в синюю курточку паренек лет шестнадцати. Красивый, и увидел, что он несколько раз пристально смотрел на меня, судя-судя будто вспоминая кого-то. Понимавшая на себе его взгляд, я обернулся. Паренек отвел глаза, немного постоял на месте, сделал вид, что я его абсолютно не интересую, а затем не спеша отправился восвояси — тоже дорогой, какой и пришел. Будь он ожидал этого момента, из-за угла противоположного дома вышел молодой мужчина. Поравнявшись со мной, протянул руку.

Борис.

Широкое бледное лицо, крупные губы, толстый, мясистый нос.

— Хочешь продать все сразу?

Я так и понял, — перешел он на «ты». — А сколько за все?

— Не знаю, — мямлил я. — Сколько даешь?

Я тебе что, оценочная комиссия? — Впрочем, я покинул его бориса, — тысячи, из полутора, может быть. Когда привезешь? Давай сегодня. Бери два чекомана, лови «мотор» — и сюда. Устроит? На этом же месте. Только осторожнее. Знаешь ведь — запрещено... Такси отпустиши и сразу звони из этого же автомата. Только чтоб никто ничего не знал. Таксисты не ведут болтать. Я приду, поймаем другой «мотор» и подъедем ко мне. Тысячу сразу. Пятьсот, пойдем, сниму с книжки.

— Ну, бывай, — сказал он, когда мы подошли к остановке. — Мне дальше.

В пятнадцать ноль-ноль жду звонка. Отойду несколько шагов, он обернется и, ухмыльнувшись, сказал:

— Делай дело, мужик!

Подошел троллейбус. Я уехал.

...Живет у Киевского вокзала в Москве Владимир Николаевич Москвин — старейший советский искусствовед, страсть собирательства живописи. Свою жизнь он посвятил изучению творчества И. Е. Репина. Составил превосходную картотеку работ Ильи Ефимовича, подготовил к печати биографическую хронику замечательного художника — по годам, месяцам, дням... А сколько находок им сделано! Всех не перечесть.

— Знаете, — сказал он, улыбнувшись, — это сейчас очень модно — иметь нечто подобное в квартире. А уж если на портрете человек мундир да для всех регалий... Что современному мещанину нужно? Пришли, скажем, к нему гости, вот он и куряжится, набивает себе цену «историческим прошлым». «Кто это?» — спросят его, указывая на развешанные портреты «пусты даже не сильно велиможных», как мы рассказывали, людей. «Да так, знаете, предки», — ответит небрежно. — Висят тут, пылятся... А кто изображен на картине, собственно, и не важно. Главное, чтобы в мундирах или, на худой конец, в роскошной раме.

Еще десять лет назад такой тип и слыхом не слыхивал, что можно собирать картины. А теперь «собиратель» из кожи вон лезет, чтобы казаться в глазах окружающих культурным. Но культуру, как картины, за деньги бы не купили.

Сколько сатирических копий мемориали были не так давно в обладателя фикуса или спичек, выставленных на трюмо! Бедный фикус! Что было в этом экзотическом растении дурного? А кому принесли белые мраморные слоники? Кстати, подобную флору и фауну можно было купить сравнительно легко. Никому в голову не приходило скопировать подобными вещами.

Прошло двадцать лет. Безобидные слоники больше не котируются на рынке обывательских ценностей. Там нынче иное в почете.

Конечно, если «культурный» мещанин хочет выложить крупную сумму за очень слабую вещь, за

подделку, за плохую копию, то как этим не воспользоваться нечестному на руку? Спрос, известно, рождает предложение. Поэтому среди спекулянтов даже особая группа выделилась — тех, кто занимается «только историей». Так обыватели рождают зло куда более страшное — спекуляцию произведениями искусства.

Года полтора тому назад мне довелось побывать в одной московской квартире на Арбате. Я собирался написать о творчестве русского художника Юрия Анненкова. Шел наугад, предварительно не созвонившись, — был только адрес. Жена Анненкова, Елена Борисовна, теперь глубокая старушка, узнала о цели моего визита, пригласила в комнату. Предложив сесть, она стала рассказывать о людях, с которыми ей приходилось встречаться в первые годы революции, о своем муже.

Я обратил внимание, что на одной из стен зияла пустотой огромная, тяжелая рама.

— Это что? — спросил я, указав на раму.

— Вы знаете, — оживилась старушка, — у меня тут побывал та-как красивый молодой человек в бархатном костюме. — Бархатный костюм особенно поразил Елену Борисовну. — Представился сыном известного человека, — она назвала громкое имя, — попросил картину «Адам и Ева» на пересыпку — для своей книги. Он тоже интересуется творчеством Юрия Павловича. Адам — в национальном русском костюме, с гармошкой в руках. Ева — в сарафане, коса до пояса. Так почему-то представил себе эту пару мой муж.

— А давно приходил тот человек?

— Года два уже... Нет, он же сказал, что хочет переснять. Разве можно не доверять людям?

Все это вспомнилось вдруг, когда я возвращался со встречи с Борисом. Молодой красавец в бархатном костюме вдруг приобрел черты моего телефонного знакомого...

Конечно, проблема коллекционирования, собирательства была и будет. Хотелось бы видеть больше порядка в этом полезном и благородном занятии. Опыты по организации выставок частных собраний, коллекций раритетов были. За примерами недалеко ходить. Так, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина представлял свои стены для экспозиций частных собраний. Советские музеи неоднократно принимали в дар подобные коллекции и затем показывали их широкому зрителю.

Настало время со всей серьезностью рассмотреть предложение уже не одного собирателя об организации музея, составленного из частных коллекций.

Камиль Писсарро. ВСПАХАННАЯ ЗЕМЛЯ. 1874.

Камиль Писсарро. ОПЕРНЫЙ ПРОЕЗД В ПАРИЖЕ. 1898.

Как известно из биографии Мишки-олимпийца, завоевавшего такую популярность в нашей стране и за рубежом, он сын Большой Медведицы. У олимпийского Мишки масса веселых родичей. Некоторые из них являются артистами цирка.

Аттракцион заслуженного артиста РСФСР Рустама Касеева и заслуженной артистки Башкирской АССР Нелли Касеевой именно так и называется: «Созвездие Большой Медведицы». Это веселый, динамичный спектакль, в котором ко-солисты артисты являются главными исполнителями. Медведи играют в футбол, покоряют моды Дома моделей «Тасчаны» слушают пляшут цыганочку, влезают и даже исполняют танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро» — впрочем, в шутку его называют еще и танцем маленьких медведей из балета «Медвединое озеро»...

Рустам и Нелли Касеевы вместе с двумя своими четвероногими воспитанниками побывали в гостях в редакции «Огнища».

— Рустам Расыкович, как известно, вы начали свою работу на манеже силовыми акробатами. И вдруг совершенно неожиданно вы бросили этот номер, принесший вам признание публики, и занялись дрессурой. Почему?

— Любой поступок, — ответил Рустам Касеев, — может порою показаться людям неожиданным, если они не знают обстоятельств жизни. В свое время мои родители и родственники были уверены, что, получив педагогическое образование в Москве, я буду преподавателем школы. И вдруг они узнали, что я еду работать не в школу, а в цирк. Лучше не вспоминать, какой скандал разразился.

А между тем к цирку я готовился давно. Я учился на факультете физического воспитания Московского областного педагогического института и вскоре увлекся цирковой акробатикой, много и упорно тренировался. Но и переход к дрессуре был для меня совершенно закономерен: силовая акробатика все-таки ограничена в своих возможностях, а мне хотелось с большей полнотой раскрыть себя как артиста. Когда я поступил на театрально-педагогический факультет ГИТИСа, темой своей дипломной работы избрал творческий путь одного из старейших советских дрессировщиков, народного артиста РСФСР Бориса Афанасьевича Эдера.

Кстати, одна деталь в биографии Эдера показалась мне весьма знаменательной. Когда немецкий укротитель Карл Зембах привез к нам в 1932 году группу львов и узнал, что работать с ними будет гимнаст, он сказал Эдеру: «Не будьте легкомысленны, молодой человек. Укрощать львов — это не то, что стоять на голове или на руках, это — серьезное дело, заниматься которым может далеко не всякий. Я вас уверяю, это кончится для вас скверно». Мне тоже довелось услышать подобные предостережения. Более того, в «Союзогородцирке» уже было добрых два десятка «медвежьих» номеров, и там отнюдь не горели желания создавать еще один. Но я сказал своей жене Нелли: «Садись на самолет, лети в Сибирь и, где хочешь, доставай медвежат».

— Но ведь Нелли Александровна по профессии инженер-строитель. Не доказывает ли это, что дрессировщиком может стать наяд?

— Мне кажется, — говорит Нелли Касеева, — если от жены требуется помочь мужу в работе, она обязательно должна это сделать. Я так и поступила. Наши в Сибири охотников, которые привозят медвежат, привезла ма-

РОДНЯ ОЛИМПИЙСКОГО МИШКИ

• В КЛУБЕ «НА ОГНЕК»
• КЛУБЕ «НА ОГНЕК» •

ленных в Москву. Теперь о дрессуре. Мало не бояться животных, мало любить их; это само собой разумеется. Нужно еще расположить животное к себе, чтобы медведь и дружил с человеком и слушался его. Так что, по-моему, дрессировщиком стать очень просто.

— Откровенно говоря, — продолжает Рустам, — я немного сомневался, выдержит ли Нелли первое испытание. Рано или поздно медведь должен был ее цапнуть: этой участи не избегает никто из дрессировщиков! И вот беда случилась: одна из медведиц так «приласкала» ее, что рука у Нелли была на перевязи много дней. Тем не менее уже на следующую репетицию Нелли пришла как ни в чем не бывало. Куряж, как говорят у нас в цирке, не пропал!

— А ведь во всех сказках нет зверя добродушного медведя. Мы как-то с детства привыкли к тому, что он добрый друг человека. Не то что злой серый волк...

— На то и сказки, чтобы в них водились добрые медведи и щуки с человеческим голосом, — говорит Рустам. — Любой хищник всегда остается хищником. Вы, наверное, заметили, что на манеже медведи никогда не выходят без намордника. Если уж медведь находит человека, отбить его очень трудно. Главное, не знаешь, когда это может произойти. Тигра и льва выдает хвост — дрессировщик уже по хвосту догадывается, когда зверь прыгнет. У медведя же хвоста нет, длинная шерсть скрывает глаза и «мимику», так что если у животного почему-либо изменилось настроение, этого не предугадаешь! И в то же время медведя по интеллекту ставят в «первую пятерку»: он среди дельфинов, словно и обезьян. У него очень цепкая память. Такая же цепкая, как когти. Так что у тех, кто работает с хищниками, «глаза должны быть на затылке». Но ни в коем случае нельзя трогать, а тем более убивать: тут сразу срабатывает инстинкт — убегающего преследовать!

— Нелли Александровна, вернемся к хронологии. Как вы начали работать с медведями, которых привезли из Сибири?

— Прежде чем начать работу, нужно было где-то их разместить, а у нас была только квартира в многоэтажном доме у Водного стадиона. Теперь в ней появилось три «берлоги»: в ванной, на кухне и в туалете. Те, кто держит собак, представляют, что это значит! А ведь тут медвежата... Но, признаюсь, мы быстрее с ними нашли общий язык, чем с соседями. Это теперь при встречах соседи любезно интересуются: «А как работает мишка, который сгряз

подоконник? А как дела у пачочки, перевернувшей холодильник?» В четыре часа утра голодный рев поднимал нас с постели: шесть медвежат требовали полюбившуюся им сладкую манную кашу. Потом мы арендовали сарай в парке Дружбы, там и проходили первые репетиции; ни в пургун, ни в мороз они не отменялись.

— А как вы находили контакт с медведями? Как они понимали, что от них требуется?

— В звере нужно видеть не бессловесное существо, а своего доброго партнера по спектаклю; нужно любить животных, как братьев наших меньших. Полезными оказались занятия в педиатрии, в частности умение идти от простого к сложному. Пригодились слова И. Бургимовой — она была моим оппонентом на защите дипломной работы — о том, что нужно разгадывать способности «артистов» и соответственно разделять роли; этот совет стал теперь непосредственным руководством к действию...

Помнится, как-то нам позвонили из Загорска: «Срочно приезжайте! Едем. Нас везут в опустевший пионерский лагерь. Сейчас в пионерских лагерях часто организуют живые уголки. Здесь для живого уголка ухитились где-то раздобыть медвежонка, сделали для него клетку. Пока в лагере были ребята, медвежонок блаженствовал. Никогда в жизни он не получал столько лакомств! Но вот в конце августа уехала последняя смена, укатило и началство, забыв о косметике воспитаннице. Осталась сторож; он жил в деревне, километрах в пяти от лагеря; наведывался редко. Совал в клетку водрую воды, кидал буханку хлеба и снова исчезал надолго. Мишка обиделся на все: и на свою судьбу и на людей, так жестоко его предавших. За лето он подрос. Когда мы приехали, это был непрступный, оголдевший, злой медведище; целый час я возился, пока с трудом надел ему намордник и ошейник. Но и потом, когда мы привезли его в Москву и поселили в сарае, он целый месяц не подпускал близко ни меня, ни Нелли. Лиши постепенно привык. Когда мы приступили к репетициям, у него оказались поразительные способности.

Как мы разучиваем с ними тот или иной трюк? Это — дело долгое и утомительное. Возьмем тот же танец с присядкой и подпрыгиванием. Поможешь медведю присесть и тут же его подкорчиши: «Бравушки! Молодец!» Пусть в его памяти зафиксируется именно эта ситуация. Поднялся на ноги — снова ему гостище: сахар, печенье, ванильные сухари или самое любимое медвежье

блюдо — бородинский хлеб. И так в течение многих месяцев.

— Рустам, вы говорили, что на манеже уже было добрых двух десятка номеров с медведями, когда вы готовили свой номер. Вы не болелись потеряться в этом медвежьем налейдоскопе?

— Сегодняшнего зрителя ничем не удивишь. Посади медведя не в автомобиль, а в ракету, и все воспримут это как нечто само собой разумеющееся. В номере должны быть оригинальные трюки, действующие на мысль. Должны быть юмор, темп. К этому я стремился, стараясь заранее представить себе, как будут люди реагировать на ту или иную актерскую находку. И когда к нам пришли режиссеры Н. Барзилович и Б. Мельников, они увидели, что выступление обещает действительно стать необычным. Нам выделили деньги на питание для медведей. Уфимский цирк дал нам манеж для репетиций. Башкирию мы вспоминаем с глубокой благодарностью.

— Последний вопрос уже к Касеевым-родителям. Нынче в Московском цирке на Цветном бульваре дебютировала в детском спектакле «Тайна медвежьего ущелья» Дана Касеева в роли девочки Машеньки... Кем бы вы хотели видеть своих детей?

— Для артистов цирка — праздник, если на манеже появляется кто-нибудь из юных представителей цирковых фамилий. Для родителей же это особенно радостно. Нам приятно, что Дану выпустил на манеж Марк Соломонович Местечкин, который когда-то дал дорогу в Москве и нам... Наши дети уже сейчас репетируют ежедневно. Сын Ренат готовится стать акробатом. Пусть их труд будет таким же нелегким, но благодарным, каким стал для нас.

Встречу вел Е. ГОРТИНСКИЙ.

Нелли и Рустам Касеевы в редакции «Огнища».

Тула

Леонид РЕШЕТНИКОВ

Всю жизнь я догоняю сам себя,
Бегу сквозь жизнь, как будто жизни мимо,
За днями, что, ликую и скорбя,
Проходят сквозь меня невозвратимо.

Ускорен пульс, и лоб от пота взмок.
Но все бегу, нагнать еще пытаюсь.
Сегодня, что вчера догнать не смог,
Не сделал, хоть и клялся в этом, каюсь.

Бегу, бегу, с летящим часом шаг
Равняю и отстать боюсь от часа.
И ветра отстающего в ушах
Рокочет гул, как струны контрабаса.

Или как грохот «ТУ», И что ни год —
Бегу быстрей, услыхай не жалея.
А между тем бежать все тяжелее.
Бегу, бегу — а интервал растет.

Пора понять — всему пора
Приходит по порядку:
Когда косить, возить с утра,
Когда плясать вприсядку.

Лишь мне урок тот впрок нейдет,
Хоть нет и мне потаки:
Аллюр не тот, голоп не тот —
А все играю в скачки.

Как будто следом мчится тень
С косою неминучей,—
Бегу.
Но все короче день,
А горки — круче, круче.

Раскладка сил и игры в прятки,
Занятье это не для нас.
Идем к финалу без оглядки:
Все верим — есть в нас сил запас.

А между тем давно в помине
Запаса нет — пуста сумма.
В ногах, как сноп тот на овчине,
Сидит безносая сама...

Так, выключая день вчерашний,
Ночь входит, ко всему слепа.
Так перепахано пашней
Вдруг обрубается тропа.

А ведь еще совсем недавно
Казалось — нету ей конца...
А дни горят еще так славно,
Так птицы тенькоют с крыльца!

ДЯТЕЛ И НТР

Я на рассвете песней был разбужен,
Что барабанил дятел. Но мотив,
Каким-то звоном странным перегружен,
Был пустотел, бездушен и тосклив.

Пронзительно-звенящий и неестественный,
На песню дятла был он не похож.
Он здесь, в лесу, не больше был уместен,
Чем звук, когда скребет по жести нож.

Дымили дачи, выстроясь в кильватер.
И я увидел, выглянув в окно,
Того певца. Он, позабыв давно
Древесный сук, как истинный новатор,
Был по антенне...
Грустно и смешно!

ПРОГРЕСС НАУЧНЫЙ НЕИЗБЕЖЕН...

Прогресс научный неизбежен,
И не бессменен наш пейзаж.
Но как вокруг нас лес прорежен,
Как воздух загазован наш!

Как будто вправду правы эти
Слова подлешие — хоть в лоб,
Хоть по лбу — дескать, раз на свете
Живем. А после — хоть потоп...

И впрямь, усилия человечьи
По улучшению земли
Такие ей несли увечья
Порой — и не в такой дали! —

Что, причастввшись тем обидам,
Тряся со лба кровавый пот,
Сама природа-мать всем видом
О тех обидах вопиет.

И чтобы жизнь свою улучшить
Хоть чуть, она, в чаду, в дыму:
— Не улучшай, чтоб не ухудши! —
Взымет к сыну своему.

Новосибирск.

Писем и фото не было.

И Костенко, наконец, понял: Кротов не просто будет бежать на Запад, он будет просить политическое убежище, поэтому-то он так тщательно уничтожает Кротова Николая Ивановича, бандита, фашиста, волка.

— Зачем вы лгали, что «капитан второго ранга» не был у вас дома? — спросил Костенко. И тут женщина сломалась...

Она не плакала, просто покатились слезы, оставляя бурные следы на тщательно положенном «смуглому» tone; Кротова сделалась в какое-то мгновение очень старой женщины — потерянной и жалкой.

— Помочь вам? — предложил Костенко. — Или вы все расскажете сами?

Она отрицательно покачала головой, шепнула:

— Я ничего не буду... рассказывать... вам...
— Тогда я вам скажу. Он привел вас домой. В кафе он купил шампанское и коньяк. Или водку, хотя вряд ли, в кафе водку продают только верным клиентам, но для вас он мог взять водку, чтобы сделать «огни Москвы» и споить вас. Я обещаю вам выяснить все — и это будет не в вашу пользу, — в каком вы были кафе, какие он покупал там бутылки, куда вы отправили dochь, в кино ли, к друзьям, я выясню это, я вызову на допрос и предупреджу свидетелей об ответственности за ложные показания, и они мне расскажут правду. Я не могу иначе, потому что речь идет о злодее... Ну?

ПРОТИ

Женщина кивнула, прошептала:

— Да...
— Все было так?
— Да...
— Когда вы... проснулись, его уже не было?
— Нет.

— Он оставил записку?

— Да.

— Где она?

— Он в конце написал: «После того, как прочешь — сожги, чтобы не попалась на глаза девочки...»

— Это он про dochь?

Женщина кивнула.

— А смотреть альбомы и читать письма вы начали сразу, как пришли?

Она снова кивнула.

— Он к вам после этого звонил?

— Да.

— Когда?

— Сегодня...

— Что?!

— Днем.

— И вы сказали, что вас вызывают в уголовный суд?

— В милицию...

— Он звонил из города?

— Нет, междугородная...

— Из какого города?

— Не знаю.

— В какое время дня это было?

— В одиннадцать.
— Вы ждали его звонка?
— Нет. Сегодня не ждала, а вообще...
— Все время ждали?
Она кивнула.
...Костенко вышел из кабинета, попросил дежурного:
— Позвоните Тадаве, он сидит в моем кабинете, пустяк едет в Минсвязь и попробует установить, из какого города был сегодня сделан заказ на Оболенск, телефон 33-64-21, фамилия абонента Кротова. Если ему ответят, что могли звонить из автомата, теперь много автоматических линий, пустяк обратиться к начальству, пустяк настоит, чтобы проверили все, абсолютно все города и поселки. Может случиться чудо, и ему повезет.

Сначала, конечно же, Тадаве ответили, что при теперешней линии автоматической междугородной связи поиск такого рода бесполезен. Он, однако, поманил к себе девушку, которая разговаривала с ним — ответственная дежурная по управлению, — и шепнул, явно подражая Костенко:

— Красивая, от того, в какой мере вы нам поможете, зависит судьба, вернее говоря, жизнь людей, ибо мы ищем волка, злодея, фашиста, который не просто убивает женщин, а зверски, понимаете? Я говорю вам правду, красавица...

«Справка. На запрос Главного управления уголовного розыска МВД СССР сообщаем, что разговор с Оболенском, с номером 33-64-21, был заказан из Адлера в 8.30, на почтовом отделении при вокзале. Отв. дежурная Владова Л. И.».

Костенко приказал срочно послать оперативные группы на вокзал, аэропорт, на все поезда, вышедшие из Адлера, снабдив оперативных работников точным описанием Кротова. Фотографии он рекомендовал не раздавать, потому что Кротов мог изменить внеш-

Впрочем, ладно, это ваше право в конце концов. Только помните постоянно: один неверный шаг, и дочь ваша останется сиротой!

— Я буду делать все, что вы скажете...
— Он ведь знает ваш рабочий телефон? — спросил Костенко.

— Конечно.
— Когда он позвонит, вы будете держать его разговором сколько можете. Ясно?

— Да.

— Расскажите, что вас вызвали, допрашивали по поводу тех колец, которые вы не пустили в продажу, а придержали для выполнения плана. Он может перепроверять это, поэтому сегодня вечером мы проведем собрание в торге и коллектив возьмет вас на поруки, попросит прекратить возбуждение против вас уголовное дело.

— Вы действительно возбудили дело?

— Возбудим. А завтра об этом будет написано в здешней газете. На общем собрании вы тоже будете говорить правду, ибо я не исключаю возможности, что Кротов познакомился, помимо вас, с кем-нибудь из продавцов. Кто из ваших продавцов одинока, обойдена, так сказать, мужской лаской? Называйте, чтобы мне неходить лишний раз в кадры, вы своих женщин лучше знаете...

— Неужели вы думаете...
— Думаю, думаю, говорите.

— Ира Евсеева — одинока...
— Не все одинокие постоянно думают о... — не сдержавшись, сказал Костенко.

Кротова подняла на него глаза — запавшие, потухшие; ответила жестоко, даже гримаса перекосила лицо:

— Все.

— Позвольте не согласиться...

— Все, — повторила упрямо Кротова. — Ясно вам, все?! Вы, кстати, велели мне... на собрании говорить... правду... И про него тоже?

— Вы зачем так?! Вы понимаете, какую правду я имел в виду! Признаете, что держали в сейфе кольца и броши стоимостью в двадцать семь тысяч; да, хотели помочь торгу

— Слушайте, вы намерены нам помочь? Или нет? Скажите правду, я стану искать другой выход, и я его найду, но вы потом не сможете смотреть людям в глаза.

— Я вынуждена вам помочь, — устала ответила женщина, — потому что вы действительно очень жестоко сказали о судьбе Лены...

— Да?
— Кто же еще, конечно, дочь...

36

...Костенко передал руководство группой Тадаве и выехал в Москву. Он связался с Сандуляном, попросил поднять в аэропорту данные на пассажиров — всех без исключения, — вылетавших сегодня из Адлера, по возможности установить этих пассажиров по номерам паспортов. Особое внимание уделил тем, кому паспорт выдан недавно, с изменением фамилии — взял женину. От Кротова можно ждать неожиданностей, необходимо быть во всеоружии, уйдет два дня — так на так, а в берлинских архивах, говорит Пауль Велер, есть что-то такое, что поможет рассчитать возможные ходы гада...

...Позвонив в Берлин, Костенко сказал Павлу, что вылетает вечерним рейсом, попросил забронировать билет на послезавтра, на утренний рейс и поехал домой.

— Где Арина? — спросил Машу, снимая плащ. Костенко умел точно угадывать — дочь дома или нет ее; все чаще и чаще, возвращаясь, не заставал — то у подруги, то в кино, то где-то у приятелей собирались.

— Сказала, что у Любы. Но мне кажется, она в гостях у Нади, там часто бывает Арсен...

— Я ему голову отверну, этому Арсену...

— Нельзя, — ответила Маша. — Сделать кофе?

— Да.

Костенко увидел большой красный чемодан в столовой, сказал раздраженно:

— Этюромадину я не потящу.
— Он пустой, Слава.

— Тем более.

— Может, купишь чего-нибудь... Иришка тесне маленький спичечник составила... обувь хорошей мало...

— Ничего не куплю, Маша. Я послезавтра буду обратно, сердце что-то скребет, не до покупок...

Костенко прошел на кухню, сел на свое обычное место возле телефона. Чтоб не бегать в столовую, он провел параллельный аппарат: звонили часто. Маша опустилась перед ним на колени, стала привычно расшнуровывать туфли. Он лениво пролистал газеты, не очень-то в общем понимая, о чем пишут, мысли были о деле.

— Кто он все-таки такой, этот Арсен? — спросил Костенко, когда Маша, поднявшись, вышла в переднюю, чтобы почистить его туфли, с детства любила это занятие, деду чистила, как истинный айсор.

— По-моему, сукин сын, но чем чаще мы с тобою станем это говорить Арине, тем больше у него шансов на успех.

— Сострадание к оскорблению?

— Конечно. А он работает по Пушкину: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», — дразнил Арину, и она, дурочка, поддается. Когда у тебя самолет?

— Через полчаса надо выезжать... Но ты Аришке хоть что-нибудь объяснила?

— Миль, я только этим и занимаюсь, — ответила Маша. Она вернулась на кухню, сняла с плиты закипевшую воду, сделала мужу крепкий кофе, как он любил, с пеной; села против него, подперла щеку рукою и улыбнулась. — Люблю тебя рассматривать. Ты к старию становишься еще красивее.

— Да?
— Да.

— Поноще мне это говори. — Костенко отхлебнул кофе. — Вообще ублажай меня, Марья. Я сейчас в таком материале верюсь, что баб начиняю ненавидеть.

— Вполне тебя понимаю...

— Когда физиология прет, гадостно делается.

— Не из всех же она прет...

— Считают — у всех.

— Бабы говорят?

— Оне, проклятые.

— Не верь.

ВОСТОЯНИЕ

ность — усы, борода, форма, спецовка, ватник, черт его душу знает. Он почувствовал опасность, но он еще не убежден в том, что Кротова вызывали в связи с его делом; он просто-напросто не имеет права в это поверить, он должен выяснить правду. Он позвонит к ней еще раз. Он позвонит.

...Группа, работавшая на аэропорту Адлера, не установила факта продажи билета ни Минчиково, ни Минчакову, ни Милинкову, ни Минчукову, ни Пилинкову, ни Линчакову, ни еще добром десятку фамилий, аналогичных этим, поскольку Костенко предложил отрабатывать версию изменения фамилий, отталкиваясь от двух — «Милинко» и «Минчаково».

На квартире у Кротовой была оставлена записка; все ее телефонные разговоры фиксировались.

— Он должен вас убить, — сказал Костенко женщины. — Понимаете? Вы — единственный реальный свидетель, которого вызывали в милицию. Он не знает, в связи с чем, но он должен убрать вас, потому что вы — единственный человек здесь, на Большой земле, к которому он приходил открыто, упомянув имя Кротова. Это гарантия смертного приговора, неопровергнутая улика против него. Я только не могу понять, зачем он пришел к вам и назвал фамилию Кротов? Это против правил, против его правил. А вы мне до сих пор не хотите рассказать всем правды, вы утаиваете что-то, и это — глупо. Вы утаиваете от меня что-то...

с выполнением плана квартала, чтобы сотрудники не лишили премии, — вот какую правду я имел в виду...

— Врача можете пригласить?

— Какого врача? — не понял Костенко.

— Психиатра.

— Что, не владеете собою? Не отвечаете за свои поступки?

— Вы предвзято думаете о людях. Климатакс у меня, простите, климатакс. И я могу сорваться. Поэтому прошу о помощи. Чтобы мне дали какое-нибудь лекарство или укол сделали, я не знаю, что в этом случае может помочь...

— Хорошо. Я это устрою. И повторю еще раз: психиатр психиатром, а судьба вашей дочери, жизнь, говоря точнее, в ваших руках, и здесь никакой психиатр не поможет, и климатакс не отговорится. Я быть может, слишком жесток, но я намеренно жесток, чтобы вы не думали, будто я с вами играю. Я веду с вами дело в открытую, понимаете? Мы связаны сейчас воедино. Или вам жаль капитана второго ранга?

Она снова вскинула голову:

— Да. Мне жаль. Мне его очень жаль...

— Несмотря на то, что я вам о нем рассказал?

— Рассказали... А я привыкла верить глазам...

— Через час меня сменит коллега, он уже выехал из Москвы, он покажет вам несколько фотографий...

— Трупов? Или то, как их разрубал капитан второго ранга?

— Так ведь факты...

— Просто тебе не везет в этом деле, ми-
лый. Физиология, конечно, штука сложная, но
всегда есть и противоположное ей — дисципли-
на духа.

— Редко встречается, — вспомнил тетя Мар-
го и мать Левона, ответил Костенко.

— Конечно, не часто. Мужики распускают,
женщины перестают поклоняться богу, свое-
му богу, тебе персонально...

Костенко поднял на нее глаза:

— Ты что? Правда? Перестала мне покло-
наться? — усмехнулся он. — Разведусь.

— Тебе нельзя перестать поклоняться, от-
того что ты — как рельс: каким был, таким
и остается, не даешь поводов для разочарова-
ния.

— А что это за повод? Что чаще всего
разочаровывает женщину в мужчине? По-
стель?

— Это тоже. Но в меньшей мере, мне ка-
жется...

— Так тебе кажется...

— Сексологи мы в школах не учим, стыд-
ливость наша хрестоматийна; в конце концов
обращается это трагедиями... Но постель
все-таки, во-вторых, как ты передразниваешь
своего Тадаву...

— Это — во-первых...

— Ты что это? Седина в голову — бес в
ребро!

Костенко вдруг увидел лицо Киры Короле-
вой, ее волосы, обвалившиеся на плечо, под-
няла глаза на Машу, на ее седую — настоящую,
некрашеную — копну волос, улыбнулась:

— Это точно. В ребро... Ты что сердитая?

— Заметно? Никак не могу себе ответить
на вопрос: отчего у нас в магазинах продав-
щицы так грубы? Сыты, обуты, французскими
духами надушины, а рявкают, словно жандар-
мы... А как мы в метро садимся! Отчего это?
Почему в Японии — я до сих пор эту поездку
забыть не могу — при входе в магазин вам
кланяются и говорят: «Спасибо, что пришли
к нам!» И прощаются: «Благодарим, что по-
сетили!»

Костенко хмыкнул:

— У нас теперь тоже на чеках пишут:
«Благодарим за покупку».

— Пишут, — отрезала Маша. — А ведь не го-
ворят — собачатся... И это шлейфом тянется
с улицы и из магазина в дом. А разве любовь
возможна, если только что собачатся? Ну, ладно, не любовь, просто-напросто
совместное проживание под одной крышей? А
в школе! Первоклассники называют по фамилии. «Иванова», «Петрова». А «Петрова»
только что в куклы играла, ласково их назы-
вала, и мама ее зовет «Машеньками»...

— Можно ли от учительницы, которая полу-
чает сто пятьдесят, требовать, чтобы она
запомнила все имена?

— Ты не прав. Нельзя все начинать и кон-
чать рублем. Мне иногда хочется, чтобы по
телевидению начали программу, обращенную
ко всем: «Товарищи, постыдитесь, как же вы
общаетесь друг с другом, посмотрите на
себя со стороны, срам!»

— Подействует?

— Еще как!

— Значит, примат воспитательной работы?

Маша улыбнулась:

— Но я не против материального поощре-
ния.

— Вот видишь... На рынке-то отношения
между продавцом и покупателем другие!
И улыбаются, и торгаются, и шуткой перебра-
сываются...

— На рынках душегубы, — обижаясь чешу-
то, ответила Маша. — Так дерут, просто нико-
ких денег не хватает...

— Так это понятно, — допив кофе, ответил
Костенко. — Если бы в магазинах постоянно
были парниковые помидоры и огурцы, кто
к душегубам пойдет? А если б еще к тому же
продавец магазина получал процент с успеха
своей работы — что ты! Он бы с тобой, как
с Лоллобриджидой, разговаривал...

— Это если он — мужчина, а если прода-
вец — женщина?

— Если женщина — как с Вячеславом Ти-
хоновым, — ответил Костенко и посмотрел на
часы.

Маша принесла туфли, снова опустилась пе-
ред ним, обула его, подняла голову:

— Опять левая нога ужасно опухла Сла-
вик... Хочешь, я попрошу Ниночку приехать
к нам? Она тебя здесь посмотрит, времени не
отнимет...

Костенко положил руку на голову жены,
ощущая тепло, увидел стрелки часов — надо
ехать.

— Марья, ты не можешь представить себе,
как я устал...

— Я сердуса на наших женщин, которые
вечно жалуются, что им тяжелее, чем муж-
чинам... И сумки надо, мол, таскать, и го-
вить, и стирать... Мужчинам всегда тяжелее...

— Правда ли ты, Марья?

— Так точно, товарищ полковник, права. Вы
организацию труда проходили? Или темный
сыщик? Эти разговоры идут от разгильдяй-
ства. «Путь к сердцу мужчины лежит через
его желудок!» Безобразие это! На Западе и
в Японии женщины тоже и продукты покупа-
ют и готовят...

— Не работают они, как вы...

— Еще как работают! Посмотри статисти-
ку... Только покупают не так, как мы, каждый
день — понемножку, это наше скопидомство,
а на поверку, больше тратим, чем если бы бра-
ли на неделю, холодильники в каждом доме,
это для нас с тобой было событие в пятьдес-
ят шестом, год жди в очереди, а сейчас
в рассрочку — пожалуйста. Карапашик надо
взять, посидеть и посчитать, сколько чего куп-
ить... Хоть с ассортиментом у нас неважно,
но все равно едим мы больше всех в мире.—
Маша по-прежнему сидела на полу, не под-
нимая головы с колен мужа.— А стирка! Вре-
мя, затраченное на домашнюю стирку, стоит
дороже, чем прачечная. Время — мера всех
ценности, Славик, а мы с ним не в ладах...
Дис-спил-лина, — засмеялась она, — дис-спил-ли-
на.

— Марья, а если бы женщина сказала: «Ты —
не мужик, а матрац...» Что тогда?

— Тогда она просто-напросто не женщина;
видимо, фригидна или внутренне испорчена,
или просто-напросто не совсем здорова психи-
чески, глубокая истерика. Кому это она
сказала? Может, алкоголику?

— Вполне нормальный семьянин.

— «Нормальный семьянин?» Плохое опре-
деление... Какое-то жалко... Ты, вот, напри-
мер, никакой не семьянин. Ты просто замечатель-
ный отец и я тебя люблю... Хотя, как
всякий нормальный мужик, ты немного сумасшедший, и это — прекрасно... Я всегда
мечтала о таком, как ты... Только противополо-
жности увидаются: ты — черный, я — белая,
ты — толстый, я — худая, ты умный — я жен-
щина, ты — смелый, я — трусиха...

Костенко снял руку с головы жены, она
прижалась к руке щекою, поднялась, поцело-
вала его и попросила:

— Успеешь написать Аришке записку? Она
очень любит твои записи. Напиши, что дело
у тебя сейчас кошмарное, ты улетел в Берлин,
она этим очень гордится. И попроси ее не
торопиться с решением, пока ты не обсудишь
с нею пропозиции, — она обожает это твое
омерзительное словечко.

— Салют, Мария... Костенко поднялся, по-
шел в прихожую, долго смотрел на себя в
зеркало, потом сказал Маше, стоявшей за
спиной: — Не морда, а печеное яблоко.

Открыл уже дверь, улыбнулся:

— Митка начал стихи писать — на старости
лет...

— Ну!

— Хочешь, прочту?

— Конечно.

Костенко почесал нос, чуть кашлянул:

— К женщины первой тяги,

Словно на вальдшнепа тяга,

Как Дездемона у Яго,

Словно Форсайтова сага...

Было всяко,

Будет всяко,

Кней лишь останется тяга.

Слово условно,

Многопланово, то есть огромно.

Профессионально.

Любовно.

Двойко:

Тяга.

Голос услышу — тяжко,

Правдин или лгу — натяжка;

У сердца пригрюю бродяжку...

Тяжко...

Маша как-то странно улыбнулась, потом
сказала:

— Дорогие мужики, по-моему, вы вступаете
в критический возраст.

— Он у нас начнется за час до смерти,—
ответил Костенко, поцеловал жену в нос, лифт
вызвать не стал, пошел пешком — Маша чув-
ствовала, как тяжела его походка; устал, бед-
ный...

— А чемодан?! — закричала Маша.— Сла-
вик, погоди, я тебе сейчас спущу на лифте!
«Вот ведь хитрюга», — добро подумал Ко-
стенко.— Заставила все-таки взять красный...

37

...Прочитав еще раз запись беседы, прове-
денной Костенко с Кротовой, и остановившись
дважды на фамилии «Евсеева», Тадава решил
не ждать утра.

Посты наблюдения сообщили по радио, что
улица, где живет продавщица, чиста — Ко-
стенко предупредил, что Кротов, спекулируя
на погонах, на уважении к ордену Миннико,
который носил постоянно, может использовать
какого-нибудь малыша: «Посмотрите-ка,
сынок, нет ли там моего племянника — он или
в машине сидит, или около дома ходит», — на-
известно, конечно, но тем не менее иногда сработы-
вало. «Он может подкатить и к этой», — говорил
Костенко, — я чувствую, что он мог... Тоже
одинока, тоже страдает по любви и ласке...
Он, видимо, работает со страховой, понимаете,
Реваз? Я начинаю его побаиваться, я его
тень начинаю за собою видеть, право. Так
что постоянная собранность, максимум акку-
ратности. Надеюсь, удастся привезти из Бер-
лина что-то новое, и это новое, сдается мне,
поможет нам в поиске... Впрочем, я очень
бояюсь, что ищем мы тень, символ, а не челове-
ка...»

— Ирина Григорьевна, — сказал Тадава, — я
из уголовного розыска, долго вас не задержу.
Мне бы не хотелось вас приглашать в мили-
цию, поэтому я пришел к вам. Разрешите?

Женщина стояла на пороге, пройти в комнату Тадаве не предлагала.

— Вы связи с вчерашним собранием в магазине? По поводу Кротовой?

— В связи с этим тоже.

— Тогда вызывайте в милицию, чтоб все было официально, я предавать никого не намерена, а тем более мою заведующую.

— Вы решили, что я пришел склонить вас к предательству?

— К чему же еще? Торговой этике, что ли, учить?

— Вы мне позвольте все-таки к вам войти...

— Я же сказала — нет. Ничего я вам здесь говорить не стану.

Тадава погасил вспыхнувший в нем гнев, закрыл на мгновение глаза, поджал губы:

— Хорошо. Речь пойдет не о Кротовой... Вызвывать вас мы не можем, ибо, возможно, за вашей квартирой следят...

— Что?! Кто это следит-то? Только вы и можете следить, денег у вас на это хватает, налоги не зря платим...

— Ответьте мне: у вас сейчас есть кто-нибудь дома?

— А кто у меня может быть?! Никого нет!

— А капитан, моряк, к вам приходил?

Лицо Евсеевой вспыхнуло, потом побледнело.

— А вот это вас не касается.

— Именно это меня интересует. Этого моряка мы ищем, он убийца.

Женщина отняла руку с косяка, Тадава прошел в квартирку, оглянувшись предварительно — на лестнице было пусто: «Что это я себя зазря пугаю, внизу наши люди...»

Но, подчиняясь какому-то внезапному посылу, Тадава вдруг повернулся, взбежал по лестнице на последний этаж — по-кошачьи, на цыпочках. Там никого не было. Вниз спустился быстро, почему-то подражая походке Чарли Чаплина, когда тот в финале своих ранних фильмов, раскачиваясь, уходит в солнце. Понятно, тросточки в руке майора не было, а Чаплин всегда приговаривал тросточкой, и чем горше ему было, тем он смешнее и беззаботней вертел ею.

...В комнате у Евсеевой было занятно: вся ее сущность вилась наружу — и финская стекла, и кресла из югославского гарнитура, и арабский стол с тяжелыми стульями, и репродукции из «Работницы» в аккуратных позолоченных рамочках, и хрусталь в горке красного дерева, — все было здесь показным, не для себя, не для удобства; сплошная инвестиция. И в книжном шкафу тоже инвестиция, а не книги: Конан Дойль рядом с Булгаковым, Мандельштам вместе с Майном Ридом, «Вкусная и здоровая пища» была втиснута между альбомами импрессионистов и «Гретьяковской галереей» — размер почти одинаков.

Тадава снова погасил в себе острое чувство неприязни к женщине, открыл папку, спросил разрешения расположить на столе фотографии. Евсеева поставила большую салфетку, и Тадава начал пасьять карточки с расчлененными трупами. Последним он выбросил на стол портрет Кротовой — тот, что удалось достать в профсоюзном бюро таксомоторного парка.

— Он у вас был? — утверждающе, по-костенковски сказал Тадава. — Я это спрашиваю без протокола. Он говорил с вами?

— Говорил, — ответила Евсеева, не отводя глаз от фотографий, расположенных на столе.

— Когда? После того, как побывал дома у Кротовой?

— Он у нее дома тоже был?

— Вы когда его увидали? — не ответив на вопрос, но поняв в все из того, как он задан, продолжал Тадава. — Вы его какого числа увидели?

— Не помню я чисел.

— В магазин к Кротовой он пришел третьего вечера.

— На другой день ко мне пришел.

— Сюда?

— Да.

— А как он с вами об этом договорился?

— Никак не договаривался. Постучал в дверь, я и открыла. Я запомнила его, когда он с Кротовой кабинет пришел.

— А почему, дорогая, вы его запомнили?

— Никакая я вам не «дорогая»!

— Для кавказца всякая красивая женщина — «дорогая», — без улыбки ответил Тадава.

— Ну и оставьте для Кавказа свои обращения. А я вам гражданка Евсеева.

— Хорошо, гражданка Евсеева. Пожалуйста, возьмите ручку и бумагу, напишите подробное объяснение, когда, при каких обстоятельствах и в связи с чем к вам пришел моряк, о чем он с вами говорил, как вы провели время, когда он от вас ушел, когда обещал вернуться, если, конечно, обещал.

— А я вам не обязана писать. Спросили — ответила. Дальше — моя личная жизнь, она вас не касается, она у нас законом охраняется.

— Вы совершенно правильно ответили, гражданка Евсеева. Но, во-первых, речь идет не о вашей личной жизни, а о преступнике, которого ищут уголовный розыск Советского Союза, во-вторых, вы работаете не во «Вторсыре», а в ювелирном магазине, имеете доступ к драгоценностям, и, наконец, в-третьих, если вы знаете, когда моряк был намерен вернуться в Оболенск, но не говорите мне об этом, я привлечу вас к суду за пособничество особо опасному преступнику.

— А какие у вас есть для этого основания?

Нет у вас никаких оснований меня привлекать.

— Значит, вы не хотите помочь нам захватить врага?

— А я вам так не сказала. Я сказала, что писать ничего не буду. Есть вопросы — задавайте. И карточки свои со стола уберите, тошно смотреть.

Тадава послушно убрал фотографии в папку, аккуратно положил потрепанную канцелярскую папку в крокодиловой коже портфель, спросил разрешения закурить, достал пачку «Примы», затянулся, ощутив горьковатую синеву табака, и спросил:

— Вас не удивил его приход?

— Чего же удивляться? Он видел меня, а я его глаза запомнила...

— Он спрашивал вас о Кротовой?

— Не этот вопрос я отвечать не буду.

— Почему?

— Не буду — и все.

— О вашей работе спрашивал?

— Чего-то спрашивал... Он о камнях говорил красиво, какой камень какому зодиакальному знаку принадлежит, почему так считаются...

— Он вам какие-нибудь камни показывал?

— Да. Изумруд показал.

— В оправе?

— Нет.

— Дорогой камень?

— В магазинах сейчас такие реализуют... Тысячи две, не меньше. Границ хорошие, цвет, глубина, все при нем.

— Не говорил, откуда у него этот камень?

— Что я, милиционер, такие вопросы задавать?

— На море вам съездить не предлагал?

— Не буду я на такие вопросы отвечать, сказала же!

— Значит, в Адлер он вас все же позвал. Кротову он, впрочем, приглашал в Батуми.

— Не сталкивайте нас лбами, не столкнете...

— Бутылка, которую он принес, осталась?

— Я бутылки не сдаю, я их выбрасываю в мусоропровод.

— Шампанское и водка?

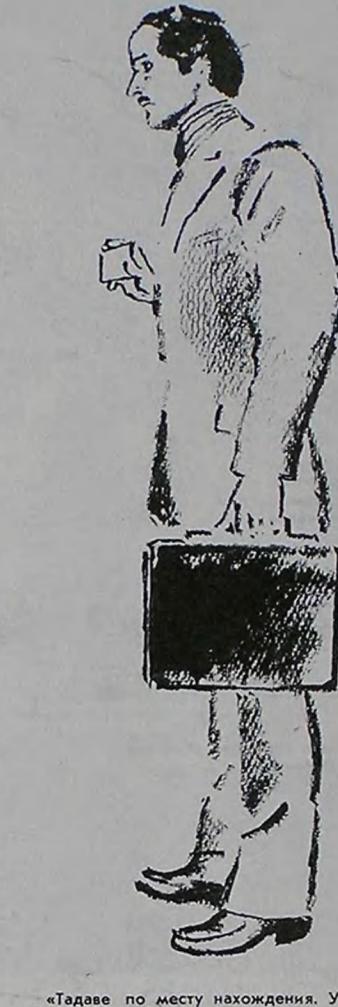
— Я же сказала: не лезьте в мою личную жизнь. Ее у меня и так слишком мало, чтобы я с другими делилась.

Тадава поднялась.

— Я надеюсь, вам не придется казнить себя за то, что вы не захотели нам помочь обезвредить преступника. Мы постараемся поймать его без вашей помощи. Но если случится горе, оно будет непоправимым. А этого можно избежать, расскажи вы нам все. Я хочу, чтобы вы запомнили эти мои слова. До свидания, гражданина Евсеева.

С этим и ушел. Дверь прикрыла очень аккуратно: так закрывал дверь своего «экипажа»; очень сердился, когда сильно хлопали, хотя сейчас ему хотелось так рвануть на себя медную, в форме львиной морды ручку, чтобы из-под косяка посыпалась штукатурка.

«УВД Магарана, майору Жукову. Прошу срочно опросить знакомых Петровой, не было ли у нее кольца с зеленым изумрудом, хороших граней, — это выражение ювелира, прошу перепроверить у соответствующих специалистов, чтобы доходимее объяснять вопрос свидетелям. Майор Тадава».

«Тадава по месту нахождения. У Петровой были изумрудные серьги и кольцо. Жуков».

«Майору Тадаве, телеграмма из отдела Управления уголовного розыска МВД СССР. На имя полковника Костенко получены списки лиц, сдавших заявление на поступление в рыбфлот СССР — период с ноября по настоящий день. Ни Миленко, ни Минчакова в списках нет. Однако есть Пинчуков, 1925 года рождения, из Весьегонска, имя и отчество сходятся с именем и отчеством погибшего Минчакова. Проживал по адресу: Весьегонск, Озерная, 3. Но на фотографии, приложенной к делу, лицо человека обезображенено шрамом, правый глаз косит. Полковник Кириллов».

«Полковнику Кириллову. Прошу передать фото Пинчукова в НТО для исследования. Отправлена ли установка по месту жительства Пинчукова? Где находится Пинчуков в настоящее время? Прошу сообщить, в какой флот он оформленся. Тадава».

«Майору Тадаве. Фото Пинчукова по заключению экспертов, в определенных параметрах соответствует фотографии Кротова, которой мы располагаем, однако категорический ответ экспертизы отказывается дать в связи с плохим качеством фото. Пинчуков действительно проживал до января с. г. по указанному адресу, косоглаз, имеет шрам на лице. После принудительного лечения в антиалкогольном диспансере № 12 домой не вернулся из-за жены, которая не хочет, чтобы дети видели отца-алкоголика. Где находится в настоящее время, неизвестно. Сосед Антипов говорит, что Пинчуков выражал желание во время их последней встречи, когда жена не пустила его домой, уехать на лесозаготовки. Пинчуков проходил оформление в Калининградском рыбном флоте. Полковник Кириллов».

Продолжение следует.

Рисунки
О. Веденникова,
В. Воеvodина,
В. Спельникова

— Говорил же тебе: «Сначала купим автомашину».

В ПОДВАЛ... ГРИБЫ СОБИРАТЬ

Грибы многие любят. А как следить, чтобы за ними не ходить в дальние леса, не трепать подметки, а собирать эти вкусные дары природы... у себя под окошком? Наконец-то пришла пора!

Выходим мы как-то днем с женой из Дворца культуры профсоюзов в Новгороде. Смотрели очередной спектакль местного народного театра музыкальной комедии. Напротив главного подъезда видим небольшую зеленую полянку, по которой дедушка с внучкой ходят и собирают грибы. Ради любопытства заглянули в корзину старичка. Почти до краев полна... шампиньонами! Интересуемся:

— С чего бы это здесь, в центре города, шампиньоны появились? — А что тут им не растут? — в свою очередь, спросил старичок. — Каждый год я просыпаю эти места много очистков от шампиньонов. Теперь их здесь растет, столько, что на всю соседнюю Псковскую улицу хватит.

Старая учительница Мария Васильевна Евстигнеева, проживавшая в деревне Кураково, Боровичского района, еще работала в школе, не только сама сеяла грибы около дома, но и обучила этому делу школьников.

А процедура посева грибов у нее незатейлива и проста. Поряду в лес ученики с учительницей, набирая корзинки старых, перестоявших грибов и ташат к школе.

Затем их по видам складывают в ведра, водой заливают, размешают и всю эту «тюрьму» разливают под деревья. Проходит год-два — и собирайте на добре здоровье дары природы!

У Марии Васильевны и еще одно «чудо» обывалось! В подвале ее дома вот уже несколько лет как тоже растут грибы — подберезовики, рыжики, волнушки, грузди! Чуда тут никакого не было. Мария Васильевна еще в 1971 году как-то сеяла грибы возле своего дома, но споры попали и в подвал. Отсюда и результат.

...У рабочего Окуловского лесхоза из Ивана Алексеева ситуация с переселением грибов из леса к окошку была похожей. Двенадцать лет тому назад он из леса принес домой полную корзину добрых белых грибов, сухих, круглых, крупных. Все отходы выссыпал в палисаднике под деревья и кустарники. И каково же было удивление всей семьи, когда ровно через год на этих местах выросли расчудесные боровики.

С тех пор семья Алексеевых жирует, вариет, сушит белые грибы, снятые под окошком.

Природа очень щедра к человеку. Она многое делает для него. Человек должен отвечать ей взаимностью!

Вит. ПЕРОВ

Новгород

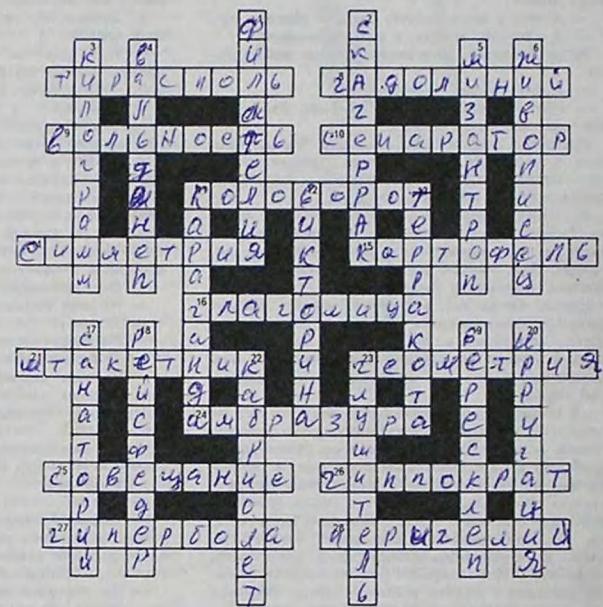
По горизонтали: 7. Город в Молдавии. 8. Химический элемент. 9. Одна из 5. Пукантина. 10. Аппарат для разделения смесей. 11. Приспособление для вращения свечи. 14. Соразмерный. 15. Опера. 16. Древняя славянская система письма. 21. Забор из узких деревянных планок. 23. Часть математики. 24. Войинка. 25. Заседание. 26. Древнегреческий врач и естествоиспытатель. 27. Поэтический прием чрезмерного преувеличения. 28. Наиболее близкая к Солнцу точка орбиты планеты.

По вертикали: 1. Коллекционирование почтовых марок. 2. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 3. Единица веса. 4. Перелетная лесная птица. 5. Комедия Ж.-Б. Мольера. 6. Художник. 11. Областной центр в Казахстане. 12. Игра в ответы на вопросы. 13. Керамическое изделие. 17. Учреждение для лечения и отдыха. 18. Черкесский инструмент. 19. Вечнозеленый кустарник или небольшое дерево. 20. Искусственное орошение земель. 22. Легкий одноконный экипаж. 23. Устройство для снижения шума двигателя.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Верещагин. 8. Аллегория. 9. Трюм. 10. Макаренко. 11. Астрограф. 12. Кран. 13. Канарейка. 16. Дварионас. 19. Аннотация. 23. Проректор. 26. Руко. 27. Доминикан. 28. Платонташ. 29. Вена. 30. Пластилин. 31. Станкин.

По вертикали: 1. Незабудка. 2. «Нашистка». 3. Антоновка. 4. Смаранд. 5. Терренкур. 6. Милашкина. 14. Неон. 15. Кони. 17. Веер. 18. Наст. 20. «Недоросль». 21. Анакамарин. 22. Ярославна. 23. Поли-спаст. 24. Ротапrint. 25. Основание.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Жанар Алимова родилась на целине.
(См. в номере материала «Хлеб и металл».)

Фото Г. Копосова, Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Григорьевские места в Крыму. Старый Крым. Дом, в котором жил и умер Грин. * Феодосия. В одном из залов дома писателя. * Судак — старая крепость. * Феодосия. В музее Грина. * Рыбацкие баркасы на окраине Феодосии.

(См. в номере материала «Творец блистающего мира».)

Фото С. Петрухина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социальных стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-89; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-31-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 4.08.80. Подписано к печати 19.08.80. А 00403. Формат 70×108^{1/4}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1796. Заказ № 2711.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

ДО СВИДАНИЯ, ЛЕТО!

Фото Михаила САВИНА

Вот и август подошел к концу. Еще немного, и закатится вольное ребячье лето. Городские малолетние граицане вернутся домой — кто из пионерских лагерей, кто с морских берегов, кто из походов по рекам и горам. Они приедут загорелье, искусанные комарами и осами, пропахшие дыном костров и дикими полевыми цветами.

Но найдутся среди них и такие, кто привез мозоли на руках, первые свои трудовые мозоли, которые они будут с гордостью показывать родителям и остававшимся в городе друзьям. Это юноши и де-

вушки, ездившие всем классом или всей школой куда-нибудь на Северный Кавказ или в Поволжье, чтобы испробовать, что такое работа на колхозном огороде, на пшеничной ниве, на свекловичной плантации, чтобы узнать, как пахнет на сенокосе срезанная трава. Зимою городским ребятам будут сниться веселые цветные сны про лето, которое запомнится им на всю жизнь неповторимостью этого первого соприкосновения с живой землей, не покрытой асфальтом.

Иное дело — сельские ребята. Нет, в жизни у них все, как в городе — те же детсады и школы, те же клубы и драмкружки, велосипеды и мотоциклы. Даже и цыпки на ногах от бесконечного бегания босиком по лужам у них, как и у городских, бывают теперь редко. Но зато они несравненно ближе к земле.

На снимках вы видите лето на Рязанщине, под Спасском. Спасск — городок неболь-

шой, стоит в сердце сельского района и живет заботами колхозов и совхозов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что молодые люди из Спасского педучилища, в большинстве деревенские уроженцы, провели свои каникулы на полях родного района. И все школьники — тоже.

Они работали на животноводческих фермах, коптили сено, гоняли коней в ночное, были трактористами, как их младший собрат, восьмиклассник Саша Сурков из совхоза «Спасский», которого фотообъектив застал на тракторе за подборкой сена.

Были и рыбаки, и песни на вечерней зорьке, и звонкий смех над удачной шуткой.

Жизнь у них только начинается. Не знаем, о чем гадают на ромашках Марина Свирина и Светлана Антошина, но наверняка все, что задумано, у всех нынешних юных сбудется.

О. АННИКОВ

